

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**Революция 1917 года в России:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ.**

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2013. – 198 с.

Научные рецензенты: д. ист. н., профессор СПбГУ С.Л. Фирсов, к. ист. н., научный сотрудник СПб ИИ РАН П.Г. Рогозный.

ISBN 978-5-904-247-78-2

В сборник включены материалы межвузовской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 1 ноября 2012 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

© А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2013.

© Авторы статей, 2013.

© А.А. Иванов, оформление обложки, 2013.

© Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

ISBN 978-5-904-247-78-2

От составителя

В 2012 году исполнилось 95 лет русской революции 1917 года. Петербургские историки отметили эту годовщину научной конференцией¹. Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена с 2007 года проводит ежегодные конференции, посвященные истории революции 1917 года в России и по их итогам издает сборники научных статей, которые получают высокую оценку специалистов².

1 ноября 2012 года кафедра русской истории провела очередную межвузовскую научную конференцию «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». В ее оргкомитет вошли заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), кандидат исторических наук, доцент Д.А. Бажанов и доктор исторических наук, доцент А.А. Иванов. В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга и Чебоксар. В ее программу было включено 17 докладов. Как и всегда, конференция вызвала интерес среди студентов и аспирантов факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. Они не только участвовали в обсуждении наиболее интересных докладов, но и сами выступали на ней с сообщениями. Кроме этого, именно в студенческой газете ФСН РГПУ «Двадцатый корпус» была опубликована первая статья, в которой рассказывалось о ходе конференции и подводились ее итоги. «Самим фактом своего проведения, – пишет студент 2 курса магистратуры В.С. Сахаровский, – конференция в очередной раз ответила на вопросы скептиков, сомневающихся в возможностях новизны исследований по истории русской революции»³.

К сожалению, в сборнике представлены не все доклады, заявленные в программе конференции. Некоторые из них не были переданы для публикации, а другие не печатаются по техническим причинам.

Три статьи сборника посвящены правым: Д.И. Стогов рассматривает «процесс формирования общественного мнения по отношению к правым на страницах либеральной печати в период с 1916 по февраль 1917 г.». Автор

¹ В частности, 16 ноября 2012 года межвузовская конференция к 95-летию революции 1917 года прошла в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). Среди участников конференции и авторов сборника, вышедшего по ее итогам, были заведующий кафедрой русской истории РГПУ А.Б. Николаев и докторант этой же кафедры Д.И. Стогов (См.: *Николаев А.Б.* «Под красным флагом»: петроградская полиция в дни Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., 2013. С. 38 – 50; *Стогов Д.И.* Деятельность петроградских правомонархических салонов накануне Февральской революции // Там же. С. 156 – 163).

² См., напр.: *Куликов С.В.* Копейка рубль бережет // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 8. С. 124 – 128.

³ *Сахаровский В.* Есть у конференции начало, нет у конференции конца // Двадцатый корпус. 2012. Ноябрь. № 84. С. 5.

приходит к выводу о том, что либеральная печать, «используя как справедливые обвинения в адрес черносотенцев, так и подчас пуская в ход откровенную клевету, <...> сознательно формировала в сознании обывателя негативный образ монархистов». К клеветническим измышлениям либеральной прессы Стогов относит обвинение черносотенцев чуть ли не в пособничестве Германии и революционным силам. А.А. Иванов, на основе анализа публицистических работ видного правого деятеля Н.Е. Маркова, дает его оценку Февральской революции 1917 года в России. Автор приходит к выводу, что она «была намного трезвее и глубже, нежели расхожие утверждения и штампы утверждающие, что лидеры черной сотни были склонны винить в крахе самодержавия исключительно евреев и масонов и не отдавали себе отчета во всей совокупности причин, приведших к Февралю 1917-го». Посылком к этому суждению, в частности, стали взгляды Н.Е. Маркова на союзников России по Антанте как еще одного виновника революции. В.В. Клепикова пишет о В.М. Пуришкевиче, который, оставаясь в 1917 году монархистом, «сблизился с либералами» и боролся с большевиками, оставаясь чужим как «для бывших соратников, предатель», так и «для новых союзников» – либералов.

В четырех статьях содержится региональный компонент: А.Г. Румянцев изучает восприятие «революционных событий 1917 года в российской провинции через призму дневников» тихвинского краеведа и историка И.П. Мордвинова. Румянцев утверждает, что дневниковые записи Мордвинова «позволяют скорректировать известные представления как о широкой поддержке большевистской власти на местах, так и о массовом сопротивлении новому режиму». Д.А. Бажанов на основе материалов периодической печати Гельсингфорса рассуждает о свободе как категории мировоззрения балтийских моряков весной – летом 1917 года. Автор делает ценные выводы и замечания. В частности, он пишет: авторы статей в гельсингфорсской прессе уже в мае 1917 г. «начали констатировать, что свобода понимается многими как безнаказанность». И тут же Бажанов подчеркивает, что в целом такое понимание подвергалось в периодической печати Гельсингфорса «порицанию и моральному осуждению». Е.М. Михайлова пишет о региональных правоконсервативных партиях и организациях Поволжья накануне Февральской революции и в «новой» России. Она приходит к выводу о том, что «по мере падения авторитета самодержавной власти правоконсервативное движение в провинции, впрочем, как и по всей стране, все дальше отходило от нее, слабо вписываясь в парламентскую систему поздней Российской империи». По словам Михайловой, «Февральская политическая система отвергла правый консерватизм как ненужную и мешающую силу». А.В. Соколов приводит подробности «захвата» дома экзарха Грузинского в Тифлисе 23 августа 1917 года, считая, что это событие явилось «во взаимоотношениях двух православных церквей тем знаковым событием, которое продемонстрировало глубину разрыва в среде еще недавно единого духовенства».

В трех статьях речь идет о событиях, происходивших в Петрограде. Д.В. Надсадный исследует деятельность Городской исполнительной комиссии по благотворительности. Подчеркнем, что для раскрытия темы исследо-

вания автор привлек материал, который ранее историками не использовался. Автор делает весьма ценное замечание о противоречивых тенденциях, которые сложились в сфере муниципальной благотворительности в 1917 году. Первая из них, по словам автора, заключалась, в движении от необязательной для города деятельности «к организованной и унифицированной общегородской системе широкой обязательной социальной помощи». К осени 1917 года «начинают превалировать и ставят муниципальные благотворительные учреждения на грань выживания» такие деструктивные тенденции как «нехватка средств на поддержание старых и новых заведений, удовлетворение возрастающих appetитов опекаемых и служащих, нарастающие продовольственные затруднения, административный развал». А.Б. Николаев продолжает изучать историю Петроградского временного суда. В этот раз он обращает свое внимание на вопрос о судебном преследовании депутатов районных советов рабочих и солдатских депутатов. Проанализировав материалы периодической печати, суточные милицейские рапорта и одно поднадзорное дело, автор приходит к выводу о том, что «советские депутаты крайне редко оказывались в качестве подсудимых во временных судах». Определенный интерес представляет и другое его суждение: от судебного преследования советских депутатов «защищал неписанный высокий статус представителя рабочих и солдат, а практические шаги по обеспечению этой защиты осуществляли различные институты революционного Петрограда». Центральное место среди указанных статей, да и всего сборника, занимает исследование П.Н. Гордеева, которое «посвящено процессам самоорганизации и самоуправления, происходившим в 1917 году в среде технического персонала петроградских государственных (бывших императорских) театров». Заметим, что эта тема ранее не привлекала внимания историков. Автор впервые в историографии подробно изучает правовую основу, выборы, состав и деятельность местных комитетов, «Союза рабочих и служащих петроградских государственных театров», а также и Центрального комитета государственных театров. Кроме этого, автор проделал огромную работу, собрав и изучив биографические сведения о членах президиумов местных комитетов и членах ЦКГТ.

Определенный интерес представляют статьи Е.С. Гавроевой и Е.А. Лысенковой. Первая из них, изучив материалы английских парламентских дебатов, установила, что за апрель – июнь 1917 г. члены Палаты общин 12 раз обращали внимание на события, происходившие в революционной России. Гавроева выявила круг вопросов, которые интересовали английских парламентариев и касались России и русско-английских отношений. Лысенкова пишет об оценке перспектив русской революции в публицистических сочинениях Н.В. Устрялова 1917 года. Она замечает, что революционные события привели Устрялова «к полному разочарованию демократической формой правления применительно к своей родине и своему народу». По словам, Лысенковой, именно несбыточность ожидания в 1917 году «русского Бонапарта, диктатура которого спасет Россию», «в 1920-е сделала Устрялова сначала

певцом советского «термидора», а в 1930-е приблизила к апологетике сталинизма».

Надеемся, что сборник найдет своего благодарного читателя, а также будет способствовать росту интереса к истории революции 1917 года в России.

*А.Б. Николаев
6 октября 2013 г.*

Стогов Д.И. Образ черносотенцев в российской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 гг.)

Говоря о причинах революции 1917 года, необходимо комплексное изучение не только ее участников – представителей либеральных и революционных партий, но и политических противников (монархистов, черносотенцев), пытавшихся противостоять революционному натиску. Кроме того, важную роль в формировании общественного мнения предреволюционных лет играла периодическая печать, прежде всего, либерального направления (газеты «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Утро России» и др.). На страницах этих изданий авторы статей и заметок небезуспешно пытались дискредитировать право-консервативные круги, создать общественное мнение, не только не разделявшее идеологии черносотенства, но и выступавшее резко против правых, а постепенно и против монархической идеи вообще.

В настоящей статье мы рассмотрим процесс формирования общественного мнения по отношению к правым на страницах либеральной печати в период с 1916 по февраль 1917 г., то есть, собственно говоря, до самой Февральской революции, уничтожившей самодержавную Россию. Впрочем, в силу необходимости, периодически мы будем делать и небольшие экскурсы в более ранние периоды истории.

Формирование негативного образа участников правомонархического движения начала XX века – черносотенцев – началось буквально сразу же после их структурирования в идейно сплоченные организации в ходе революции 1905 – 1907 гг. На страницах либеральной и революционной печати русских монархистов традиционно представляли как мракобесов, человеконенавистников, ярых ретроградов, да и вообще в целом, авторы соответствующих публикаций стремились показать черносотенцев людьми ограниченными, чуть ли не недоразвитыми. Впоследствии такая точка зрения плавно перетекла как в советскую историографию, так и в западную буржуазную, конечно, со своими специфическими особенностями.

Начало такому подходу было положено еще в дореволюционную эпоху. К примеру, В.И. Ленин нередко использовал применительно к черносотен-

тенцам такие негативные эпитеты, как «негодяи»¹, «люди без чести» и пр.² Правда, справедливости ради, отметим, что вождь мирового пролетариата отмечал некоторую, если можно так выразиться, «народную» направленность черносотенных организаций. В статье «О черносотенстве» в сентябре 1913 г. Ленин писал, что «в нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий». Естественно, вождь мирового пролетариата объяснял этот своего рода парадокс особенным образом, предрекая правым политическую гибель: «Крайне правые – партия помещиков. Но ограничиться связями с одними помещиками они не могут. Им приходится прикрывать эту связь и делать вид, что они защищают общенародные интересы... Безопасно такая игра не проходит»³.

В советской историографии первые аналитические работы, посвященные деятельности правых организаций периода Первой мировой войны, относятся к 1920-м годам. Их характерные черты – классовый подход, разного рода идеологические штампы⁴. Исходя из такого похода, советские историки характеризовали, например, «вождя черной сотни» доктора А.И. Дубровина как «олицетворение темной реакции», «вдохновителя и организатора еврейских погромов», вкладывая во вполне четкое и емкое понятие исключительно негативный смысл.

Впоследствии, в 1930 – 1950-е гг., серьезное исследование черносотенного движения находилось под негласным запретом, и практически не известно ни одного специального труда, посвященного правым. Упоминание черносотенцев в учебной и научной литературе, естественно, сопровождалось негативными эпитетами, хотя, как нам представляется, менее жесткими и более объективными, чем это было в 1920-е гг. Например, практически любой черносотенец никогда не стал бы спорить с утверждением «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938), в котором заявлялось о «реакционной» и «контрреволюционной» сущности монархистов⁵.

С 1960-х годов и вплоть до конца «перестройки» в некоторой степени, как и в 1920-е гг., в советской историографии активизируется интерес к черносотенному движению, хотя в целом идеологический подход остается прежним⁶.

¹ См.: Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891 – 1922 гг. М., 1999. С. 199.

² См.: Там же. С. 148.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 18.

⁴ См.: Викторов В.П. Вступительная статья // СРН: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 года. М.; Л., 1929; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929; Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Островцов А. Последние могикане старого строя. М., б. г. и др.

⁵ История ВКП (б). Краткий курс. М., 1938. С. 86.

⁶ Перечислим некоторые работы тех лет, в которых дается соответствующий негативный образ черносотенцев: Аврех А.Я. 1) Царизм и Третьеиюньская система. М., 1966; 2) Царизм и IV Государственная Дума 1912 – 1914. М., 1981; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX века – 1920 годы). М., 1977; Сысоева Е.К.

Следующий период развития историографии монархического движения периода начался в 1990-е годы и продолжается до сих пор. Его объективными предпосылками явились: устранение идеологического давления со стороны официальной власти, возможность большей свободы выражения своих мыслей, большая широта научных исследований, посвященных означенной проблеме. Многие исследования весьма объективно раскрывают роль и значение правых в политической жизни России начала XX века, хотя часть из них по-прежнему содержит старые идеологические штампы¹.

В зарубежной историографии по-прежнему в целом сохраняется общая тенденция, суть которой заключается в попытках представить черносотенцев как «погромщиков», а подчас даже чуть ли не как идейных предшественников германского национал-социализма². При этом серьезного исследования деятельности правых эти авторы не проводят.

Важно отметить, что такие представления о русской правой уже давно перекочевали и продолжают перекочевывать в художественную литературу и кинематограф. Например, в размещенном в настоящее время в сети Интернет документальном фильме 1927 года «Падение династии Романовых»³, с титрами и звуком на английском языке, одного из черносотенных лидеров В.М. Пуришкевича называют не иначе, как «black-hundred pogromschik» (то есть в глазах западной либеральной общественности русское слово «погромщик» уже стало интернациональным и используется для характеристики черносотенцев и, очевидно, антисемитов вообще), а монархическую газету «Русское знамя» также характеризуют тем же самым эпитетом, заявляя, что это погромное издание.

Первооснову подобного рода представлений о русских правых следует искать в дореволюционных источниках, в частности, в российской либераль-

Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии: Дисс. ... к. ист. н. М., 1978 и др.

¹ Перечислим некоторые из них: *Богоявленский Д.Д.* Н.Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. Вып. 1 С. 192 – 204; *Долгих Ф.И.* Правые в III и IV Государственных думах России (1907 – 1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. М., 2004; *Иванов А.А.* 1) Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2004; 2) Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2006; 2) Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011; *Кирьянов Ю.И.* 1) Правые партии в России (1911 – 1917). М., 2001; 2) Русское собрание 1900 – 1917. М., 2003; *Степанов С.А.* Черная сотня. 2-е изд., доп., и перераб. М., 2005 и др.

² *Rawson D.C.* Russian rightists and the revolution of 1905. Cambridge, 1995; *Rogger H.* Russia // The European Right. Berkeley & L.A., 1965. P. 443 – 500; *Rogger H.* 1) The formation of the Russian Right, 1900 – 1906 // California Slavic Studies, 1964. № 3. P. 66 – 94; 2) Was There a Russian Fascism? The Union of The Russia People // Journal of Modern History. 1964. № 36 (December). P. 398 – 415; *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. В. Меникера. М., 1994 и др.

³ См. электронный ресурс: http://vk.com/video-603929_128840600.

ной периодической печати (газеты, журналы, листовки и пр.), формировавшей подчас карикатурный и предельно негативный образ черносотенцев.

Рассмотрим наиболее характерные идеологические штампы, сформированные еще в предреволюционные годы на страницах либеральной периодики.

Черносотенцы – немецкие агенты влияния. В условиях жестокой затяжной кровопролитной войны обвинения в адрес черносотенцев в германофильстве, а подчас и в шпионаже в пользу Германии, по мысли либеральных газетчиков, имели особо важное значение при формировании антимоноархических взглядов в обществе. Отметим, что подобного рода обвинения появились уже буквально с самого начала войны, в августе 1914 г.

Так, буквально через несколько дней после начала войны, 12 августа (ст. ст.) 1914 г., на страницах либеральной газеты «Утро России» выходит статья, в которой ее анонимный автор (или авторы) прямо заявлял, что «давно уже русская печать обращала внимание на странное поведение двух петербургских газет: «Земщины» и «Русского знамени». Далее шло обвинение в адрес редакции этих газет, что они поддерживали «иезуитскую» политику Германии, считая Вильгельма II апостолом миролюбия. «Кого хвалит в наши дни «Русское знамя»? Ну, конечно, Вильгельма II», – продолжает далее «Утро России» и цитирует соответствующий абзац в одной из публикаций «Русского знамени»: «Жидовские газеты называют Вильгельма II безумцем. Нет, это не безумец, но даровитейший правитель. На примере Вильгельма II лучше всего сказывалось величайшее благодетельное значение самодержавного начала правления в руках, особенно, монарха умного, энергичного и любящего свою родину».

И далее «Утро России» продолжает обвинять «Русское знамя»: «Кого бранит, на кого нападает в наши дни «Русское знамя»? Ну, конечно, Францию и Англию» и цитирует соответствующий пассаж из черносотенной газеты: «Что такое современная Франция? Она – жидовское уже государство. Что такое Англия? В ней Биконсфильд, Дизраэли, жида-министры не переводятся».

Отметим, что выше приведенные факты, по своей сути, не являются вымыслом. Однако признание на страницах «Русского знамени» талантов и способностей Вильгельма II, а также критика либеральных правительств Англии и Франции еще не означает прямую поддержку Германии в ходе начавшейся войны. Между тем, из выше сказанного корреспондент либеральной газеты делает следующий неожиданный вывод, а, точнее, произносит прямое обвинение в адрес правых чуть ли не в пособничестве Германии, а заодно (что уже кажется совершенно парадоксальным) и революционным силам: «Недавно во время разгрома здания германского посольства в Петербурге «Русское знамя» поспешило заявить, что при обыске на другой день комнат посольства были найдены прокламации к русским рабочим. Не были ли это корректурные гранки статей д-ра Дубровина?»¹

¹ Газетный день // Утро России. 1914. 12 августа.

Итак, либералами сознательно рисовался зловещий образ «патриотов чужого отечества», который постепенно распространился на всех правых, проникнув в среду широких народных масс. Подчеркнем, что подобный образ имел широкое распространение еще и потому, что российские либералы припомнили прогерманскую позицию значительной части монархистов в довоенный период. А, поскольку монархисты через всевозможные кружки и салоны были тесно связаны со значительным количеством представителей властных структур, ярлык «предателей» и «изменников» автоматически распространялся либеральной печатью и чуть ли не на все (или, по крайней мере, на значительную часть) правительство. Неудачи на фронте только способствовали культивированию в печати подобного тезиса, получившего особое развитие в 1916 – начале 1917 гг.

Черносотенцы – скандалисты, безнравственные люди. На страницах либеральной печати постоянно муссировались слухи и сплетни, связанные со скандалами вокруг ряда виднейших представителей русской правой – А.И. Дубровина, Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича, В.Г. Орлова и др.

Факты, свидетельствующие о внутренних неурядицах в рядах монархических организаций, с быстротой молнии проникали в редакции газет и журналов их политических противников – либералов и также способствовали формированию негативного образа черносотенцев. При этом неизменной тенденцией этих публикаций было показать черносотенцев в наиболее неприглядном виде.

Приведем характерный пример. Н.Е. Марков, выступая 22 ноября 1916 г. в Государственной думе и неоднократно прерываемый окриками и замечаниями со стороны лево-либерального думского большинства, уже сходя с кафедры, приблизился к председателю Думы М.В. Родзянко и трижды назвал его «мерзавцем». Объясняя причину своего демарша, Марков заявил: «Я сделал это сознательно, с этой кафедры осмелились оскорблять высоких лиц безнаказанно, и я в лице вашего председателя (М.В. Родзянко. – Д.С.), страстного и непорядочного, оскорбил вас»¹. Затем Н.Е. Марков с единомышленниками покинул зал заседаний Государственной думы².

В газете «Утро России» за 25 ноября 1916 г. анонимный автор небольшой заметки «Выдумка правых» представил происшедший инцидент несколько в ином ракурсе: «Вместо того, чтобы стараться тем или иным путем ликвидировать дикую выходку Маркова-второго, его единомышленники, наоборот, муссируют это дело и пустили в ход новую выдумку: будто бы выходка Маркова была вызвана тем, что председатель Думы М.В. Родзянко будто бы дернул Маркова-второго за рукав. Эта новая выдумка правых опровергается всей Думой и журналистами, присутствовавшими при инциденте»³.

¹ Государственная дума 1906–1917 гг. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 84.

² Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 189 – 190; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 167; Марков Н.Е. Как это случилось // Курская быль. 1916. 11 декабря.

³ Выдумка правых // Утро России. 1916. 25 ноября.

Читатель заметки в «Утре России» теперь уже мог не сомневаться, что черносотенцы – не только скандалисты, но и вруны.

Широко были распространены в либеральной печати и обвинения черносотенцев в других безнравственных поступках. К примеру, в январе 1917 г. на страницах газеты «Утро России» выходит целая серия публикаций некоего А. Степанова, посвященная деятельности Н.Е. Маркова в Курской губернии. По утверждению газеты, «Маркову-второму и лично, и письменно выражаются порицания. Но этого мало: большая группа курского дворянства решила усиленно настаивать на исключении Маркова из сословия»¹. В чем же причина? Газета утверждала, что население Щигровского уезда, где находилось имение лидера черносотенцев, «терпит гораздо больше лишений, чем население других мест. Оно беспомощно, оно отдано во власть кулаков»². При этом все обвинения в адрес Маркова в различных формах эксплуатации окрестного крестьянства, содержащиеся в газете, строятся только на показаниях нескольких свидетелей.

Черносотенцы – реакционеры и мракобесы, желающие повернуть Россию вспять. Консервативные идеологические принципы черносотенцев широко использовались либеральной печатью при формировании в общественном сознании негативного образа монархистов. Так, в либеральной печати периода Первой мировой войны можно встретить утверждения о том, что русские правые являются «охранителями» того, что было и чему нет возврата», в отличие от европейских консерваторов, выступающих охранителями «того, что есть»³. При этом газета «Утро России» не жалела ярких красок для описания никогда не существовавшего в реальности так называемого «черного блока» (блока из представителей правой группы Государственного совета и правых членов Государственной думы): «черное братство реакции», создаваемое для «черной, гнусной, закулисной работы» и т. д. Газета пугала читателей, что формирование «черного блока» «приведет Россию к гибели»⁴. При этом, естественно, заявлялось, что только лево-либеральный Прогрессивный блок, который, как известно, фактически вел страну к революции, является для России спасением.

Другой пример. В связи с кончиной 11 сентября 1915 г. видного правого государственного деятеля П.Н. Дурново газета «Утро России» поспешила выразить свое ничем не скрываемое удовлетворение: «Реакция лишилась одного из преданнейших своих слуг, общественность России видит сходящим в могилу злейшего своего врага»⁵.

Обвинения в реакционности и мракобесии часто сопровождалось обвинениями в якобы имевших попытках черносотенцев расшатать ситуацию в стране или даже захватить власть в свои руки. Например, в газете «Утро России» за 20 сентября 1916 г., после назначения министром внутренних дел

¹ Степанов А. По России. На родине Маркова-второго // Утро России. 1917. 1 января.

² Там же.

³ Утро России. 1915. 13 августа.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 1916. 20 сентября.

А.Д. Протопопова, приводится факт, говорящий о том, что редакция монархической газеты «Земщина» заявила о необходимости наличия в России управителей, «скорее превышающих свою власть, нежели не пользующихся ею во всей полноте»¹. «Газета, руководимая господами Глинкой-Янчевским и Марковым-вторым, льстит себя надеждой, что г. Протопопов окажется «решительным, сильным волею военачальником», одним из тех «героев», которых рождают войны. Мятежная «Земщина» ищет бури»², – так прокомментировала либеральная газета требования «Земщины».

По мере приближения к революции разного рода обвинения в экстремизме по адресу монархистов учащаются. Этому были вполне объективные причины. Дело в том, что во второй половине 1916 г. в Петрограде активно действовал кружок сенатора А.А. Римского-Корсакова, состоявший по преимуществу из представителей правой группы Государственного совета и фракции правых в Государственной думе. На собраниях кружка было выработано несколько так называемых «записок», обращенных либо непосредственно к императору, либо к представителям высшей бюрократии. В «записках» излагался план введения в стране диктатуры с роспуском Государственной думы³.

Несмотря на то, что содержание «записок» было строго конфиденциальным, а сам Николай II не пошел на поводу у авторов этих документов, тем не менее, слухи о наличии в стане монархистов планов по наведению «порядка» в стране, так или иначе, но попадали на страницы либеральной прессы.

Вот что, например, писала газета «Речь» 24 декабря 1916 года: «Густой зимний туман по-прежнему стелется над всей областью нашей внутренней политики. За дни, протекшие с роспуска Думы, этот туман не только не рассеялся, но стал еще более непроницаемым, еще более загадочным». «Крайне правые из стана Маркова 2-го» разрабатывали разные проекты. Первый – для выхода из настоящего положения достаточно восстановить твердыню реакции, которую до последней сессии представлял Государственный совет. Второй – более радикальный проект, отраженный в газете «Земщина», предусматривал «обрушиться на Государственную думу». Но, ссылаясь на профессора Д.И. Иловайского, сторонники данного проекта заявляли, что «с Государственной думой, при тех законодательных правах, какими она пользуется по закону, сделать вообще ничего нельзя»⁴.

20 января 1917 г. газета «Утро России» опубликовала статью «У монархистов»⁵. В ней речь шла о собрании Московского Отечественного патри-

¹ Там же. 1915. 12 сентября.

² Там же.

³ Подробнее см.: *Стогов Д.И.* Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А.А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов.* СПб., 2011. С. 5 – 13.

⁴ Петроград, 24 декабря // *Речь.* 1916. 24 декабря.

⁵ У монархистов // *Утро России.* 1917. 20 января.

отического союза (ОПС) во главе с В.Г. Орловым, которое постановило «отправить телеграмму министру внутренних дел Протопопову, содержащую требование о проявлении на местах твердой власти, так как революционная пропаганда принимает широкие размеры». Также правые требовали от властей роспуска Думы, большинство которой, по их словам, «всецело отдалось травле верных слуг самодержца». Монархисты писали о том, что «напрасно запугивают, что роспуск и назначение новых выборов поведут к взрыву негодования. По примеру первой Думы мы знаем, чего стоят пустые угрозы». Далее отмечалось: «Ни один голос народа, кроме кучки политиканов и партийных газет, не поднимется в защиту творческих бездельников и болтунов». Представители ОПС предлагали властям услуги при проведении новых выборов, дабы вести агитацию за правых и не допустить прихода левых в Думу. Также авторы послания высказывали мнение, что большинство нынешних думцев не пройдут в новую Думу, и дело воинских начальников заслать их «в такие строевые части, пребывание в которых равносильно будет полной изоляции их от внешнего мира». Либеральная «Речь» прокомментировала эту программу ОПС следующей репликой: «Кого дурачат правые: правительство или себя?»¹.

Черносотенцы – политические аутсайдеры. Особое место в информационной кампании против правых, осуществлявшейся на страницах либеральной прессы, занимал тезис о том, что они не имеют никакой поддержки в народе и могут существовать только благодаря активным денежным вливаниям со стороны «рептильного фонда», то секретного фонда МВД (впрочем, в значительной степени именно так и было на самом деле)².

Так, газета «Речь» 9 октября 1915 г. писала: «Сколько бы ни затрагивали средств на все эти «Земщины», «Голоса Руси» и tutti quanti³, они печатаются лишь для профессиональных работников, которые по обязанности их читают, публике они остаются совершенно не известными и лишены малейшего влияния»⁴.

Позже, 20 сентября 1916 г., газета «Утро России» заявляла в связи с назначением А.Д. Протопопова министром внутренних дел об «особенно тяжелой позиции питомцев рептильного фонда», в частности, консервативной газеты «Голос Руси», которая «облеклась на всякий случай в дипломатическую форму благих пожеланий»⁵.

Черносотенцы-антисемиты и погромщики. Как уже отмечалось, это наиболее распространенное, наиболее старое, но в то же время и наиболее

¹ Речь. 1917. 8 февраля; Спиринов Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 36.

² См., напр.: Допрос С.Е. Крыжановского, 10 июля // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. М.: Л., 1926. Т. V. С. 408.

³ Tutti quanti (ит.) – все такие, тому подобное.

⁴ Петроград, 9 октября // Речь. 1915. 9 (22) октября.

⁵ Утро России. 1916. 20 сентября.

живучее из всех обвинений в адрес правых. Отметим, правда, что, поскольку непосредственно в предреволюционные годы еврейских погромов практически не было, то и обвинять черносотенцев в их организации уже представлялось не столь актуальным, чем, допустим, в 1905 г. Либеральным журналистам оставалось лишь делать экскурсы в историю и писать о черносотенцах как об организаторах погромов в ходе первой российской революции.

По поводу роли черносотенцев в организации еврейских погромов в современной историографии сложились две основные, диаметрально противоположные точки зрения. Одни историки (напр., Р.Ш. Ганелин, А.И. Стаценко, А.П. Толочко и пр.) в целом разделяют советский тезис о черносотенцах как вдохновителях погромов (при организующей роли властей)¹. Другие (Ю.И. Кирьянов, И.В. Омелянчук, М.Л. Размолодин и пр.) в той или иной степени пытаются его пересмотреть и в большей или меньшей степени разделяют тезис о стихийном возникновении погромов².

Куда чаще звучали со страниц либеральной периодической печати более абстрактные обвинения в адрес черносотенцев в антисемитизме. Например, в газете «Утро России» 16 сентября 1916 г. была опубликована статья Ю. Айхенвальда «Русская литература и евреи», в которой резкой критике подвергаются высказывания известного консервативного философа и публициста В.В. Розанова, жаловавшегося на «засилье евреев» в русской литературе. При этом Айхенвальд подчеркивал, что подобную точку зрения разделяет не только Розанов, но и его «темные спутники» (то есть все правые. – Д.С.), вся «черная не только своею краской» печать³. Далее автор статьи обвинял Розанова и его единомышленников («сотня темных лиц») в том, что они обращают внимание только на «еврейство» того или иного автора, мало интересуясь, собственно, литературными достоинствами или недостатками их произведений⁴.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Используя как справедливые обвинения в адрес черносотенцев, так и подчас пуская в ход откровенную клевету, либеральная печать, выходявшая, в отличие от черносотенной печати, несравненно большими тиражами, сознательно формировала в сознании обывателя негативный образ монархистов. И, надо сказать, в этом она весьма преуспела. В предреволюционные годы популярность монархистов в народе стремительно падает. На то, конечно, были и объективные причины

¹ Ганелин Р.Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Ч. 1. С. 94; Стаценко А.И. Черносотенцы Поволжья в 1905 – 1907 гг.: Дисс. ... к. ист. н. Ульяновск, 2002. С. 43; Толочко А.П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 – февр. 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895 – 1917 гг. Томск, 1994. С. 25.

² Кирьянов Ю.И. Русское собрание 1900 – 1917. М., 2003. С. 146; Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901 – 1914 гг.): Автореф. дисс. ... д. ист. н. Воронеж, 2006. С. 40; Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2012. С. 358.

³ Айхенвальд Ю. Русская литература и евреи // Утро России. 1916. 16 сентября.

⁴ Там же.

(отсутствие у правых четко выраженных, направленных на удовлетворение народных нужд программ по решению аграрного, рабочего и других вопросов; разброд, шатание, неурядицы в рядах самих правых; недоверие к правым со стороны значительной части представителей высшей бюрократии и пр.). Однако есть все основания полагать, что и поражение черносотенцев в информационной войне¹ в канун Февральской революции также сыграло определенную роль в их политическом поражении в феврале 1917 г.

Иванов А.А.
«Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова

В первые же дни государственного переворота, сопровождавшиеся арестами «прислужников царского режима» (а порой и физической расправой над ними), председатель Главного совета Союза русского народа и лидер думской фракции правых Николай Евгеньевич Марков (1866 – 1945) поспешил покинуть охваченный революцией Петроград. «Лидеры правых – Марков 2-й и Замысловский скрылись, и местонахождение их было неизвестно», – вспоминал Б.А. Энгельгардт².

Опасения Н.Е. Маркова по поводу ареста были небезосновательны. Спустя всего лишь несколько дней после отречения императора Николая II в своем имении был арестован уездный предводитель дворянства Щигровского уезда Л.Е. Марков³ – брат Н.Е. Маркова, а его самого усиленно искали. В газетах началось шельмование бывшего вождя черной сотни. Прихожане Михаило-Архангельской церкви прислали в Курский исполнительный комитет просьбу удалить Маркова с должности церковного старосты как «черносотенника старого правительства»⁴.

«...Доведя своих единомышленников до последней черты, после которой нет отступления и возвращения к иным началам, буйный лидер скрылся, бросив своих послушных соратников на произвол судьбы, – отмечало местное революционное издание. – Действительно, что Маркову сейчас делать? Судьба сыграла злую шутку, не весело превращение из бесшабашного “Буй-Тура”⁵ в балаганного деда, ни для кого не опасного...»¹.

¹ См. подробн.: *Стогов Д.И.* Монархическая пропаганда начала XX века: от триумфа к идеологическому кризису // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО – 2010). Материалы VII Всеросс. науч. конф. Санкт-Петербург, 28 – 29 января 2010 г. СПб., 2010. С. 183 – 186.

² *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. Русская гвардия. Мемуары // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 82.

³ Курский край. 1917. 15 марта.

⁴ Там же. 30 марта.

⁵ Псевдоним Н.Е. Маркова, под которым он иногда публиковал свои статьи и заметки в правой печати.

А вскоре в газетах появился рассказ, красочно повествующий о бегстве Н.Е. Маркова. Первым его опубликовал эсеровский «Курский край»², а затем эту историю подхватила кадетская «Речь», представив ее на суд более широкой читательской аудитории³. Ссылаясь на некое «лицо, близкое к семье Н.Е. Маркова», «Курский край» сообщал «о последних часах, проведенных Н.Е. Марковым в своей семье в день революции в Петрограде». Приведем этот рассказ практически целиком: «Н.Е. Марков 2-й в тот день, когда в Петрограде восстали войска и были заняты все правительственные учреждения, с утра уже не выходил из дома и находился в страшном возбуждении. Маркову непрерывно звонили по телефону, извещая о происходящем на улицах Петрограда. Около 3-х часов дня Маркову опять-таки по телефону сообщили, что толпа направляется к его квартире. Марков, отойдя от телефона, стал рвать на себе волосы, крича, что он погиб. Затем упал на колени перед домашними, умоляя простить его за то, что он своей деятельностью всех погубил. Затем Н.Е. Марков бросился бежать из квартиры, надев пальто только в один рукав. За ним следом пошел дворник дома, в котором жил Марков. Выйдя из дома, Марков свернул в переулок и долго блуждал по менее людным улицам, а затем, подойдя к одному дому, обернулся к дворнику и сказал: “вот здесь я найду себе смерть”. Больше ты меня не увидишь” и вошел в дом. С этой минуты никто из прислуги не видел Маркова»⁴. «Где в настоящее время Марков никто из более или менее близких к нему лиц кроме, может быть, его жены и детей, не знает», – заключал автор заметки⁵. Сам же Марков никогда на этом эпизоде своей биографии подробно не останавливался, лишь утверждая, что «едва успел спастись за полчаса до появления на его квартире банды вооруженных убийц»⁶.

Впрочем, достоверность этого газетного рассказа вызывает вопросы. Во-первых, совершенно непонятно, что за «лицо, близкое к семье Н.Е. Маркова» могло стать свидетелем этой сцены, а потом рассказать ее эсеровской газете. Во-вторых, крайне сомнительно то паникерство, которое автор рассказа приписывает вождю правых, всегда имевшего репутацию человека, прекрасно владеющего собой в любых ситуациях. Конечно, нельзя исключать, что разразившаяся революция привела Маркова в смятение, однако явная театральность описываемых в газетной заметке сцен (рвал на себе волосы, кричал, падал на колени, патетически обещал умереть) заставляет сомневаться в правдивости рассказа. Это, кстати, отмечал и анонимный автор заметки, который, видимо чувствуя, что несколько перестарался, рисуя облик партийного врага, признавал: «Насколько отвечает действительности этот

¹ *Сергеев С.* Пустое место // *Курский край*. 1917. 17 марта.

² *Л.* Бегство Маркова // *Курский край*. 1917. 8 апреля.

³ Бегство Маркова 2-го // *Речь*. 1917. 14 апреля. С незначительными сокращениями этот рассказ приводится и в монографии Ю.И. Кирьянова «Правые партии в России. 1911 – 1917 гг.» (М., 2001. С. 417).

⁴ *Л.* Бегство Маркова // *Курский край*. 1917. 8 апреля.

⁵ Там же.

⁶ *Марков Н.Е.* Попытки спасения Царской Семьи // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2002. С. 396.

рассказ судить, конечно, трудно, но передан он, как уже сказано выше, лицом, близко стоявшим к семье Маркова в Петрограде»¹.

При этом в той же заметке сообщались сведения, косвенно свидетельствующие о том, что Н.Е. Марков думал в этот тяжелый для него момент не только о себе. В связи с тем, что местная черносотенная «Курская быль» была закрыта новыми властями в первые дни революции, а ее подписчики «не нашли уже не только газеты, но и вывески над редакцией»², в скором времени экономом Маркова было доставлено в контору издания 9 тыс. руб. для раздачи подписчикам³.

Как выяснилось довольно скоро, Н.Е. Марков перебрался на территорию Финляндии, где скрывался от революционных властей, заметно изменив свой облик. От бывшего сходства с императором Петром Великим не осталось и следа – Марков состриг свои знаменитые кудри и отпустил начавшую сесть бороду, которая его заметно состарила⁴. Тем не менее, правый политик был выслежен и арестован.

«Курский край» сообщал подробности поимки лидера правых. Местная «Комиссия общественной безопасности» в двадцатых числах мая получила информацию от «лица, проживающего вне пределов Курской губернии», что находящийся в бегах Н. Е. Марков поддерживает связь со своей семьей. В связи с этим за семьей правого политика была установлена слежка, в ходе которой было выяснено, что в скором времени для Маркова будет собрана посылка. Вещи, отправленные Маркову родней, были отслежены до Петрограда, где они в целях конспирации перевозились с одной квартиры на другую, пока не оказались в окрестностях Финляндского вокзала. Опросив людей, соприкасавшихся с посылкой, лица, выслеживающие Н. Е. Маркова, установили его местонахождение в Финляндии, где он был арестован, под стражей доставлен в Петроград и, как утверждало «Солдатское слово», был заключен в одной из тюрем⁵.

Выслеживанием Маркова занималась группа, руководителем которой был член боевой организации Щигровского крестьянского союза партии социалистов-революционеров И.И. Голощапов, который, по словам его биографа, являлся «самым умелым, дерзким, бесстрашным и находчивым исполнителем приговоров эсеровской организации» и до революции обвинялся полицией в совершении ряда разбойных нападений и политических убий-

¹ Л. Бегство Маркова // Курский край. 1917. 8 апреля.

² Курский край. 1917. 10 марта.

³ Л. Бегство Маркова // Курский край. 1917. 8 апреля.

⁴ К аресту Маркова // Курская быль. 1917. 15 июня. «...Высокий с отпущенной бородой человек в широкополой шляпе и с суковатой палкой в руках. Это был член Государственной думы Н.Е. Марков, изменивший свой, слишком приглядевшийся, облик», – так описывает внешний вид Маркова в 1917 г. И.П. Якобий (*Якобий И.П.* Император Николай II и революция // *Фомин С.В.* «Боролись за власть генералы... и лишь император молился». М.; СПб., 2005. С. 288 – 289).

⁵ Арест Маркова II // Солдатская мысль. 1917. 13 июня.

ствах¹. Но особая пикантность ситуации заключалась в том, что Н.Е. Марков, превративший Курскую губернию в оплот черносотенцев, немало содействовал разгрому местных эсеровских организаций и добивался поимки Голощапова, а тот, в свою очередь, являясь одним из руководителей боевой дружины, готовил покушение на «курского зубра», которое было предотвращено полицией². Теперь же ситуация в корне изменилась – Марков находился в бегах, а затем под арестом, Голощапов же вышел из подполья и совершил стремительный взлет во властные структуры. В апреле – декабре 1917 г. он был членом Народного Совета – высшего органа власти Курской губернии, затем – председателем Среднерасховецкого волисполкома, а в 1918 г. – принимал участие в работе III Всероссийского съезда Советов. «Таким образом, поимкой Маркова мы обязаны тому Голощапову, которого так тщетно целые годы ловил Марков 2-й», – отмечал «Курский край»³. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н. Е. Марков, поясняя, почему он отказывается называть следствию имена своих единомышленников, заявил, что его самого, «ничего дурного не сделавшего», в Курске «хотят застрелить, так как во главе комитета общественной безопасности стоит профессиональный убийца Голощапов». Поэтому, настаивал Марков, прежде чем рассчитывать на его откровенность, Временное правительство сначала должно обезопасить курских монархистов от мести со стороны Голощапова. «Когда правительство его устранил, тогда я буду разговаривать», – резюмировал Марков⁴. Называя арест Маркова «известием особой важности», эсеровская газета так аттестовала лидера правых: «злой гений», который «более десяти лет царствовал в Курской губернии», «приспешник Николая», душивший «всякую живую мысль»⁵. Бывшему вождю русских правых, имевшему до революции славу едва ли не диктатора Курской губернии, вменялся в вину «целый ряд антигосударственных выступлений», среди которых назывались организация погромов, «постоянное натравливание одной части населения против другой», «подготовка преступных элементов, устраивающих покушения на известных политических деятелей», получение незаконным путем значительных средств из секретного фонда «на развитие своей преступной агитации»⁶. Но в итоге было решено вменить Маркову обвинения по статьям 366 (должностное преступление) и 940 (ложный донос) Уложения о наказаниях. Как поясняли газеты, речь шла о «деле И.Е. Пьяных» – эсере,

¹ Немцев Н.А. Земля кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. Курск, 2003 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://stkshen.ucoz.ru/Knigi/Zemlia/borba_za.htm

² Салтык Г.А. Депутаты-куряне в истории российского парламентаризма // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 119 – 120.

³ Курский край. 1917. 17 июня.

⁴ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 201. (Далее ПЦР).

⁵ Ливанов. Марков // Курский край. 1917. 12 июня.

⁶ Там же.

депутате II Государственной думы, обвиненном в революционной деятельности и убийстве¹. Марков же обвинялся в ложном доносе, склонении судей к внеправовым решениям и «в проиствах» по осуждению Пьяных².

Однако привлечь Н. Е. Маркова удалось лишь как свидетеля «преступлений старого режима» – являясь депутатом Государственной думы, он продолжал пользоваться неприкосновенностью, лишать его которой новая власть, в значительной степени состоявшая из тех же депутатов (хоть и принадлежащих к другому политическому лагерю), не решилась. Марков позже так вспоминал об этом: «...Я был, как-никак, свидетель, а не обвиняемый и в качестве “неприкосновенного” члена Думы находился на “свободе”, правда, под присмотром трех любезнейших, но вооруженных офицеров революции и запертый в просторной и комфортабельной комнате дворца великого князя Владимира Александровича – с прекрасным видом на Петропавловскую крепость»³.

На допросах Н.Е. Марков держался спокойно, вел себя смело и порой даже вызывающе. Вот каким запомнился лидер крайне правых члену ЧСК поэту А.А. Блоку: «Лицо у него, кроме того, что загорелое, темное. Глаза черные, линии жесткие, глухой и озлобленный голос. Русский страшный Стенька. Красивые, желтые от загара руки. <...> Борода и усы седеют, виски зачесаны вперед. Против Маркова – злого, крепкого, загорелого – сидит Соколов с завязанной головой, лиловый Родичев, бледный Муравьев, усталый Ольденбург <...> Щипля бороду и глядя усы, Марков скалит белые зубы. Он говорит все тоном, вплотную подходящим к нахальному. “Дело ихнее там, что они знают”⁴. Родичев злобно смеется, смотря на Маркова. Такой атмосферы еще не было...»⁵. Не будет преувеличением сказать, что Марков поразило Блока, ибо и внешним своим видом и манерой поведения был совершенно не похож на других подследственных. «...Сегодня допрашивали Нератова и Маркова II. Последний – очень умный и очень сильный затравленный человек, с хитрецей и с тактом, который позволял ему все время держаться вызывающе, у предела наглости, и высказывать много горьких замечаний, сре-

¹ Новая жизнь. 1917. 10 июня. И.Е. Пьяных в 1907 г. был арестован по делу «Щигровской республики» (вооруженное выступление крестьян в Щигровском уезде), обвинялся в убийстве провокатора В.Н. Тихонова и был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Инициатор кампании по его освобождению В.Л. Бурцев настаивал на непричастности Пьяных к убийству, считая, что преступление было совершено полицией и курскими черносотенцами (лидером которых был Н.Е. Марков), оговоривших затем депутата-эсера. В 1917 г. Пьяных был освобожден (*Исхакова О.А.* Пьяных Иван Емельянович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917 гг.: Энциклопедия. М., 2008. С. 513).

² Новое время. 1917. 10 (23) июня.

³ *Марков Н.Е.* Про дом свой // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 475.

⁴ Видимо, речь идет об этом моменте допроса: «*Марков.* – <...> “Земщина” не получала от правительства [субсидий] потому, что “Земщина” этого и не знает. *Председатель.* – Может быть и знает? *Марков.* – Это их дело, что они знают...» (ПЦР. Т. 6. С. 184).

⁵ Цит. по: *Фомин С.В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 397.

ди которых были и “истины”. Вообще на меня он произвел сильное впечатление», – писал 24 июля 1917 г. Блок, делая примечание, что «ничего общего с тем, что есть в этом человеке, газеты не передавали»¹.

О спокойствии и невозмутимости Н.Е. Маркова свидетельствует и стенограмма допроса². Рассказывая о деятельности Союза русского народа, об отношении правых к террору и политическим убийствам, о Государственной думе и правительственных субсидиях, о взаимоотношениях с властью и противодействии революции, Марков не заискивал перед следственной комиссией, не сожалел о своем политическом выборе, на вопросы отвечал твердо и по-деловому, спорил, задавал встречные вопросы, отстаивал свою точку зрения, никого не оговаривал и наотрез отказался называть следствию имена своих единомышленников, дабы не подвергать их опасности.

Вместе с тем Марков констатировал: «...Я беглец, скрывающийся от нападения врагов <...> Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, – в том числе и я, пока не арестован, – мы скрываемся»³.

Не найдя в действиях Н.Е. Маркова каких-либо преступлений и удовлетворившись полученными от правого депутата сведениями, ЧСК освободила его.

Как же оценивал Н.Е. Марков Февральскую революцию и ее причины, кого видел в числе ее главных виновников? На первый взгляд, ответ напрашивается сам собой: как лидер черной сотни Марков основную тяжесть вины за падение царизма должен был бы возложить на евреев и масонов. Отчасти так оно и было⁴, но остановиться лишь на этом утверждении означало бы согрешить против истины.

В 1921 г., выступая на монархическом съезде в Бад-Рейхенгалле, Н.Е. Марков констатировал: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники»⁵. Развивая эту мысль, он продолжал: «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли. Хорошим дореволюционным тоном считалось пренебрегать и презирать монархизм; так было в обществе, так было в

¹ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 169 – 170.

² См.: ПЦР. Т. 6. С. 175 – 205. Сам Марков, комментируя издание в Советской России стенограмм допросов ЧСК, справедливо замечал, что «надо обладать профессиональной недобросовестностью, чтобы объявлять подобные “творения” бесспорными документами», поскольку даже если в них нет откровенной фальсификации, то «все же протоколы революционной комиссии составлялись партийными врагами тех людей, у которых вынуждались показания». Но вместе с тем, свидетельствовал Марков, «мое показание было занесено в протокол без чрезмерной “стилизации”» (Марков Н.Е. Про дом свой. С. 475).

³ ПЦР. Т. 6. С. 191.

⁴ См., напр.: Марков Н.Е. 1) Войны темных сил. Кн. I – II. Париж, 1928 – 1930 (в дальнейшем книга неоднократно переиздавалась); 2) История еврейского штурма России // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 487 – 505.

⁵ Марков Н.Е. Речь при открытии съезда хозяйственного восстановления России // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 385.

правительстве, так шло до самого трона. <...> Всеобщее забвение и пренебрежение к монархическому делу разрушили великое государство Российское»¹. В итоге черносотенцы, ставшие в революцию 1905 – 1907 гг. одной из решающих сил, приведших к ее подавлению, к февралю 1917 г. оказались недееспособны. Произошло это, утверждал Марков, потому, что правительственная бюрократия, далекая от подлинного монархизма, на протяжении десяти лет, предшествующих Февральской революции, препятствовала деятельности СРН и всячески ослабляла его, загнав черносотенцев «в глубокий тыл для сбережения святыни и знамен самодержавия». «В этом скорбном отступлении Союз русского народа растерял множество сторонников и большинство своих руководителей и из могучей, действительно грозной для врагов народной силы мало-помалу превратился в организацию пропаганды идей самодержавия и идейной борьбы с темными силами. Полки превратились в академии»². Академии же были бессильны защитить царскую власть, когда она стремительно начала рушиться...

Другой важный момент, на который обращал внимание Н.Е. Марков, заключался в том, что «Российское государство было загублено в 1917 году под видом нарочитого патриотизма, во имя победы, якобы для спасения России...»³. «Тут за дело взялись не бомбометатели из еврейского Бунда, не изверги социальных вымыслов, не поносители чести Русской Армии Якубзоны⁴, а самые заправские российские помещики, богатейшие купцы, чиновники, адвокаты, инженеры, священники, князья, графы, камергеры и всех Российских орденов кавалеры»⁵. Случилось же это поэтому, считал правый политик, что «за десять лет конституционного обмана» российское общество привыкло видеть в Государственной думе «средоточие государственной заботливости и истинного патриотизма». «И когда это “высшее государственное учреждение”, используя тяжелое напряжение временных военных неудач, устами прогрессивного блока объявило Царя и его правительство изменниками России и врагами Отечества, то этому поверили почти все, начиная с высших командиров армии и кончая последним свинопасом. Поверив преступному вымыслу, все кинулись так или иначе в революцию, которая и пожрала Рос-

¹ Там же.

² Марков Н.Е. Войны темных сил. Кн. 1 // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 151 – 152.

³ Там же. С. 153.

⁴ Имеется в виду депутат I Государственной думы В.Р. Якубсон (трудовая группа), который, являясь членом депутатской группы по расследованию еврейского погрома в Белостоке, заявил с думской кафедры, что солдаты боялись идти на те улицы, где стреляла еврейская самооборона, так как «русские войска научились бегать от выстрелов – русско-японская война оказала на них плохое влияние». Это заявление вызвало сильную волну протеста со стороны умеренной и правой печати (См.: Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 389).

⁵ Марков Н.Е. Войны темных сил. Кн. 1 // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 153.

сию. Конституция (т.е. манифест 17 октября. – *А. И.*) и Государственная дума погубили Российскую Империю», – резюмировал Н.Е. Марков¹.

Но предвидел ли лидер русских монархистов, посвятившей себя борьбе за сохранение самодержавной монархии, такой исход событий? На допросе ЧСК Марков заявил следующее: «Революции я не мог предвидеть и не предвидел...»². Но при этом на вопрос, видели ли монархисты усиление революционной деятельности, заметил: «ясно видели» и добавил, говоря о революции: «...Мы видели в ней величайшее зло и, конечно, призывали к борьбе с этим злом»³. Уже в эмиграции Марков пояснял эту мысль следующим образом: «...Руководящие члены Союза русского народа видели надвигающуюся с 1915 года революцию с отчетливой ясностью и об этом неумолчно, настойчиво и громко предупреждали всех, кому то ведать надлежало», однако правительство проигнорировало ряд аналитических записок правых, содержащих предложения по предотвращению в России революционного взрыва⁴. Однако, видя, что «правительственная бюрократия сознательно и бессознательно попустительствует революции», монархисты не могли позволить себе вступить на путь борьбы с властью в условиях войны, откладывая «эту необходимую и неизбежную войну» до заключения мира. «Конечно, – резюмировал Марков, – мы ожидали революцию, но ожидали ее снизу, а не сверху, от революционной демократии и фабричных, а не от дворцовой аристократии и генерал-адъютантов, от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиру взбесившихся»⁵. Поэтому, вынужден был признать политик-монархист, Февральская революция «захватила монархистов врасплох».

Отвечая на язвительные замечания либералов, что русские монархисты, в отличие от французских роялистов XVIII в., сражавшихся за своего короля, не вступили в бой за монархию в февральско-мартовские дни 1917 г., Н.Е. Марков заявлял, что «подвиги роялистов были потому, что Людовик XVI и его династия ни на единый день не прекращали борьбы с революцией и неустанно призывали всех верных Монархии роялистов к защите и восстановлению королевского престола», в то время как в России все было совершенно иначе. Отмечая, что со стороны ближайших царедворцев и военачальников была «измена, предательство и содействие революции», а русские монархисты, удаленные от престола, узнали о случившемся только тогда, когда самодержец уже был в руках заговорщиков, Марков подчеркивал, что «предательски плененный император не решился начать междоусобную войну, не решился Сам, не приказал того нам»⁶. В итоге монархисты были вынуждены подчиниться монаршей воле и отказаться от борьбы с Временным правитель-

¹ Там же.

² ПЦР. Т. 6. С. 183.

³ Там же. С. 196.

⁴ *Марков Н.Е.* Попытки спасения Царской Семьи // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 395.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ *Марков Н.Е.* Ответ монархиста // *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937. С. 371.

ством во имя победы России над Германией, которая могла быть возможной только в том случае, если бы армия сохранила повиновение единой власти, а не была бы втянута в гражданское противостояние. «Думаю, что русские монархисты поступили так, как повелевал им долг перед Отечеством: ни единым словом, ни единым действием не помешали они Временному правительству вести войну до счастливого для России конца. И если война все же закончилась неслыханным позором и развалом, то это не была вина монархистов, это была вина тех, кто в разгаре мировой войны вовлек русский народ в преступную и безумную революцию», – подводил итог Марков¹.

Что же касается решения императора Николая II отречься от престола и воздержаться от призыва к армии и народу к борьбе против революции, то Н.Е. Марков видел причину такого монаршего поступка в том, что государь «ужаснулся гибельных для России последствий междоусобия во время мировой войны» и «безграничная любовь к России повлекла Государя к отказу от борьбы за Монархию»². А было ли это ошибкой или подвигом, замечал он, – судить не творцам революции, а беспристрастной истории.

Позже, во второй половине 1930-х гг. Марков добавил к своему объяснению поступка государя еще одно важное обстоятельство: «Император Николай II отрекся от престола не по малодушию, не по слабости воли, не по недостатку мужества, не по отсутствию разумения всей гибельности для России сего действия, а в силу неодолимого противодействия всех тех, кто по долгу присяги обязан был Его поддерживать. Умолчать об этом <...>, значило бы возложить на безвинную голову Того, кто не только престол, но и саму жизнь свою и жизнь любимой Семьи Своей отдал в жертву – ради спасения Матери России...»³. Акт отречения, резюмировал правый политик, совершен «не по доброй воле, а вынужденно, по требованию изменивших долгу и присяге высших начальников войска» и из-за обмана «о будто бы всенародном против Него восстании»⁴.

При этом, утверждал Н.Е. Марков, действительная обстановка в стране была вовсе не такой, «как ее изображал со лживых слов Родзянки генерал Алексеев», а народ русский «в те дни даже не подозревал обо всем, что его именем творили в Петрограде и Пскове»; что Россия была совершенно спокойна, а «бунтовала лишь запасная солдатня, не хотевшая идти в окопы и социалисты рабочие петроградских заводов»; что отречения императора «хотели лишь темные силы и их подкупленные агенты», что «Родзянко с его комитетом являлся лишь подставной фигурой, за которой решительно ничего не было – кроме дутой популярности, что в самом Петрограде зачинщики бунта с ужасом ожидали прибытия с фронта верных долгу войск и трепетали за

¹ Там же. С. 372.

² Там же. С. 371.

³ *Марков Н.Е.* Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938. С. 4.

⁴ Там же. С. 5.

свою жизнь»¹. «Увы, около Государя не оказалось в те часы ни одного решительного советника, ни одного решительного защитника», – сетовал Марков².

Но помимо «иудо-масонов», Государственной думы, либералов, деградировавшей элиты и одурманенного народа Н.Е. Марков называл и еще одного виновника революции – союзников России по Антанте. Именно их бездействие и нежелание оказывать России необходимую помощь в полном объеме, когда русская армия в ней особенно нуждалась, приводили к росту антигосударственных настроений, считал он. «Если бы неверные “союзники” вовремя и надлежаще помогли, то Россия, не потерпела бы поражений и значит – в России не было бы революции», – полагал он³. При этом, выражал уверенность Марков, «демократии вовсе не желали, чтобы Россия избежала революции, они всячески готовили разруху царской России и потому не спешили снабжать царское войско столь необходимыми ему снарядами и орудиями»⁴. «Союзным демократиям хотелось сперва падения царского режима, а потом, быть может, и победы русского оружия. Да и то сомнительно. Отдавать России Константинополь и проливы никак не входило в планы “дорогих” союзников. Выгоднее всего было для них, чтобы победа была у них, а у России – одно лишь поражение», – делал вывод политик-монархист.

Таким образом, оценка Н.Е. Марковым Февральской революции была намного трезвее и глубже, нежели расхожие утверждения и штампы утверждающие, что лидеры черной сотни были склонны винить в крахе самодержавия исключительно евреев и масонов и не отдавали себе отчета во всей совокупности причин, приведших к Февралю 1917-го. Беспристрастное и политически не ангажированное обращение к публицистике Н.Е. Маркова наглядно показывает, что этот, вне всякого сомнения, умный и опытный политик прекрасно понимал характер случившихся в феврале 1917 г. событий, воспринятых монархистами как национальная катастрофа. И хотя лидеру правых был присущ определенный черносотенный «акцент» в восприятии и трактовке Февральской революции, в целом ему удалось не только довольно точно ухватить суть произошедших в стране потрясений, но также представить на суд публики их аргументированную трактовку, в которой, как представляется, со всей очевидностью видны не только заблуждения правого политика, но и его проницательность.

¹ Там же. С. 46 – 47.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же.

Клепикова В.В.
**В.М. Пуришкевич в 1917 году: консерватор между
либералами и большевиками**

Точных сведений, как воспринял и пережил В.М. Пуришкевич известие о Февральской революции и отречении императора Николая II, нет. В канун ее он находился на Румынском фронте и вернулся в Петроград в дни ее кульминации, 2 марта 1917 г. Уже после переворота и установления власти в форме двоевластия он называл революцию результатом народной воли и потому приветствовал. Если политическая деятельность прежних соратников Пуришкевича полностью прекратилась, а сами они считались чуть ли не преступниками, то сам политик активной деятельности не прекратил. В это время он сблизился с либералами: участвовал в частных совещаниях Государственной думы, где работал рука об руку с кадетами, октябристами, прогрессистами и пр., которых презирал в довоенное и дореволюционное время. «Масленников (а он принадлежал прогрессистам – В.К.) и Пуришкевич зарвались – эти имена теперь, к сожалению, не разделяются», – написал известный религиозный мыслитель Г.П. Федотов в письме, датированном летом 1917 г.¹ При этом Пуришкевич не отказывался от звания монархиста и человека консервативных взглядов, он утверждал, что он «убежденнейший монархист, ибо никогда не менял и не мог менять своих убеждений»². На первый взгляд, и сближение с либералами, и признание революции, и критические высказывания в адрес бывшего императора и императрицы есть ничто иное, как отход Пуришкевича от прежних взглядов независимо от того, как он сам это называл. Однако его собственная оценка состояния своего мировоззрения представляется не такой уж лукавой, если внимательно разобрать все сказанное и сделанное им в период между двумя революциями, а также помнить о сопутствующих обстоятельствах. Неизменность мировоззрения Пуришкевича со всей очевидностью проявилась во время его работы в частных совещаниях Государственной думы. Здесь важно подчеркнуть – консервативного мировоззрения, но уже свободного от обязательной догмы о самодержавии (неограниченной монархии с помазанником Божиим во главе) в России. Пуришкевич был на тот момент монархистом по принципу, а не по сакральному чувству.

Частные совещания представляли собой встречи бывших депутатов Государственной думы. Они не имели никакой реальной политической силы, что участники отлично осознавали, но целью совещаний являлось формирование общественного мнения. Депутаты частных совещаний были едины в поддержке Временного правительства, неприятию Советов рабочих и солдат-

¹ «Теперь судьба России в руках авантюристов» Письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой. Апрель – ноябрь 1917 // Исторический архив. 2007. № 4. С. 15.

² Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена, с предисл. З.Б. Лозинского. Подг. к печат. М.И. Ахун, Д.М. Зиневич и С.Б. Окунь. М.; Л., 1932. С. 199.

ских депутатов, резко отрицательном отношении к деятельности большевиков. Эти оценки они активно высказывали, их печатали газеты и, таким образом, подобный взгляд получал распространение. На первых частных совещаниях членов Государственной думы, состоявшихся сразу после Февральской революции¹, Пуришкевич не участвовал, его первое появление на частном совещании, состоялось лишь 16 июня. До этого дня его публичная политическая деятельность проявилась единожды – во время собрания членов Государственной думы всех созывов, состоявшегося 27 апреля 1917 г. Кадетская газета «Речь», повествуя о составе собрания, сделала небезынттересное замечание: «Но пустуют большею частью лишь места представителей крайних правых, представители которых сегодня отсутствуют, если не считать В.М. Пуришкевича, покинувшего фракцию правых еще до революции и занимающего теперь в зале заседания свое обычное место – у барьера на крайней правой»². В этом замечании подмечено главное в положении Пуришкевича после революции: он один из крайне правых остался на политической арене после революции, и не в последнюю очередь это было связано именно с его разрывом с фракцией до революции. Разрыв как бы легализовывал его фигуру, и он в первые послереволюционные месяцы не подвергался преследованиям и не имел препятствий для деятельности, в отличие от остальных представителей крайне правой.

Анализ выступлений Пуришкевича в частных совещаниях, а также сравнение их с выступлениями других участников дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, по настроению, по требованиям, по главным идеям они никак не отличались от его дореволюционных речей. Сильная, твердая, обеспечивающая внутренний порядок, борющаяся с анархией, власть; могучая, непобежденная в войне, Россия; мощная армия – вот ценности, которым он остался глашатаем и после Февраля. Необходимость жестких мер (полицейских) в борьбе с теми, кто расшатывает государственный порядок, будь то конкретные личности, группы людей или периодические издания – вот идея, которой также он оставался верен. Изменились лишь адресаты. До Февраля сильной и твердой должна была быть власть Николая II и его министров, после – власть Временного правительства. Покончить с влиянием либералов, как антигосударственным элементом, готовящим будущую революцию в целях захвата власти, призывал он до Февраля, после – он призывал покончить с влиянием большевиков, готовящих будущую революцию в целях захвата власти. Во-вторых, в этих требованиях Пуришкевич странным образом сходил с теми, с кем он не находил никаких точек соприкосновения во времена премьерства и П.А. Столыпина, и В.Н. Коковцова, и всех остальных. Вот отрывок одной из речей на частном заседании Думы: «Путь только один – твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга. Правительство не должно руководствоваться велениями партийных организаций и отдельных классов, но,

¹ Николаев А.Б. Частные совещания членов Государственной думы // Государственная дума Российской империи 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 670 – 671.

² Речь. 1917. 28 апреля.

сильное в самом себе в своем единодушии, оно должно преследовать лишь одну цель – охранение великой нашей родины от смертельной опасности разложения»¹. Разве можно представить, что эти слова принадлежат не Пуришкевичу (а это не его цитата)? Или, во всяком случае, не представителю правых убеждений, особенно в том месте, где идет речь об опасности разложения «великой нашей родины» и о недопустимости для правительства руководствоваться велениями партийных организаций? Между тем, слова эти значились в обращении Временного комитета Государственной думы к Временному правительству, которое поддержали все участники частного совещания. Другой пример: «...Мы должны указать ему (правительству – В. К.) одно требование: если оно хочет быть вместе со страной, оно должно стать выше партий»². Неужели эти слова снова принадлежат не Пуришкевичу или правому? Они были произнесены кадетом Ф.И. Родичевым. «Выпущен был приказ № 1? Что это, господа, акт безумия или акт подлости?»³, – говорил прогрессист А.М. Масленников и вряд ли Пуришкевич не сочувствовал этой мысли. Наконец, удивляют слова П.Н. Милюкова, посвященные восстановлению смертной казни: «Смертная казнь была восстановлена, но восстановлена при таком составе суда, при паритете офицеров и солдат, который лишает эту меру значительной доли практического значения»⁴. Пуришкевич был вечным защитником смертной казни, а Милюков – вечным ее противником. В дни революции 1905 г. правые выступали с осуждением террора и яро защищали военно-полевые суды как меру восстановления порядка. Кадеты же и Милюков называли военно-полевые суды позором России, смертную казнь расценивали как один из признаков антидемократического режима, однако прошло 10 лет и, очутившись на правом фланге политической жизни, Милюков не удовлетворился наличием смертной казни, так как она мало применялась.

Иными словами, сближение Пуришкевича со своими бывшими политическими противниками после Февраля 1917 г. не кажется таким уж противоестественным. Принципиальных различий во взглядах Пуришкевича с либералами на тот момент времени не было. В главном они соглашались между собой и одинаково провозглашали необходимость продолжения войны в союзе с Англией и Францией до победы, доведения страны до созыва Учредительного собрания, поддержки Временного правительства в противовес Совету рабочих и солдатских депутатов, борьбы с возрастающим влиянием большевиков. Такое единодушие целей, а одновременно с ними даже ценностей было связано с общим «поправением» после революции либералов, то есть тех, кто при царизме считался оппозицией. Впрочем, они и после Февраля остались оппозицией тому органу власти, который фактически, а не формально, имел силу – Советам рабочих и солдатских депутатов, но с той лишь поправкой, что в соответствии с условиями времени для Советов они

¹ Буржуазия и помещики. С. 192.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 197.

⁴ Там же. С. 214.

если и были оппозицией, то оппозицией не слева, со стороны демократии, как в былые времена, а справа, то есть с той самой, к которой принадлежал в дореволюционный период Пуришкевич и которой, значит, он и остался быть верным. При этом некоторые традиционные для консерватора-черносотенца начала XX в. ценности ушли из его мировоззрения: националистическая фразеология и соответствующие ей требования к состоянию подчиненных народностей (при сохранении идеи о России единой и неделимой), вера в самодержавие (при сохранении пиетета перед монархией как предпочтительной формы правления в России). Ушло также негативное отношение к Думе. Напротив, в системе взглядов Пуришкевича ей придавалось все большее и большее значение, и если в самодержавие он веру потерял, то на идею думской монархии явно возлагал надежды (судя по программе партии, созданной им в годы Гражданской войны¹).

Самым пристальным вниманием Пуришкевича после Февраля стала пользоваться партия большевиков. 2-м апреля 1917 г. датируется его открытое письмо Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов с названием «Без забрала»². По его поводу «Речь» только 20 мая 1917 г. написала (в качестве иллюстрации того, как старые «бытовые явления» проникают в новый строй): «Как при Николае II перестукивали на машинке речь П.Н. Милюкова о партии молодой царицы, так теперь нелегально, из-под полы, распространяется по Руси открытое письмо В.М. Пуришкевича к большевикам Петроградского Совета рабочих депутатов. Легально напечатать его не позволяет новое начальство. И вот его распространяют в рукописях, берут за прочтение деньги, печатают тайно, подвергаясь арестам и обыскам. <...> Казалось бы, мысль, что социал-демократы и социалисты-революционеры могут испугаться гласной критики Пуришкевича, отдает нелепостью и вздором»³. Письмо Пуришкевича состояло из 10 пунктов. Каждый из них он начинал словами «я обвиняю вас», которые многократно повторял ввиду своей любви к анафоре и внутри каждого из пунктов. Обвинял он большевиков в первую очередь в том, что они не хотят «позволить народу успокоиться и вернуться к мирному труду» и поощряют смуту, волнения, беспорядки, называя все это свободой, хотя следовало бы – анархией, для чего пугают в своей пропаганде возможностью реакции, возвращения старого режима. При этом, старый режим, который, по словам Пуришкевича, являлся ничем иным как «карточным домиком», прогнившем сверху донизу, невозможен. «...Защитников старого режима нет и быть их не может в России, ибо это было бы предательством против России, изменой Родине в тяжелые пережи-

¹ См.: *Иванов А.А.* 1) Всероссийская народно-государственная партия: последнее детище В. М. Пуришкевича // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и учебно-метод. тр. / Ред. колл.: В.В. Барабанов (отв.ред.), А.Б. Николаев (сост). СПб., 2006. С. 116 – 118; 2) Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 386 – 392.

² ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. ЛЛ. 1 – 2.

³ Речь. 1917. 20 мая.

ваемые нами дни военной брани...»¹, – писал он. Далее Пуришкевич обвинял большевиков в том, что в годы военной брани они подрывают престиж Временного правительства, сея анархию и пропагандируя народ в том смысле, что Советы – эта та власть, которая, «бескорыстно служа народу, приведет его к молочным рекам и кисельным берегам». Обвинял Пуришкевич и в том, что большевики взялись быть выразителями воли всего русского народа, хотя на самом деле проводят в жизнь интересы только одного класса – рабочих. Владимир Митрофанович возмущался, что политика Советов сеет «классовую рознь, возбуждая сословия одно против другого» и с помощью печати толкает «народ на путь погромов и аграрных беспорядков». Конечно, Пуришкевич обвинил большевиков и в «развращении русской армии». «В силу этого», он обвинил большевиков «во всех неудачах русского оружия последних дней». Искажение смысла, целей и задач «той мировой волны, в которую ввергнута Россия помимо своей воли», призывы к заключению сепаратного мира «во имя каких-то отвлеченных идеалов всемирного единства пролетариата», поощрение разномыслия в рядах армии, «цель которой должна быть одна – ПОБЕДА» – еще одно обвинение в адрес большевиков. Введение 8-часового рабочего дня в дни, когда солдатам не хватает орудий, «отсутствие патриотизма», пренебрежение к насущнейшим нуждам русского войска, шпионаж в пользу немцев, цензура мысли, слова и дела, которая никогда «не достигала таких ужасающих размеров» – также нашли свое место в перечислении обвинений. Наконец, Пуришкевич обвинял большевиков в том, что они обращают «народную толпу» в чернь «своими призывами, своими митинговыми речами, своими процессиями», на знаменах которых они изображают «лозунги, дразнящие низменные инстинкты толпы и сулящие ей неосуществимые блага к достижению коих может быть только один путь и этот путь анархии и дикого произвола». «В лице вашем и характере деятельности вашей, – писал Пуришкевич, – я вижу сильнейшую угрозу успеху развития нового строя, ибо каждый строй держится властью, и вы посягаете на ту неокрепшую народную власть, которая должна опираться на доверие к себе России»². Заканчивал письмо Пуришкевич лозунгом «да здравствует Временное правительство, единая и законная власть в России, впредь до Учредительного Собрания», а также небезынтересной просьбой (показывающей, что не форма правления занимала центральное положение в системе его взглядов, но такая ценность как мощь государства) «назвать себя», потому что «великое государство, будет оно монархией или республикой, не может управляться псевдонимами». Финальная часть письма также весьма красноречива: прежний чисто черносотенный патриотизм переплелся в ней с терминологией нового времени и его агитаторскими приемами. Пуришкевич писал: «И да исчезнут с политического горизонта нашей родины всякого рода самозванцы, под видом защиты блага общественного посягающие на честь, достоинство и величие России, созданной усилиями и трудом ряда угасших

¹ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

поколений для того, чтобы стать игрушкой в руках безвестных, быть может провокаторов, в тот час, когда над нею занимается заря величия, славы и свободы. К ответу вас, к ответу, лицемеры с душой Каина, с руками Понтия Пилата»¹. И получилось, что 6 из 10 пунктов касались проблемы войны и армии, а 7 из 10 заключали тревогу о возможности дальнейшего углубления революции и распространение анархии. То есть победа в войне и успокоение страны – вот главное, что волновало Пуришкевича в те дни.

Перечисленным темам было посвящено и еще одно открытое письмо Пуришкевича (уже не большевикам, а всему русскому обществу) «Вперед! Под двухцветным флагом», эмоциональное и, как было принято тогда говорить, вполне «митинговое» и агитационное по стилю. Сам Пуришкевич именно этот документ называл своим первым послереволюционным политическим выступлением². В нем он называл бывшего императора Николая II слабовольным, отказывался петь отходную дворянству, обращался с призывом к буржуазии, независимо от национальной принадлежности, помнить свое русское гражданство и не отказываться выполнить свой долг: «стать на защиту подлинной свободы, всем народом для всей России добытой, и не дать замутиль великой демократии реки нам предстоящих реформ в деле гражданского переустройства грязью анархии со стороны того меньшинства, которое, гипнотизируя малодушных миражем своей беспочвенной силы, увлекает Россию в бездну неотвратимого падения!»³. Пуришкевич обрушился на так называемую «циммервальдскую политику», заключавшуюся в лозунге социалистов «мир без аннексий и контрибуций», описывал бедственное положение армии, растленной «обрывками политических учений и не способной ни к обороне, ни к наступлению», традиционно обвинял власть в безволии и трусости, призывая «распустить Советы рабочих и солдатских депутатов как носителей разрухи и двоевластия»⁴. Трусость он связывал с тем, что всякий разумный, с его точки зрения, поступок мог быть истолкован в качестве контрреволюции. И по этому поводу он не без остроумия заметил, что, если видеть во всем контрреволюцию, то можно дойти и до того, чтобы требовать упразднить саму Россию, ведь она есть одно сплошное напоминание о реакции.

16 июня он впервые выступил с речью в частном совещании членов Государственной думы. Речь показала, что волнение его по поводу главных тем – войны и революции – с апреля не только не улеглось, но даже усилилось. Во всяком случае, свой доклад он открыл следующей фразой: «Вы все знаете, что Россия в настоящий момент быстрыми шагами путем анархии ввергается в пропасть»⁵. Он подтвердил свое еще дофевральское мнение, что Государственная дума, престиж которой на момент революции был крайне

¹ Там же.

² *Пуришкевич В.М.* Вперед! Под двухцветным флагом: (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917. С. 13.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Буржуазия и помещики. С. 122.

высок, является подлинной выразительницей народных интересов, ведь ее депутаты – это выбранные народом представители. Ввиду этого, Пуришкевич высказался в том смысле, что только Государственная дума и может быть единственным органом государственной власти. Он заявил, что «вина всех нас в том, что мы не проявили достаточной энергии и воли на момент переворота 28 февраля»¹, и кормило власти перешло (путем захвата) к Советам. Деятельность же Советов привела к страшным результатам – полной деморализации армии. Пуришкевич призывал навести порядок в Петрограде, потому что «надеяться на то, что произойдет оздоровление нашей армии до тех пор, пока не произойдет оздоровления Петрограда, трудно»². При этом оздоровление Петрограда Пуришкевич связывал с более жесткой политикой Временного правительства. Пуришкевич предложил две меры, которые не вызвали сочувствия среди участников совещания, но которые позже были воплощены в жизнь и были поддержаны этими самими участниками. Первая мера – ввести смертную казнь. Вторая – перенести Государственную думу туда, «где есть известная физическая сила, где есть та сила, которая может ей сочувствовать», а именно, в казацкие области, в Новочеркасск³ (Добровольческая армия формировалась именно в этих областях, казацких). Смысл подобного предложения заключался в том, чтобы на случай падения Временного правительства был сохранен источник власти. По свидетельству лидера белого движения на Юге А.И. Деникина, «Каледин отнесся к этому предложению отрицательно»⁴ (Каледин был казацким атаманом и жил тогда именно в Новочеркасске, туда Пуришкевич писал ему о своих соображениях). В этой же речи Пуришкевич объявил о всецелой поддержке партии кадетов, которой, по его словам, каждый из правых теперь будет отдавать голос на выборах.

Спустя месяц, 18 и 19 июля 1917 г., Пуришкевич снова выступал в частном совещании. Речь его в основных моментах была продолжением прошлого выступления, только гораздо более резкая и эмоциональная. Вновь Пуришкевич возмущался отсутствием волевого импульса у Временного правительства, его трусостью, которая ведет Россию по пути революции к анархии⁵. Владимир Митрофанович осуждал узкоклассовый характер власти, когда «мы переживаем тот момент, когда всякий русский патриот, к какой бы партии он раньше не принадлежал, будь он крайний правый или социал-демократ, должен громко и грозно кричать на всех перекрестках: спасайте Россию, спасайте родину, она на краю гибели»⁶. Спасти Россию Пуришкевич

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 127–128.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3-х т. М., 2003. Т. 1. С. 449.

⁵ Об этом см.: Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2011. С. 70 – 81.

⁶ Буржуазия и помещики. С. 199.

снова предлагал способом, который называл и месяц назад, и годы назад, когда требовалось спасти еще Российскую Империю: «...нужно карать во избежание смертельной гибели сотен тысяч в будущем <...>; нужно преграждать возможность наступления народных самосудов, а народные самосуды бывают первым следствием отсутствия правового порядка и отсутствия власти, и нужно карать не только тех, которые бегут с фронта <...>, а нужно карать тех, которые находятся в тылу и которые развращают этот фронт: нужно вешать отдельные единицы, для того чтобы спасти сотни, тысячи и десятки тысяч невинного народа»¹. Если Временное правительство Пуришкевич подверг сильной критике, то на Советы рабочих и солдатских депутатов буквально обрушился, призывая незамедлительно покончить с их властью. Только Дума вновь удостоилась от него ласкового слова, что понятно: он говорил, Государственная дума – «единственный орган, способный спасти Россию и повести ее по верным историческим путям», а что может быть важнее для человека консервативного мировоззрения, как неразрывность исторического пути, как тяготение к старому и хорошо знакомому – Думе? И если письмо большевикам «Без забрала» в апреле 1917 г. он закончил призывом «да здравствует Временное правительство», то конец этой речи венчал призыв «да здравствует Государственная дума». В выступлениях этих дней в связи с резонансом в печати Пуришкевичу пришлось отбиваться от контрреволюционности. Интересно, как он повернул этот вопрос: контрреволюцией он называл деятельность тех, кто ныне осуществляет власть (ввиду того, что новая власть попирает свободы, в особенности – свободу слова), а также тех, кто зовет к углублению революции, так как последующая анархия и смута явно не будут иметь ничего общего с теми идеалами, которые были провозглашены в феврале 1917 г.

Еще спустя месяц, 20 августа 1917 г., Пуришкевич добавил ко всем ранее высказанным мыслям новую, которая как некогда предложение о смертной казни вызвала неприятие среди членов частного совещания, но которая в итоге чуть было не воплотилась в жизнь спустя несколько дней после его речи в связи с так называемым Корниловским мятежом: Пуришкевич говорил о необходимости диктатуры в стране. Говорил он о ней осторожно, убеждая членов собрания, что диктатура не имеет ничего общего с контрреволюцией. «...Кто бы ни был диктатором, нет такого человека, который сказал бы, что этим создается возвращение к старому режиму, ибо никто старого не хочет, возвращения к нему не хочет; к старому режиму пути закрыты»², – убеждал он. При этом диктатуру он представлял себе как власть диктатора, облеченного широкой властью, совместно с Верховным советом, состоящим из выгнанных с фронта лучших русских генералов. А лучшие русские генералы (он называл их раньше: Алексеев, Юденич, Колчак, Гурко, Драгомиров, граф Келлер, Лечицкий, Мышлаевский и пр.) – это сплошь люди, дававшие некогда присягу на верность Николаю II, люди, которые, будучи явно не социал-демократических взглядов, через год оказались в Белом движении.

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 280.

Такова краткая характеристика взглядов, высказываемых Пуришкевичем после Февральской революции. Ситуация, в которой он оказался, по своему уникальна. Чужой для бывших соратников, предатель. Чужой для новых союзников (в прошлом – политических противников). Неизменный в отстаиваемых ценностях: сильная государственная власть и великая Россия.

Румянцев А.Г.
Взгляд из провинции: события 1917 года в Петрограде
глазами тихвинского краеведа и историка
И.П. Мордвинова

Данная работа посвящена изучению восприятия революционных событий 1917 года в российской провинции через призму дневников известного общественного деятеля начала XX века Исаакия Петровича Мордвинова (1871 – 1925 гг.). Выходец из крестьянской семьи, в 1883 г. он окончил Тихвинское городское училище, где увлекся рисованием, сбором рукописей и местного фольклора, сочинением стихов и басен¹. Зарабатывая на жизнь в должности писаря, в 1887 г. автор дневников поступил в Новгородскую Александровскую учительскую школу, которую вынужден был оставить в 1890 г. из-за ее закрытия². С 1891 года И.П. Мордвинов начал свою просветительскую деятельность в качестве учителя сельской школы, затем переехал в Новгород, где сблизился с революционной интеллигенцией и местными либералами и сформировался как социалист народнического направления. В Новгороде же он начинает свою научную деятельность, занимаясь в местном музее и принимая участие в деятельности Новгородской губернской архивной комиссии³. На рубеже XIX – XX вв. И.П. Мордвинов публиковался в периодических изданиях «Русский учитель», «Новгородский север», «Наука и жизнь», «Вестник трезвости», «Русский архив», «Исторический вестник»⁴. К 1917 г. он представлял из себя классический тип интеллигента-общественника – историк, краевед, археолог и преподаватель; руководитель краеведческого музея в Тихвине, организатор антиалкогольного движения и инициатор внешкольного образования в Тихвинском уезде и пр. К этому моменту И.П. Мордвинов имел также солидный багаж политической деятельности. Активный участник Первой русской революции, одно время являвшийся членом партии эсеров, он провел полтора года в Венденской тюрьме, а затем, по-видимому, находился под негласным полицейским надзором. По своим политическим убеждениям – социалист-народник, по характеристике

¹ Равдоникас В.И. Исаакий Петрович Мордвинов. Очерк жизни и деятельности (1871 – 1925 гг.). Тихвин, 1926. С. 3.

² Там же. С. 5 – 7.

³ Там же. С. 7 – 8.

⁴ Там же. С. 10.

его младшего современника и друга В.И. Равдоникаса – «беспартийный социалист»¹.

К анализу деятельности И.П. Мордвинова как общественного и культурного деятеля отечественные исследователи обращались неоднократно. В числе первых работ об авторе дневников стал труд уже упоминаемого В.И. Равдоникаса. Среди более поздних публикаций следует отметить работу Н.Н. Жервэ, посвященную изучению Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древности, в рамках которой автор касается биографических данных об И.П. Мордвинове². Впоследствии эти материалы послужили основой для статьи В.Н. Кутузова³, а среди новейших исследований отметим упоминание о И.П. Мордвинове как участнике I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, проходившем в начале 1910 г. в С.-Петербурге⁴. При этом, большинство исследователей ограничивались изучением биографии и рассмотрением отдельных сфер общественно-культурной деятельности И.П. Мордвинова. Собственно же дневниковый материал, несмотря на то, что уже в 80-е гг. XX века вошел в научный оборот, широкой общественности, за исключением тихвинских краеведов, остается неизвестным.

В основе исследования лежит анализ дневников личного фонда И.П. Мордвинова, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Они включают в себя 15 дел, за 1897 – 1925 гг. В дневниках нашли отражение революция 1905 г., Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война и период НЭПа и пр.

Интересующие нас события 1917 году включены в два дневника. В первом из них имеется описание хода Февральской революции в Тихвине с 28 февраля (13 марта) по 8 (21) марта 1917 г., что позволяет проследить реакцию И.П. Мордвинова и его окружения на Февральские события в Петрограде⁵. Второй дневник, посвященный событиям с 15 (28) октября 1917 г. по 30 января (12 февраля) 1918 г., дает возможность проанализировать восприятие жителями Тихвина Октябрьской революции и первых месяцев советской власти⁶.

Из дневников И.П. Мордвинова следует, что уже в конце 1915 года он предвидел надвигающийся социальный взрыв. Революция представлялась ему неизбежной в связи с бессилием верховной власти и ее неспособностью решать наболевшие проблемы России. Как и многие представители интелли-

¹ Там же. С. 22.

² Жервэ Н.Н. Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913 – 1929 гг.) // Тихвинский сборник (по материалам историко-географической конференции): Сб. статей / Под ред. д.и.н. Г.С. Лебедева. Тихвин, 1988. Вып.1. Археология Тихвинского края. С. 31 – 38.

³ Кутузов В.Н. Первый редактор «Тихвинца» // Тихвинец. 1990. № 1. С. 3 – 4.

⁴ Гусев Г.В. История обучения и воспитания трезвости в православном образовании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2007. С. 106 – 109.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2253 (Мордвинов Исаакий Петрович, археолог-краевед в г. Тихвине). Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 189 – 211.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 2 – 119.

генции, он разделял радикальные настроения по отношению к правительству и императорской фамилии, которые, впрочем, не выходили за рамки «кухонных разговоров»¹. Как представляется, по мере продолжения войны и усугубления экономических проблем у И.П. Мордвинова наблюдается переход от рефлексии к критике действующей власти, которая, однако, к 1917 году сменилась апатией и фатализмом. Подобные настроения, связанные с опасением революционного хаоса, также были типичны для представителей интеллигенции². В итоге, автора дневников охватил социальный пессимизм, неверие в возможности России и ее народа, ощущение «гибели нации»³. Он со страхом наблюдал растущий радикализм народных масс, опасаясь разгула анархии в стране.

Вести о февральских событиях в Петрограде докатились до Тихвина в последние дни зимы 1917 года. Поначалу среди горожан и жителей уезда воцарились растерянность и испуг. По наблюдению автора дневников, представители местного земства газеты о февральских событиях «читали весьма робко, вполголоса, хотя лишнего народа в комнате не было». В собственных оценках И.П. Мордвинова происходившие события в Петрограде ассоциировались с Парижской коммуной и, соответственно, с ожиданием разгула реакции после ее подавления⁴. Подобные опасения подогревались известиями о движении к столице корпуса генерала Н.И. Иванова, которые в дневнике были интерпретированы следующим образом: «Питер все-таки живет под страхом военного нападения. Говорят, достаточно двух корпусов для взятия столицы»⁵.

Отсутствие достоверной информации о событиях в Петрограде порождали растущую нервозность. По Тихвину поползли слухи, что в ходе февральских событий в Петрограде было убито свыше 6 тысяч человек, что в районе Путиловского завода происходило подлинное избиение полиции под лозунгом «Нам – собачья жизнь, вам – собачья смерть»⁶. Несмотря на то, что известия о числе жертв февральских событий в Петрограде были сильно преувеличены (по официальным данным, в столице погибло около 300 человек, и около 1100 было ранено)⁷, символом революции стал разгром полицейских учреждений и массовая охота на полицейских. Описывая подобные случаи, бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев резюмировал, что расправа «по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевым офицерам не поддается описанию»⁸.

¹ *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.) / Отв. ред. В.И. Старцев. Л., 1988. С. 29, 38 – 41.

² Там же. С. 47 – 49.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 143 – 144.

⁴ Там же. Л. 190.

⁵ Там же. Л. 204.

⁶ Там же. Л. 203.

⁷ *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 90.

⁸ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

Преувеличенные слухи о разгуле анархии в Петрограде дополнялись также известиями об отсутствии реальной власти в столице. Автор дневников характеризует царившие среди населения Петрограда настроения следующими словами: «на заводах господствуют крайние взгляды. Везде требуют республику»; «солдаты требуют земли, а рабочие – республики и улучшения участи»¹.

Таким образом, в изображении И.П. Мордвинова Февральские события в столице предстают как стихийное действие народных масс, перераставшее в бунт. Организацию самой революции автор дневников приписывает радикальным силам деструктивного характера. Явно виден его испуг перед возможным углублением революции в Петрограде: «в общем, впечатления скверные: Думы как будто нет, а все захватили эсдеки». В оценках также проскальзывает антисемитизм: «в Питере сильно работают еврейские организации, вроде Бунда»². Такая оценка стала следствием юдофобии, которая насаждалась правящими кругами и прессой, отождествлявшими революцию с евреями³.

По мере поступления сведений из Петрограда и революционных выступлений в самом Тихвине, И.П. Мордвинов осознает, что события принимают необратимый оборот. В своем дневнике он записывает: «заправили движения, по-видимому, опираются на «общество» и совершают не смену правительства, а революцию. Если это революция, то, значит, самое страшное предвидится впереди»⁴. Перелом в настроениях жителей Тихвина и самого автора дневников произошел после отречения Николая II и образования Временного правительства. Последнее И.П. Мордвинов приветствовал как гарант сохранения внутренней стабильности государства, полагая, что «надо ждать разрешения всех вопросов Думой, а затем действовать в полном соответствии с Думой»⁵. Отошел в прошлое его страх перед грядущими событиями, о чем позволяет говорить его отношение к массовой демонстрации в Тихвине 5 (18) марта 1917 г.: «эти знамена, около которых беззаботно гудят ребяташки, ведь символ моих идеалов – правды, света и добра. И мне захотелось приветствовать солдат»⁶. С этого момента автор дневников начинает активное участие в деятельности вновь формирующихся местных органов власти в сфере народного образования.

В целом, невозможно говорить об однозначной оценке И.П. Мордвиновым событий февраля – марта 1917 г. Первоначально настороженно-выжидательная позиция была связана с его опасениями из-за возможных преследований в случае поражения революции, а в первых дневниковых записях чувствуется самоцензура. Более того, И.П. Мордвинов оказался в чис-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 1. Л. 204.

² Там же. Л. 197.

³ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 34.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 1. Л. 194.

⁵ Там же. Л. 199.

⁶ Там же. Л. 204.

ле немногих провинциалов, кто, несмотря на победу революции, опасался усиления криминализации общества и выхода на историческую сцену неуправляемой толпы. Подобные пессимистические настроения были характерны преимущественно для столичной интеллигенции¹. Например, будущий профессор Московского университета С.Б. Веселовский также не разделял всеобщей радости по поводу «конца царской России», восклицая: «Конец то конец, но не будет ли это концом независимости русского государства и народа вообще?»².

При этом существовали определенные различия между жителями столиц и провинции в оценке Февральской революции. По мнению С.Б. Веселовского ее подготовка была делом рук стран Антанты, в частности, Англии, без активного участия революционных партий³. Данная трактовка была широко распространена в столицах, о чем свидетельствовал упомянутый выше К.И. Глобачев. Последний, к слову, дал наиболее точную трактовку «движущих сил» Февральской революции: она была делом кадетов и социалистов, тогда как «народу ни революция, ни те люди, которые якобы пользовались его доверием, были не нужны»⁴. Провинция же, как показывают дневниковые записи И.П. Мордвинова, полагала, что революцию вызвали радикальные силы, которые нередко оценивались с позиции антисемитизма.

Также по-разному столицы и провинция оценивали перспективы деятельности Временного правительства. Несмотря на внешнюю поддержку новой власти, для некоторых представителей столичной интеллигенции Временное правительство представлялось неустойчивым образованием, которое сменит диктатура. В отличие от столиц, провинция восприняла известие о свержении Николая II и формировании Временного правительства с большим воодушевлением. Говоря о самом И.П. Мордвинове, следует сказать, что он перешел на сторону революционного движения, видя в нем возможность реализовать свои идеалы. Подобные настроения весной 1917 г. породили у него веру в то, что последующая судьба России может быть решена Всероссийским Учредительным собранием⁵.

Нам неизвестно восприятие И.П. Мордвиновым событий весны-лета 1917 г., что объясняется лакуной в его дневниках с 8 (21) марта по 15 (28) октября 1917 г. Однако анализ первых же записей позволяет говорить о глубоком расколе среди интеллигенции Тихвина по отношению к происходившим событиям. Наиболее мрачные предположения относительно развития революции, терзавшие столичную интеллигенцию еще весной 1917 года, через полгода овладели умами и жителей провинции. Значительная часть тихвинской интеллигенции погрузилась в глубокий пессимизм в связи с крахом радужных перспектив Февральской революции. Корниловское движение вос-

¹ Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 87.

² Веселовский С.Б. Дневники 1915 – 1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 86 – 87.

³ Там же.

⁴ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 70 – 71.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

принималось ими как последняя попытка установления какого-либо порядка, а его поражение означало для них погружение страны в анархию и неизбежный бесславный конец войны¹. Меньшая же часть интеллигенции, напротив, «полевела», проповедуя радикальное решение всех насущных проблем страны². Что же касается самого И.П. Мордвинова, то, пытаясь укрыться от реалий революционной жизни, он находил себя в общественно-просветительской деятельности. В растущем радикализме народных масс и разгуле анархии в стране автор дневников винил представителей крайних левых сил. Так, почерпнув сведения о большевиках из газеты эсера В.Л. Бурцева «Общее дело», он замечает: «прочел список “товарищей”, прибывших через Германию: 99 % жида»³. Симптоматично, что, как и в дни Февральской революции, И.П. Мордвинов награждает представителей радикальных сил, теперь большевистских лидеров, антисемитскими характеристиками. Подобный «политический» антисемитизм сливался с «бытовым» антисемитизмом населения Тихвина, который дополняли погромные настроения по отношению к «буржуям». Очевидно, к осени 1917 года в массовом сознании жителей провинции вырисовывается два образа врага – «буржуй» и «еврей», а возросшая нетерпимость прямо соотносилась с нарастанием социально-экономического кризиса.

Из дневниковых записей осени 1917 г. следует, что накануне Октябрьских событий в Петрограде органы Временного правительства утрачивают контроль над ситуацией в провинции. Реальной силой в Тихвине и прилегающих к нему районах становится солдатская масса и беднейшее крестьянство. Все больший вес набирали погромные настроения, перераставшие в «низовой большевизм»⁴. Беднейшим слоям противостояло среднее и зажиточное крестьянство, опасавшееся передела собственности и являвшееся сторонниками твердой власти. Автор дневников 18 (31) октября 1917 г. записывает мнение двух крестьян д. Кукуй: «что будет? Ведь резня будет. Хлеба не станет – и зарежем друг друга». И добавляет: «оба оборонцы, возмущены правительством и Керенским, оправдывают Корнилова. Хотят порядка. Просвета не видят»⁵. Подобный раскол усугублялся антицерковной агитацией среди населения. Таковая началась уже после Февральской революции, а к осени 1917 г. лозунги «с призывом мести попам и помещикам» стали использоваться местными эсерами в предвыборной кампании в Учредительное собрание⁶.

Все эти противоречия катализировались ввиду угрозы голода, особенно в преддверии зимы. Так, 25 октября (7 ноября) 1917 г. И.П. Мордвинов записал: «в продовольственную управу явились погромно настроенные граждане,

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. ЛЛ. 11, 21.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 8.

некоторые кричали: «вы нас со своей революцией без хлеба оставили, вот придем, всю вашу управу разроем, вас поколотим»¹.

В таком состоянии жители Тихвина встретили известия об Октябрьской революции в Петрограде. При этом весьма характерна первая реакция И.П. Мордвинова и членов его семьи на приход к власти большевиков. В своем дневнике 26 октября (8 ноября) 1917 г. он записал: «утром жена поздравила меня с переменой правительства. Спрашиваю: кто? – Чуть ли не корниловцы»². В этой небольшой цитате заключен для автора дневника и его ближайшего окружения весь смысл происходивших событий. К октябрю 1917 г. И.П. Мордвинов приходит к внутреннему убеждению, что в наступившей ситуации возможен лишь переход к диктатуре – «правой» или «левой». Эти настроения вполне соотносятся с общей характеристикой осени 1917 г. как времени психологического надлома русского общества и ощущением приближавшейся катастрофы³. В связи с этим новый режим характеризовался автором дневников следующим образом: «теперь ясно, что дело революции проиграно... Гибнет не только народ; гибнет наша культура»⁴. В его представлении приход к власти большевиков означало погружение в пучину хаоса: «великая богатейшая страна в положении нищего. Погромы, пожары. Враг на пороге, а в доме братоубийство и пьяное зверство»⁵. В целом, в его сознании, как и других представителей интеллигенции, Октябрьская революция ознаменовала конец России: как пишет В.Б. Аксенов, «многим казалось, что она уже не выйдет из анархии, пьяных погромов, бесчинств озверелых толп»⁶.

Впрочем, «левые» представители интеллигенции приветствовали Октябрьскую революцию и связывали с ней надежды на просвещение народа. Очевидно, они придавали большое значение постановлению наркома просвещения А.В. Луначарского «О народном просвещении» от 29 октября (11 ноября) 1917 г., которое призывало к сотрудничеству всех представителей интеллигенции⁷. Так, будущий глава большевистского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов И.И. Васильев обратился к И.П. Мордвинову с предложением содействия в открытии при начальных школах воскресных отделений. Показательно, что вопрос об их учреждении теперь тесно связывался с борьбой с кулаками, поскольку последние фактически контролировали органы местной власти⁸. Однако сам автор дневников никак не

¹ Там же. Л. 25.

² Там же.

³ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 201.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп.1. Д. 2. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 30.

⁶ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 58.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 29 октября (11 ноября). № 2. Ст. 16.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

отреагировал на идею открытия воскресных школ. Это тоже симптоматично – теперь все новшества напрямую связывались с принятием новой власти.

На восприятие в провинции октябрьских событий в Петрограде большое влияние оказала политика новой власти, которая стремилась монополизировать печатное дело. На основании декрета о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 г. большая часть небольшевистских газет подлежала закрытию¹, и, начиная с этого времени, в дневниках И.П. Мордвинова встречаются постоянные сетования на отсутствие газет. Сам нарком просвещения А.В. Луначарский в письме своей супруге от 29 октября (11 ноября) 1917 г. писал: «я глубоко не сочувствую некоторым мерам. Например, длительному запрещению не только буржуазной, но и социалистической печати»². Образовавшийся вакуум отчасти заполняли газеты «Правда» и «Известия солдатских и рабочих депутатов», публиковавшие декреты и первые распоряжения Советской власти. Пророческим выглядит диалог одной жительницы Тихвина с женой И.П. Мордвинова. На вопрос последней: «большевистские?», – сапожница ответила: «как же иначе? других не будет; надо, матушка, к этим привыкать»³.

Тем не менее, общественное мнение жителей провинции об октябрьских событиях в столице формировалось на основе оставшихся небольшевистских газет, преимущественно эсеровского толка. Тихвин заполнили известия о насилиях и зверствах большевиков. В подобных красках рисуется И.П. Мордвинову подавление в Петрограде мятежа юнкеров. Так, 29 октября (11 ноября) 1917 г. он сообщает: «страшно читать о пытках и истязаниях, которым подвергались юнкера»⁴. Чуть позже, 1 (14) ноября 1917 г. автор дневников записывает: «в Питере не щадят даже детей, женский батальон изнасилован и предан поруганию»⁵. Подобные слухи о расстреле юнкеров в Петропавловской крепости распространялись и в самом Петрограде, что засвидетельствовал в своем письме к супруге от 28 октября (10 ноября) 1917 г. А.В. Луначарский⁶.

Свое отражение нашла и тема культурного варварства большевиков. В своих записях И.П. Мордвинов неоднократно обращается к судьбе бывшей императорской резиденции, отмечая всевозможные слухи: «Зимний дворец обращен в решето. На Дворцовой площади было много убитых»; «Зимний дворец разрушен и разграблен»; «в Зимнем дворце исколоты штыками замечательные картины, трон изгажен и пр.»⁷. Частичный разгром Зимнего двор-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 27 октября (9 ноября). № 1. Ст. 7.

² Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая. М., 2007. С. 291 – 292.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ Там же. Л. 38.

⁶ Революционная Россия. С. 290 – 291.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 31, 33, 38.

ца, действительно, имел место¹, и эти факты раздувались как слухами, так и небольшевистскими газетами. При этом И.П. Мордвинов вполне объективно определяет причину подобных действий: «это все еще кипит злоба против подлого царизма, который, в сущности, и породил все зверства»². Подобная оценка причин октябрьских событий, как представляется, уникальна не только для провинциальной, но и для столичной интеллигенции, оказавшейся, за редким исключением, противником советской власти.

Как и большая часть жителей Тихвина, И.П. Мордвинов воспринимал советскую власть как неустойчивую диктатуру, опиравшуюся на солдатские штыки. Ее неприятие было связано с разочарованием в самом революционном процессе. Показателем этого служит сравнение новых органов власти, советов, с граммофонами: «меняются пластинки, а напев всюду тот же»³. Крах новой власти казался неизбежным, поэтому вполне естественно, и даже буднично, автором дневником были восприняты сообщения о саботаже чиновничества и о движении к Петрограду войск Керенского и Краснова⁴. Тем неожиданнее для него стали известия о разгроме наступавших на Петроград войск и о победе большевиков в Москве⁵.

Впрочем, все вышесказанное не означает, что И.П. Мордвинов всерьез симпатизировал сторонникам нарождавшегося «белого» движения – скорее, именно с ним он связывал возможность установления прочной государственной власти. Не имея устойчивых политических пристрастий, в круговороте событий автор дневников тщетно искал элементы какой-либо стабильности. Именно поэтому, когда прибывший из Петрограда левый эсер И.В. Кудрявцев сообщил, что в столице «удивительный порядок», он отреагировал следующим образом: «если да, то только можно похвалить правителей, хотя их имена весьма сомнительны»⁶. Аналогичным образом А.В. Луначарский в письме своей супруге от 29 октября 1917 г. писал: «наши ведут себя почти повсюду образцово. Все обвинения оказываются обыкновенными вздорными слухами»⁷.

При этом, политические взгляды автора дневников вступили в противоречие с собственной общественно-просветительской деятельностью: ради сохранения памятников культуры, как впрочем, и собственного положения, он был обречен сотрудничать с любой властью. Осознавая свою зависимость, автор дневников внутренне противился этому. Фактически, неприятие нового режима не носило принципиального характера, а отдельные его меры вызывали у автора дневников осторожное одобрение. По мере же укрепления советской власти, отсутствие у нее реальной альтернативы неизбежно приво-

¹ Революционная Россия. С. 289 – 290.

² ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Революционная Россия. С. 291 – 292.

дило И.П. Мордвинова к мысли о необходимости с ней «технического сотрудничества».

В целом, в восприятии революционного процесса провинция прошла значительный путь. Февральскую революцию в Петрограде она встретила сначала сдержанно, а затем, по мере развития событий, почти восторженно. На примере Тихвина можно сказать, что весной 1917 года кредит доверия к Временному правительству среди большинства жителей провинции заметно превышал аналогичный уровень в столицах. Это позволяет говорить о «медовом месяце» революции на местах и о возникновении соответствующих иллюзий в возможность бескровного решения насущных социально-экономических и политических проблем страны.

Однако к осени 1917 года на фоне разочарования в «революционных надеждах» жителей провинции, равно как и столиц, охватили пессимизм и апатия. Продолжавшаяся война, разрыв хозяйственно-экономических связей и угроза голода накануне зимы привели значительную часть населения Тихвина в депрессивное состояние, сочетавшееся с ростом анархических и погромных настроений. На этом фоне Октябрьская революция в Петрограде была воспринята как естественный, завершающий этап в процессе перерождения революции в диктатуру и не вызвала особой реакции в провинции. Большевицкая власть для большинства населения, за исключением небольшой группы ее сторонников, представлялась неустойчивым образованием, неизбежно должна повторить судьбу Парижской коммуны. Негативную роль в формировании образа новой власти сыграло навязывание диктатуры пролетариата и проникновение «низовой культуры» во все сферы жизни страны.

Таким образом, дневниковые записи И.П. Мордвинова позволяют скорректировать известные представления как о широкой поддержке большевистской власти на местах, так и о массовом сопротивлении новому режиму. Определяющим фактором в восприятии провинцией Октябрьской революции стал индифферентизм к происходящему, что не исключало восторженную реакцию со стороны сторонников новой власти. Будоражившие на первых порах провинцию известия о событиях в Петрограде, касающиеся мятежа юнкеров и движения Керенского-Краснова вскоре стали восприниматься большинством населения Тихвина вполне буднично и обыденно. Тенденцией последних месяцев 1917 года стало снижение восприимчивости жителей провинции к событиям в Петрограде и переключение их внимания на решение местных проблем.

Гавроева Е.С.
Революционная Россия в английских парламентских
дебатах (апрель – июнь 1917 г.).

Февральская революция в России англичанами была встречена восторженно, британский парламент приветствовал падение монархии¹. Попытаемся выявить, какие вопросы обсуждались английскими парламентариями в последующий период – в апреле – июне 1917 года.

3 апреля 1917 года² на заседании Палаты общин был поднят вопрос об отправлении в Петроград специальной миссии, в которую будут включены не только члены правительства и Парламента, но и общественные деятели, что позволило бы наладить братские отношения между Англией и России. В качестве примера говорилось о депутации, которая была направлена в Россию в связи с коронацией Николая II. В своем ответе министр блокады, лорд Роберт Сесил на поступившее предложение ответил уклончиво, так как посылка такой миссии вряд ли стала бы мерой для укрепления свободы и порядка в русском обществе, данный вопрос требовал дальнейшего обсуждения³. В этот же день члены Палаты общин говорили о миссии лорда Альфреда Мильнера в Петрограде. Канцлер казначейства Э. Бонар Лоу сообщил, что в заявлениях, сделанных врагами, т. е. странами Центральных держав, появилась информация о лорде Мильнере, который якобы способствовал отречению Николая II. Во время обсуждения также говорилось об инструкции Министерства иностранных дел Великобритании, предназначенной для прессы, в которой высказано предложение не обсуждать и не критиковать последнего царя⁴.

4 апреля в Палате общин был поднят вопрос о даровании новым правительством в России конституции Польше для создания единого государства с последующим формированием собственного польского правительства. Министр иностранных дел А. Бальфур ответил на поставленный вопрос утвердительно, заявив, что в ближайшее время сделает официальное заявление по данной теме⁵. Также обсуждался вопрос об инструкции, которая была дана прессе в отношении публикации материалов о российском царе. А. Бальфур, заявил, что предположение о существовании данной инструкции не имеет под собой никаких оснований⁶. Тогда же дебатировался вопрос о визите членов лейбористской партии в Петроград – своего рода визит-поздравление

¹ См. подробн.: Гавроева Е.С. Февральская революция в России по материалам английских парламентских дебатов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2012. С. 82 – 86.

² Все даты указываются по новому стилю, т.е. по григорианскому календарю.

³ Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons (далее – PDHC), 5th Series. L., 1917. Vol. 92. April. 3, Col. 1119 – 1120.

⁴ Ibid. Col. 1120.

⁵ Ibid. April. 4, Col. 1276.

⁶ Ibid.

Временного правительства. Идея об отправке еще одной делегации от английской общественности, которая обсуждалась 3 апреля в Палате общин, в Россию не была поддержана канцлером Казначейства¹. Наряду с этим, парламентарии обсуждали информацию о том, что Временным правительством отменена смертная казнь за военные преступления. Поступило предложение обсудить вопрос об отмене смертной казни и в Англии. Э. Бонар Лоу заявил о том, что такие меры не будут приняты². В Палате общин также был поднят вопрос о Константинополе, а точнее, обсуждалось заявление министра юстиции России А.Ф. Керенского о согласии на интернационализацию города. А. Бальфур сообщил о том, что официального заявления со стороны правительства России сделано не было³.

19 апреля в Палате общин обсуждался статус проливов Босфор и Дарданеллы. Министру иностранных дел был задан вопрос, владеет ли он официальной информацией о согласии Временного правительства на интернационализацию проливов. На вопрос отвечал министр блокады Р. Сесил, который заявил, что официального подтверждения по этому вопросу от Временного правительства получено не было⁴.

23 апреля в Парламенте обсуждали телеграмму, полученную от петроградского корреспондента газеты «Таймс» от 11 апреля, в которой говорилось о возможных действиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов против Временного правительства, что может привести к поражению русской армии. Это, в свою очередь, привело бы к заключению постыдного для России и ее союзников мира⁵. Парламентарии интересовались, было ли получено официальное подтверждение телеграммы из Петрограда. С ответом выступал Р. Сесил, заявив, что это сообщение неофициальное, подтверждения информации, представленной корреспондентом газеты, не поступало⁶. Также парламентарии обсуждали манифест Временного правительства о немедленной всеобщей амнистии для всех политических и религиозных преступлений, провозглашавший свободу слова, прессы, трудовых ассоциаций и организаций. Члены Палаты высказались с предложением ввести такие же меры и в Англии. Э. Бонар Лоу, комментируя данное заявление, сказал, что все права и свободы в Англии уже есть⁷. В этот же день обсуждалась возможность приезда делегации от Совета рабочих и солдатских депутатов в Великобританию, что, несомненно, подтвердило бы единство действий двух стран и стало бы своеобразным способом подтвердить симпатии к России и ее политике⁸. Но к концу обсуждения данного вопроса так и не было выработано никакого решения или постановления.

¹ Ibid. Col. 1276 – 1278.

² Ibid. Col. 1278.

³ Ibid. Col. 1280.

⁴ Ibid. April. 19, Col. 1799.

⁵ Ibid. April. 23, Col. 2014.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. Col. 2015.

⁸ Ibid. Col. 2035 – 2036.

24 апреля опять был поднят вопрос об инструкции, которая якобы была дана МИД для прессы о запрете публикации материалов, которые критиковали последнего российского царя. Говорилось также о существовании инструкции английского пресс-бюро, которая якобы получила распространение без официального разрешения со стороны министерства. В ответе представитель МИД заявил о том, что такого рода инструкция не было выработано¹. В этот же день на заседании Палаты общин дебатировался вопрос о действиях Временного правительства по отношению к созданию независимой Польши. На заседании было подчеркнуто, что и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и Временное правительство едины во взглядах по вопросу о возвращении Польши на международную арену, а также и то, что английское правительство полностью поддерживает необходимость решения польского вопроса².

26 апреля на заседании Палаты общин парламентарии стали интересоваться, будет ли английское правительство запрашивать у Временного правительства информацию о будущем месте жительства императора Николая II. Министр блокады, отвечая на данный вопрос, заявил о том, что правительство Англии не взяло на себя инициативу по данному вопросу³.

Следующее обсуждение событий в России относится к 7 июня 1917 г. Парламентарии пытались выяснить позицию Великобритании по отношению к России и едины ли взгляды обоих правительств – английского и российского – по отношению к продолжающейся в Европе войне. В Палате общин дебатировался также вопрос относительно публикации договоров Антанты, так как поступили сведения о том, что Временное правительство намеревалось опубликовать договоры. Р. Сесил уверил присутствующих, что правительство Великобритании не получало запроса от Временного правительства о возможности публикации договоров, касающихся территориальных изменений⁴.

12 июня обсуждался вопрос о публикации декларации Временного правительства России по поводу военной и внешней политики, к которым британское правительство уже опубликовало свои примечания. Р. Сесил подтвердил намерение опубликовать этот документ русского правительства⁵.

На следующий день в Палате общин был поставлен вопрос о цензуре, которой подвергались телеграммы Петроградского телеграфного агентства. Парламентарии пытались выяснить, почему эти телеграммы не публиковались в Англии. В ответе на поступивший вопрос говорилось о том, что телеграммы от этого агентства не поступали в английское пресс-бюро⁶.

18 июня Министерству иностранных дел было предложено подтвердить или опровергнуть наличие цензуры на информацию, поступающую из

¹ Ibid. April. 24, Col. 2224.

² Ibid. Col. 2554 – 2555.

³ Ibid. April. 26, Col. 2566.

⁴ Ibid. Vol. 94. June. 7, Col. 294 – 295.

⁵ Ibid. June. 12, Col. 774.

⁶ Ibid. June. 13, Col. 938.

России. Этот факт – наличие цензуры – был подтвержден одним из представителей МИД¹. Также обсуждался вопрос о характере публикуемых английскими газетами материалов о политике правительства в России, отмечалось, что появляющиеся статьи могут навредить взаимоотношениям союзников. Р. Сесил убедил присутствующих на заседании Палаты общин в том, что причина появления статей, критикующих Россию, полностью определялась политикой редакций самих газет, а не английского правительства².

20 июня на заседании Палаты общин была зачитана телеграмма от М.В. Родзянко, отправленная в Лондон 11 июня. В ней председатель Государственной думы выразил благодарность английским парламентариям за поддержку новой России, которая идет бок о бок со своими союзниками к победе³.

В конце июня в Палате общин вновь обсуждалась проблема поступления информации из России, опять встал вопрос о цензуре, которая она подвергалась. Представитель МИД уверил присутствующих, что сообщения из России подвергались такой же цензуре, как и новости из других стран⁴.

Вопросы, касающиеся России, обсуждались на заседаниях Парламента достаточно часто. Основными проблемами стали получение достоверной информации из России, в том числе парламентарии интересовались цензурными установками МИД по отношению к России. Внутренняя политика Временного правительства стала одной из важнейших проблем в ходе дебатов, проходивших в Палате общин, так как она была напрямую связана с внешней, а точнее, с вопросом о дальнейшем участии России в войне против Центральных держав. Английские министры постоянно подчеркивали наличие взаимопонимания между двумя союзницами и ее правительствами.

Николаев А.Б.

**Советские депутаты перед Временным судом
Петрограда (весна – лето 1917 г.)**

В дни Февральской революции началось формирование новой элиты революционной России. Частью ее стали депутаты советов разных уровней. Наибольшим авторитетом из них, конечно, пользовались члены Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, несколько позднее к ним присоединились члены ВЦИК Советов, заняв первые позиции в этой группе. Второй слой советской элиты составляли члены Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В третью и четвертую группу соответственно входили члены исполкомов и депутаты районных советов Петрогра-

¹ Ibid. June. 18, Col. 1405 – 1406.

² Ibid. Col. 1406 – 1407.

³ Ibid. June. 20, Col. 1799.

⁴ Ibid. Vol. 95. June. 25, Col. 18.

да. Подчеркнем, что депутаты первой и второй группы являлись верхушкой советской элиты, выступающей в таком качестве для той части России, которая связывала будущее страны именно с советами. Депутаты же районного уровня являлись значимой элитной группой только для своего электората. Несомненно, что принадлежность человека к группе, представляющей в советах разного уровня интересы трудящегося населения, накладывала на него определенные обязательства, принуждала быть своего рода идеалом для подражания со стороны избирателей.

В отечественной историографии нет ни одной специальной работы, посвященной выяснению вопросу о том, какие требования выдвигали рабочие и солдаты своим депутатам в 1917 году, насколько те соответствовали им. Заметим, что при формировании советских органов, например, заводские комитеты Петрограда следили за тем, чтобы в их состав не попали лица, осужденные временными судами. В частности, Заводской комитет Трубочного завода в ответ на отношение и список от 31 августа 1917 г. за № 694 обращался в Исполком Василеостровского районного совета рабочих и солдатских депутатов с запросом: «О тов[арище] Павле Андрееве просим дать точную справку[,] был ли он судим Временным судом и приговорен к тюремному заключению на 3 мес[яца]»¹. Видимо, П. Андреев не был осужден Временным судом, т.к. его фамилия есть среди избранных в Василеостровский районный совет рабочих и солдатских депутатов². В связи с этим определенный интерес представляет изучение истории Временного суда Петрограда, перед которым могли оказаться и советские депутаты.

Напомним, что временные суды в Петрограде, которые назывались советскими деятелями «революционными судами»³, были созданы приказом № 2 министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими»⁴. А.Ф. Керенский в приказе поручал мировым судьям «принять участие в образовании временных судов». Он состоял из трех человек – мирового судьи, представителя от армии и представителя от рабочих. Механизм наполнения состава временных судов за счет представителей от армии и рабочих в приказе не раскрывался и вплоть до сегодняшнего дня не изучен. Не касаясь этого вопроса подробно, укажем лишь то, что сначала в его формировании некоторую роль играл Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Как сообщалось 7 марта 1917 г. в «Рабочей газете», при Исполкоме Петроградского Совета «образована комиссия по судебным делам», в задачи которой «входит разработка вопросов, связанных с введением временных судов, созыва мировых судей и предста-

¹ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

² Там же. Л. 39.

³ В частности, они были так охарактеризованы в ходе заседания Исполкома районного совета рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны 3 августа 1917 года (ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 1. Д. 2. Л. 55 об.).

⁴ Об образовании временных судов // СУ. 1917. № 58. 12 марта. Ст. 354.

вителей из рабочих»¹. По мере создания и начала своей деятельности, к формированию временных судов подключились и районные советы Петрограда, которые делегировали в них судей от рабочих² и армии³.

Изучение петроградской периодической печати 1917 года, коллекции поднадзорных дел, хранящихся в РГИА, а также милицейских суточных рапортов, позволяет утверждать, что советские депутаты совершали проступки, по которым могли предстать перед Временным судом. Так, в рапорте комиссара Полюстровского подрайона от 28 апреля сообщалось, что в Комиссариат было подано заявление Александры Московской о нанесении ей и ее дочери побоев Александром и Михаилом Московскими. Братья Московские, оказавшиеся в пьяном виде, были задержаны милицией и отправлены в комендатуру Полюстровского района «для вытрезвления», т.к. отдельной камеры в Комиссариате Полюстровского подрайона для этих целей не было. Как выяснилось, комендант 28 апреля 1917 г. препроводил Михаила Московского в III временный суд, а его брата – Александра, как депутата Совета рабочих и солдатских депутатов, вместо камеры Временного суда он отправил по своему «особому распоряжению» в Совет рабочих и солдатских депутатов»⁴. В прессе сообщалось о том, что милицией III Нарвского подрайона «за пьяное дебоширство» были задержаны Яковлев, Кутейников и Минчикурин, которые оказались депутатами Совета рабочих и солдатских депутатов, избранными в него от фабрики «Треугольник»⁵. «Маленькая газета» уверено заявляла: «Этих “товарищей” <...> потянут в суд»⁶. Так ли это было в действительности? Обратимся в связи с этим к милицейскому рапорту III Нарвского подрайонного комиссариата за 29 мая 1917 г., в котором указано, что у доставленных в Комиссариат в пьяном виде депутатов Совета рабочих и солдатских депутатов Яковлева, Кутейникова и Минчикурина «найдена бутылка с небольшой дозой спирта». И далее записано, что копия протокола за № 744 «направлена в Совет старост завода “Треугольник”»⁷. Т.е. дело во Временный суд препровождено не было! О том, какие решения принял Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет старост фабрики «Треугольник» соответственно по делам Александра Московского, Яковлева, Кутейникова и

¹ Судебная комиссия // Рабочая газета. 1917. 7 марта.

² Районные советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 295; ЦГА СПб. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 12 – 12 об.; Ф. 151. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

³ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 17. Л. 11. Судьи от армии избирались в тех районных советах, где было солдатское представительство. Если же его не было, то и выборы таких судей не проводились. Б.Д. Гальперина пишет, что совсем не было представителей от солдат в Невском, Обуховском, Охтинском и Рождественском районах (*Гальперина Б.Д.* Районные советы Петрограда в 1917 году: Автореф. дис. к. ист. н. Л., 1968. С. 10).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 189. Л. 27; Оп. 4. Д. 30. Л. 79.

⁵ Нетрезвые депутаты С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] / Хроника // Новое время. 1917. 2 июня.

⁶ Пьяные члены Совета рабочих депутатов // Маленькая газета. 1917. 1 июня.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.

Минчикурина, остались ли они депутатами советов¹, оказались ли, в конечном счете, на скамье подсудимых во Временном суде, неизвестно.

В других случаях дела, по которым проходили советские депутаты, они все-таки передавались во временные суды. Так, 27 апреля во II Выборгском подрайонном комиссариате был составлен протокол на троих лиц, один из которых – солдат Запасной роты гвардии Саперного полка Никандр Георгиевич Большаков – оказался членом Исполкома Совета рабочих депутатов². Дело возникло по заявлению Розалии и Павлины Гульбис, проживавших по Нейшлотскому пер., д. 6, кв. 3³. Одна из них, видимо, Розалия Гульбис показала в Комиссариате: «Сегодня было много пришедших к нам в квартиру к жилищкам Наталии Семеновой и Екатерине Федоровой женщин и мужчин[,] среди которых был и солдат, когда они стали петь песни и кричать[,] то я с матерью попросила их удалиться, они меня не слушались и обратилась в милицию». Пока сестры Гульбис, Розалия и Павлина, ходили за милицией, «женщины ушли[,] а остались только мужчины и солдат»⁴. Жиличка Федорова показала при допросе, что «когда я спала[,] то к нам в комнату пришли 3-е[,] двое вольных и солдат <...> спирт был принесен этими 3 лицами, а который из них[,] не знаем»⁵. Семенова, давая показания, сообщила: «Эти трое [–] сродственники наши и пришли к нам в гости[,] Я сидела на табуретке около стола[,] они пришли[,] сели и стали выпивать денатурированный спирт, но кто из них принес [спирт,] не знаю»⁶. Показания дал и милиционер Воробьев (№34 781), один из милиционеров, принимавших участие в доставке задержанных в Комиссариат: «Мы стояли на посту угол Нейшлотского и Самп[сониевского], когда к нам подошли означенные Гульбис и стали говорить[,] что у них на квартире пришедши 3-е неизвестных и производят попойку и поют песни», не давая никому спокойствия. Воробьев подчеркнул, что момент обращения к милиционерам было 23 ч. 30 мин. Явившись на квартиру милиционеры «застали означенных лиц[,] которые сидели за столом и бутылка с денатурированным спиртом стояла на столе». В ответ на приглашение милиционеров проследовать в Комиссариат, солдат, т.е. член Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Большаков, «не хотел идти»⁷. Большаков в своих показаниях признался, что распивал спирт «в кв. 6 дома 3 по Нейшлотскому пер.». При попытках узнать у него о происхождении бутылки со спиртом, он ответил: «<...> я не подлец[,] чтобы выдать от-

¹ Рассуждая о судьбе задержанных милицией пьяных депутатов Советов рабочих и солдатских депутатов, «Маленькая газета» писала: «Как отнесется к этим “членам” Совет рабочих и солдатских депутатов? Наверное, покажет на дверь и скажет – “адью с кисточкой”» (Пьяные члены Совета рабочих депутатов // Маленькая газета. 1917. 1 июня).

² Вместе с Н.Г. Большаковым в Комиссариат были доставлены Исаак Виноградов, проживавший на ул. Выборгская, д. 25-1, кв. 3 и Петр Медведев, живший у отца – сторожа Клиники Военно-медицинской академии (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 57. Л. 54).

³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 57. Л. 54.

⁴ Там же. ЛЛ. 54 – 54 об.

⁵ Там же. Л. 54 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 54.

куда [спирт]»¹. Заметим и то, что Большаков отказался подписать свои показания. 28 апреля Комиссариат препроводил протокол в VI временный суд². В прессе также сообщалось о члене Совета рабочих и солдатских депутатов Белоусове, который был задержан милицией I Василеостровского подрайона «за появление на улице в нетрезвом виде и за требование у прохожих денег»³. В милицейском рапорте за 30 мая содержится уточнение – «за вымогательство [денег] у публики <...> в сильно нетрезвом состоянии». В Комиссариате на Белоусова был составлен протокол за № 1558, препровожденный во Временный суд⁴.

Советские депутаты оказывались перед временными судами и по политическим делам. Так, во II Александро-Невском подрайонном комиссариате 22 июня 1917 г. был составлен протокол на солдата 6-го запасного саперного батальона, депутата Совета рабочих и солдатских депутатов Людвиг Герша, проживавшего по Обводному кан., д. 39, кв. 26. Герш, как указывалось в рапорте, говорил «толпе против Керенского», чем и возбудил ее против себя. Депутата Герша доставили в Комиссариат, где на него был составлен протокол, препровожденный в VI временный суд⁵.

Какие приговоры вынесли Большакову, Белоусову и Гершу временные суды, не установлено. Выявлено только два дела, по которым известны решение и приговор Временного суда. Обстоятельства возникновения первого из дел сообщил «Петроградский листок». 15 апреля старший дворник дома № 20 по Надеждинской ул., «осматривая лестницу дома, заметил, что дверь одной из квартир открыта». Когда же он зашел в квартиру, то увидел в ней двух «громил», которые забирали вещи. При появлении дворника воры тут же бросились бежать. Один из них, «с частью вещей скрылся», а второй был задержан и препровожден в местный Комиссариат милиции. При составлении протокола задержанный отказался назвать себя и имя своего подельника. При обыске у него, кроме украденных драгоценностей, нашли «записку с фамилией Соловьева и с адресом: Лиговская ул., д. 92 – 48». По этому адресу были отправлены милиционеры, которые установили, что по нему действительно живет Соловьев. Милиционеры пригласили его в Комиссариат и «предъявили для опознания очевидцам побега громилы». Свидетели опознали его. После этого милиционеры задержали Соловьева. По словам «Петроградского листка», «Соловьев резко протестовал, заявляя, что он является членом Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и, как таковой, аресту не подлежит». В тот же день Соловьев вместе с протоколом был доставлен во Временный суд, который отказался рассматривать дело, а передал его на усмотрение су-

¹ Там же.

² Там же. Л. 54 об.

³ Нетрезвые депутаты С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] / Хроника // Новое время. 1917. 2 июня.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 43. Л. 63.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 10.

дебного следователя. Соловьев остался под стражей¹. Решение Временного суда можно объяснить, видимо, тем, что тяжесть преступления и размер наказания, соответствующий этому преступлению, выходили за рамки его юрисдикции.

Во втором случае речь идет о деле Алексея Михайловича Стельмакова, которое, кстати, получило широкий общественный резонанс. «Новое время», сообщая подробности о задержании 26 апреля «в ресторане “Ростов-на-Дону”, на углу Гороховой и Садовой ул., за буйство в нетрезвом виде» члена Совета рабочих и солдатских депутатов А.М. Стельмакова, писало: «Находясь в общем зале ресторана в компании нескольких своих знакомых, С[тельмаков], в возбужденном состоянии, имевшимся при нем револьвером грозил одному из посетителей, сидевшему за соседним столиком»². «Российская республика» уточнила, что компания мужчин, среди которых был Стельмаков, придя в ресторан, заняла столик и «стала пить принесенное с собой вино». Один из компании, оказавшийся членом Совета рабочих и солдатских депутатов Стельмаковым, «будучи уже в нетрезвом виде, начал спорить с соседями, а затем стал угрожать окружающим, что он их застрелит». Та же газета писала, что «приглашенные чины милиции не могли успокоить посетителей, а потому вся компания была препровождена в 3-й Спасский подрайон»³. «Новое время» утверждало, что и в Комиссариате Стельмаков «продолжал буйствовать»⁴. В прессе также сообщалось, что Стельмаков в этот же день, т.е. 26 апреля, был доставлен в XX временный суд, который присудил его к трем месяцам тюремного заключения. Приговор был немедленно приведен в исполнение, т.е. Стельмаков сразу же после вынесения приговора был заключен в тюрьму⁵. Обстоятельства возникновения дела изложены в милицейском протоколе за № 378 от 26 апреля 1917 г. В нем указано, что задержанный Алексей Михайлович Стельмаков был доставлен в III Спасский подрайонный комиссариат «за беспорядок, пьянство и угрозы револьвером в чайной “Ростов-на-Дону” на Сенной [, д.] № 13»⁶. В действительности, как выяснилось из жалоб, поданных на имя министра юстиции А.Ф. Керенского, скандал произошел в ресторане «Ростов-Ярославский», находившегося по тому же адресу⁷. Следуя милицейскому протоколу, А.М. Стельмаков давать показания в Комиссариате отказался и «при составлении протокола <...> ру-

¹ Поимка опасного грабителя / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 16 апреля.

² Арест члена Совета рабочих и солдатских депутатов / Происшествия / Хроника // Новое время. 1917. 28 апреля.

³ Заключение в тюрьму члена Совета раб[очих] депутатов / Происшествия // Российская республика. 1917. 28 апреля.

⁴ Арест члена Совета рабочих и солдатских депутатов / Происшествия / Хроника // Новое время. 1917. 28 апреля.

⁵ Там же; Заключение в тюрьму члена Совета раб[очих] депутатов / Происшествия // Российская республика. 1917. 28 апреля.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 21.

⁷ Там же. ЛЛ. 1, 15.

гался матерными словами»¹. Задержанный вместе с А.М. Стельмаковым Василий Михайлович Стельмаков показал, что 26 апреля он встретился с родным братом, который пригласил его на Сенную площадь в ресторан выпить спирта, т.к. давно «не виделись». В ресторане, по его словам, А.М. Стельмаков потребовал от какой-то официантки спирта. В распитии спирта принимал участие и бывший с ними С.Н. Вылежанин. В.М. Стельмаков, прихватив с собой недопитую бутылку со спиртом, отлучился по естественной надобности. Когда он вернулся, то конфликт был уже прекращен милицией, а сам он был задержан². Свидетель Александр Николаевич Успенский (ул. Воздухоплавательная, д. 11/2, кв. 1) показал, что А.М. Стельмаков, «угрожал револьвером, ругает какого-то господина и начал показывать свидетельство на то[,] что он состоит в Совете рабочих депутатов»³. Другой свидетель, Иван Павлович Глатцын (ул. Лихтенбергская, д. 13, кв. 29), подтверждая показания Успенского, добавил, что А.М. Стельмаков угрожал всем арестом, «утверждая, что он как депутат Совета рабочих имеет право все делать[,] что ему угодно и позвал сам милицию»⁴. Т.е. В. Стельмаков, Успенский и Глатцын не смогли показать в связи с чем возник конфликт. Как выяснилось, он произошел в результате разговора о женщинах, который вел с кем-то Иван Тимофеевич Говорков (Демидов пер., д. 9, кв. 36). Давая показания в Комиссариате, Говорков так передал свои слова, сказанные в ресторане: «<...> женщины в Петрограде могут заработать [больше,] чем в провинции заработает моя жена». В ответ на это, А.М. Стельмаков «вскочил[,] начал на Говоркова грубить, угрожать револьвером, заявил, что он депутат Совета рабочих»⁵. Несколько проясняют ситуацию показания Сергея Николаевича Вылежанина (Сенная пл., д. 13, кв. 101). По его словам, Говорков заявил, что женщинам не надо повышать заработную плату. Из протокола, который местами составлен неразборчивым почерком, позицию Говоркова точно определить по этому вопросу трудно. Судя по всему, он заявил, что женщины могут иметь дополнительный заработок, занимаясь продажей своего тела. По словам Вылежанина, Говорков «сказал, что он лично <...> может за деньги иметь любую женщину». А.М. Стельмаков «этим словам возмутился и позвал милицию»⁶. О «ссоре на счет женщин» упоминала 27 апреля при обжаловании приговора своему мужу В.М. Стельмакову Анна Дмитриевна Стельмакова⁷. В поднадзорной жалобе на имя министра юстиции В.М. Стельмаков и С.Н. Вылежанин более подробно изложили обстоятельства разговора, после распития полбутылки спирта, в результате которого возник конфликт: «Алексей Стельмаков с какими-то мужчинами завел спор относительно прав женщин, то есть[,] какая женщина дороже [–] деревенская или городская, на что спо-

¹ Там же. Л. 22 об.

² Там же. Л. 21 об.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 21 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 1.

рящий мужчина (И.Т. Говорков – А.Н.) сказал: деревенскую женщину нельзя ни за что купить, а городскую можно завести в любой номер за полтинник, на что Алексей Стельмаков начал возражать<...>, как вы так смеете оскорблять женский персонал»¹. В поднадзорном деле имеется также изложение показаний официантки ресторана (трактира) Ростов-Ярославский Агапии, обслуживавшей стол, за которым сидел А.М. Стельмаков. Она говорила, что «выступление Алексея Стельмакова было построено исключительно на почве защиты женщин». По словам официантки, «сидевший за соседним столом <...> Говорков поносил честь женщин[,] работающих на фабриках и заводах». Он заявлял, что такую женщину «можно купить во всякое время, лишь бы были деньги». Именно «на этой почве», по мнению официантки, «и возникла ссора»².

А.М. Стельмаков держался других версий событий, которые он изложил в прошении (поднадзорной жалобе), заявлении и статьях, опубликованных в «Правде». Первая версия была сформулирована им в прошении от 28 апреля 1917 г., отправленном из Одиной тюрьмы («Кресты») на имя министра юстиции А.Ф. Керенского. В нем он писал, что в ресторане «наткнулся на шайку каких-то темных личностей, которые вели пропаганду против Временного правительства и призывали к погрому. Я как член Сов[ета] р[абочих] и с[олдатских] депутатов решительным образом протестовал против пропаганды[,] влекущей страну к анархии, и как социал-демократ я призывал их к спокойствию, но они не обращая внимание на мои призывы держали себя некорректно по отношению к Вр[еменному] правительству и членам Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов[,] называя их хулиганами»³. Вторая версия изложена в его статье, опубликованной 3 мая в «Правде». В ней Стельмаков писал: «<...>я наткнулся (в ресторане на Сенной пл. – А.Н.) на шайку сторонников старого режима, которые сидя за чаепитием[,] усердно обвиняли товарища Ленина и Р.С.Д.Р.П. большевиков, говоря: “ленинцы все громилы, разбойники, провокаторы”. Я, как с[оциал]-д[емократ] и член Совета раб[очих] и сол[датских] деп[утатов], услышав их несправедливость по отношению к партии с[оциал]-д[емократов], решительным образом протестовал, стараясь объяснить значение партии, уверяя в несправедливости черносотенной пропаганды. Энергичные шакалы, заметив мою непоколебимую стойкость за партию с[оциал]-д[емократов] большевиков, приняли вызывающий характер по отношению ко мне, даже угрозы: “убить надо ленинца”»⁴. Эта же версия практически дословно повторена Стельмаковым в заявлении от 10 мая 1917 г. из Петроградской пересыльной тюрьмы⁵. Т.е. на страницах большевистской газеты пьяный разговор двух мужчин о женщинах, вылившийся в ссору, сопровождавшийся задержанием милицией и окончившийся

¹ Там же. ЛЛ. 15 об. – 16.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. ЛЛ. 7 – 7 об.

⁴ Стельмаков А. Суд справедливости в свободной России // Правда. 1917. 3 мая.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 10.

приговором Временного суда, приобрел политическую окраску, стал делом о травле большевиков милицией и Временным судом.

Укажем, что в прошении и заявлении содержатся сведения о том, что происходило в Комиссариате, Временном суде и во время конвоирования Стельмакова в тюрьму. Так, в прошении от 28 апреля Стельмаков писал о том, что сам вызвал милиционера и доставил вместе с ним задержанных в Комиссариат, где произошло, по его словам, следующее: «они дружно как один вместе с милиционерами обвинили меня в пьянстве[,] называя меня погромщиком ленинцем[,] обезоружили[,] не смотря на мое удостоверение на право ношения огнестрельного оружия и не принимая никаких объяснений со стороны моей составили протокол и препроводили меня с братом во Временный суд»¹. В статье от 3 мая и заявлении от 10 мая Стельмаков назвал своих ресторанных обидчиков «ярыми патриотами» и «шакалами». Сообщая о позиции милиционеров, которые составили протокол не на «шакалов», а на него, он предположил, что эти милиционеры были из обывательских комитетов², т.е. принадлежали к буржуазным слоям города. Говоря о вынесении приговора, он писал в прошении от 28 апреля: «Временный суд[,] не принимая моих объяснений, а пользуясь односторонним показанием вынес решение заключить меня на 3 месяца в Одиночную тюрьму [“]Кресты[”]»³. В статье от 3 мая и заявлении от 10 мая он писал, что Суд опирался при вынесении приговора «на односторонние показания кровожадных шакалов»⁴. Стельмаков в прошении от 28 апреля и заявлении от 10 мая сообщил о том, что при доставке его в тюрьму милиционер, входивший в состав конвоя, вымогал у него взятку в обмен на свободу⁵.

Оказавшись в «Крестах», Стельмаков не растерялся, т.к. уже имел опыт тюремного заключения в дореволюционное время⁶, и предпринял ряд шагов к своему освобождению. Как уже указывалось выше, 28 апреля он подал поднадзорную жалобу на имя министра юстиции, в которой просил «назначить расследование и отменить неправильное решение Вр[еменного] суда». Прошение поступило прокурору Петроградского окружного суда, где было зарегистрировано 4 мая 1917 г. за входящим № 532. На прошение стоит пометка от руки: «Затреб[овать] дело 13 / V»⁷. 2 мая 1917 г. он подал еще одну

¹ Там же. Л. 7 об.

² Стельмаков А. Суд справедливости в свободной России // Правда. 1917. 3 мая; РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 10.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 7 об.

⁴ Стельмаков А. Суд справедливости в свободной России // Правда. 1917. 3 мая; РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 10.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. ЛЛ. 7 об., 10.

⁶ А.М. Стельмаков утверждал, что с 1905 года отбывал наказание в Двинской крепости по 102 ст. Уголовного уложения (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 10). Ст. 102 УУ гласит: «Виновные в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного, наказываются: каторгою на срок не свыше восьми лет» (Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 22).

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. ЛЛ. 7 – 7 об. А.М. Стельмаков приложил к прошению билет члена Совета рабочих и солдатских депутатов за № 307, членский билет РСДРП за

жалобу, но уже на имя прокурора Петроградского окружного суда¹, которая, видимо, была перенаправлена прокурору Петроградской судебной палаты. В свою очередь прокурор Петроградской судебной палаты 6 мая направил жалобу Стельмакова министру юстиции. Судя по штампу в левом верхнем углу, прошение Стельмакова было зарегистрировано в Министерстве юстиции 13 мая 1917 г.² В день задержания он, находясь уже в тюрьме «Кресты», за 1 рубль через солдата-конвоира передал письмо жене³, которая, видимо, проинформировала его товарищей. Укажем, что Стельмаков был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов от Объединенного коллектива заводов и мастерских при Училище судовых механиков Дальнего плавания, т.е. он представлял в Совете 12 заводов и мастерских в количестве 1610 человек⁴. Общее собрание Объединенного коллектива уже в конце апреля выбрало 6 человек для расследования обстоятельств этого дела⁵. 29 апреля 1917 г. один из выборных – Л. Соколов – обратился во Временный суд с просьбой, выдать копию протокола дела по обвинению Стельмакова⁶. В этот же день «пакет, запечатанный мировым судьей и выписки из книги приговоров 20-го временного суда» были приняты М. Зейдлером, расписавшимся «за секретаря Исп[олнительного] ком[итета] С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]»⁷. 1 мая выборные составили обращение в Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором изложили результаты собственного расследования. В частности, в нем указывалось, что вокруг Стельмакова «образовалась толпа постоянных посетителей трактира состоящих исключительно из

№ 1114, удостоверение на право ношения оружия за № 471; регистрационную карточку рабочей части членов Совета рабочих и солдатских депутатов за № 23, мандат Исполнительной комиссии Объединенного коллектива заводов и мастерских при Училище судовых механиков Дальнего плавания. Все документы, приложенные к прошению, были получены Стельмаковым обратно, о чем свидетельствует его собственноручная запись от 13 мая 1917 г. (Там же. ЛЛ. 7 об. – 8).

¹ Подчеркнем, что этой жалобы в поднадзорном деле нет. О ней известно со слов самого А.М. Стельмакова. К жалобе, получившей входящий № 851, по его словам, были приложены «5 членских документов[,] удостоверяющих мою личность и звание» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 10 об.). Видимо, указанные документы, приложенные Стельмаковым ранее к прошению на имя министра юстиции, были ему сразу же возвращены и он их использовал снова, но уже в качестве приложения к жалобе на имя прокурора Петроградского окружного суда.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 6.

³ По словам Стельмакова, 1 рубль он дал солдату «на трамвай». Любопытно, что свои услуги по доставке письма предлагал ему уже в тюрьме и «в присутствии дежурного» милиционер-конвоир. Но получил отказ, т.к., по словам Стельмакова, милиционер просил «взятку» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 7). Можно предположить, что милиционер и Стельмаков не сошлись в цене.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 7.

⁵ Среди них: председатель Совета старост мастерских при Училище судовых механиков Дальнего плавания Л. Соколов, секретарь этого же Совета старост А. Медведев, а также Н. Андронов, А. Борисов, П. Кубиков и М. Лазарев (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. ЛЛ. 2, 4).

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 24.

торговцев и подрядчиков, явно принявших сторону Говоркова, которая и велела арестовать самого Стельмакова им приведенному милиционеру». Выборные, сняв показания с официантки Агапии и буфетчика, утверждали, что «никаких угроз своим оружием он в трактире не делал». Кроме этого, они же – официантка и буфетчик – показали, что «бутылка из под спирта была взята не у Алексея Стельмакова, а у его брата». В обращении подчеркивалось, что «Стельмаков попал в среду явно враждебную рабочему классу от чего и показания были явно пристрастными вместе с милиционером [,] настоявшие на обвинении Стельмакова». Принимая все это во внимание, выборные просили Совет рабочих и солдатских депутатов «освободить нашего представ[ителя] Алексея Стельмакова в виду приподнятого настроения рабочей массы и могущих быть демонстраций»¹. 2 мая Объединенный коллектив уполномочил Ф.Н. Титова и В. Толстякова передать дело А.М. Стельмакова в Совет рабочих и солдатских депутатов и министру юстиции². 3 мая Стельмаков призывал со страниц «Правды»: «Товарищи по фракции, члены С.Р. и С.Д. прошу расследовать этот серьезный случай и немедленно потребовать отмены решения беспристрастного суда»³. 10 мая «Правда» опубликовала еще одну его статью, в которой он писал: «Товарищи! Кажется, вы знаете меня как члена фракции с[оциал]-д[емократов] большевиков в Совете; но почему-то вы не потребовали у министра юстиции Переверзева немедленного расследования моего ареста и отмены незаслуженного наказания. Я еще раз обращаюсь ко всему Совету р[абочих] и с[олдатских] деп[утатов] и фракции большевиков немедленно потребовать у Исполнит[ельного] к[омитета] С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] расследовать насилие, совершенное надо мной 20 врем[енным] судом 3 Спасского подрайона и привлечь к ответственности Врем[енный] суд, если я прав»⁴. Сведений о рассмотрении дела Стельмакова в Исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов в поднадзорном дела нет.

Вместе с тем в защиту Стельмакова выступили представители рабочих во Временном суде. 5 мая судьи от рабочих К. Блохин⁵, Лемешев, П. Суворов⁶, А. Слабишинский, В. Храмов⁷, Д. Никитин⁸ и Степанов⁹ обратились к председателю съезда мировых судей В.В. Меншуткину с просьбой созвать

¹ Там же. ЛЛ. 2, 2 об., 4.

² Там же. Л. 3.

³ Стельмаков А. Суд справедливости в свободной России // Правда. 1917. 3 мая.

⁴ Стельмаков А. Глас вопиющего в пустыне / Хроника // Правда. 1917. 10 мая.

⁵ Блохин К. – член XVII временного суда Петроградского района (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1106. Л. 2).

⁶ Суворов П. – член XIV временного суда Нарвского района (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 781. Л. 1 об.; Д. 783. ЛЛ. 9, 16).

⁷ Храмов В. – член XVII временного суда Петроградского района (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1106. Л. 2).

⁸ Никитин Д. – член II временный суд Адмиралтейского района (РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 9 об.)

⁹ Скорее всего, Степанов Е. – член IV временного суда Василеостровского района (ЦГА СПб. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 12. Л. 29).

экстренное собрание членов временных судов по делу члена Совета рабочих и солдатских депутатов А.М. Стельмакова, осужденного Временным судом на три месяца тюремного заключения¹. 10 мая общее собрание членов временных судов состоялось. Его участники заслушали доклад председателя съезда мировых судей по делу Стельмакова. Кроме этого, на собрании было оглашено письмо Стельмакова², в котором он излагал свою версию событий, в результате которых и оказался в тюрьме. В ходе общего собрания судьи от рабочих предложили принять постановление об освобождении Стельмакова³. Но их предложение не прошло. Общее собрание судей временных судов по его делу постановило: «принимая во внимание самостоятельность отдельных временных судов и безапелляционность их приговоров, с одной стороны, а с другой стороны – возможность отмены их лишь по требованию министра юстиции в порядке надзора, препроводить поступившее заявление Стельмакова на распоряжение министра юстиции». Общее собрание также «признало необходимым возбудить вопрос о порядке ответственности членов временных судов за преступные деяния, совершенные ими в связи с исполнением обязанностей судей»⁴. Меншуткин, опираясь на это постановление, 10 мая 1917 г. отправил на имя министра заявление Стельмакова, которое приобрело характер поднадзорной жалобы, правда, в результативной его части не содержалось просьбы об отмене приговора⁵. Из сопроводительной записки за подписью Меншуткина к этому заявлению стало понятно, почему судьи-рабочие проявили бурную активность по делу Стельмакова. Оказалось, что Стельмаков был не только членом Совета рабочих и солдатских депутатов, но и входил в качестве представителя от рабочих в состав Временного суда⁶.

Этим же днем, т.е. 10 мая, датировано предложение министра юстиции за № 3351 об освобождении Стельмакова из тюрьмы, адресованное XX временному суду. 12 мая он, рассмотрев это предложение и обсудив пожелание судей-рабочих, нашел, «1) что суд в обновленной России должен быть свободным, независимым и нелицеприятным, почему предложение министра юстиции об освобождении Стельмакова является актом, нарушающим свободу слова в своих определениях, и 2) что пожелание рабочих судей временных судов об освобождении Стельмакова <...> вполне обоснованно и для суда приемлемо». Исходя из этого, XX временный суд принял следующее определение: «1) Предложение министра юстиции оставить без последствий; 2) Принять пожелание рабочих-судей временных судов и освободить Алексея Стельмакова из мест заключения до разрешения его жалобы министром юстиции»⁷. Когда точно Стельмаков вышел на свободу, неизвестно. Но переписка по его делу велась Министерством юстиции до осени 1917 года – по-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. Л. 12.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. ЛЛ. 9 – 10 об.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же. ЛЛ. 28 – 28об.

следнее письмо было отправлено из Петроградского столичного съезда мировых судей 20 октября, а зарегистрировано I департаментом Министерства юстиции 25 октября 1917 года¹. Добавим, что, выйдя на свободу, Стельмаков не изменил себе. 9 августа «Новое время» писало: «Вчера на 10 линии Вас[ильевского] остр[ова] милицией был задержан проходивший по улице в нетрезвом виде и безобразивший член Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] Стельмаков». Скорее всего, и в этот раз он был отправлен в суд, но уже в мировой.

Таким образом, можно утверждать, что, во-первых, советские депутаты крайне редко оказывались в качестве подсудимых во временных судах ввиду того, что большинство из них не совершало проступков и преступлений, за которыми следовали бы наказания; во-вторых, от судебного преследования их защищал неписанный высокий статус представителя рабочих и солдат, а практические шаги по обеспечению этой защиты осуществляли различные институты революционного Петрограда, среди которых могли быть районные коменданты, подрайонные комиссариаты, коллективы избирателей, которых представляли в советах те или иные депутаты и даже группы временных судей из числа выборных от рабочих. Вместе с тем можно предположить, что коллективы избирателей выступали и в качестве институтов общественного, а точнее даже сказать, классового контроля за поведением рабочих, и в случае осуждения временными судами могли не допускать их избрания в советы разного уровня.

Надсадный Д.В. **Городская исполнительная комиссия по** **благотворительности (Петроград, 1917 г.)**

Деятельность социальных и благотворительных учреждений, а также их трансформация в послефевральский период представляется пока недостаточно изученной, хотя в последние десятилетия некоторые исследователи начинают обращаться к данной теме². Данная статья в основном опирается на ранее неиспользованные документы Городской исполнительной комиссии по благотворительности, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб), а также на опубликованные источники. Хронологические рамки – с февраля до начала нояб-

¹ Там же. Л. 38.

² См., напр.: *Булгакова Л.А.* 1) Положение солдатских семей в 1917 г. (по материалам правительственной корреспонденции) // *Новейшая история Отечества XX – XXI вв.: Сб. науч. тр.* Саратов, 2007. Вып. 2. С. 68 – 84; 2) *Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны* // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники* / Сост. А.Н. Цамутали. СПб., 2009. С. 183 – 214.

ря 1917 г., т.е. до перехода власти в руки большевиков и начала советизации муниципальных учреждений Петрограда.

К началу 1917 года единой структуры, управляющей городской благотворительностью не существовало, но большинство благотворительных заведений (детские и ночлежные дома, столовые, учреждения трудовой помощи и др.) находилось в ведении городской исполнительной комиссии по благотворительности и городских попечительств о бедных. Попечительства (всего их было 20 в разных частях города и одно Охтинское) являлись территориальными благотворительными организациями, членство в которых было добровольным, а труд членов попечительств – безвозмездным. В годы Первой мировой войны основная часть сил попечительств была сосредоточена на помощи солдатским семьям и беженцам¹. Комиссия должна была координировать деятельность учреждений на общегородском уровне. Председатели всех попечительств (избираемые общим собранием членов и утверждаемые думой) являлись членами комиссии по благотворительности, равно как и попечители детских домов и др. заведений. Председателем комиссии с октября 1914 г. и практически вплоть до ее ликвидации – оставался граф Николай Иванович Татищев.

Из городских благотворительных учреждений в дни революции и сразу после нее, пожалуй, наиболее активно действовали общественные столовые городских попечительств о бедных. Так общественная столовая 7-го городского попечительства (Тарасов пер., д. 7) только с 1 по 9 марта 1917 г. «обслужила» 13 941 солдат. Солдаты и офицеры указаны среди постоянных посетителей столовой 3-го городского попечительства по Гороховой ул., д. 36. Активно в первый революционный месяц действовали и другие столовые. Наибольшее число посетителей прошло через столовую 11-го городского попечительства по Мытнинской ул., д. 5 – 23 000 человек. Четыре столовые 15-го, 16-го и 17-го попечительств на Васильевском о-ве в общей сложности накормили около 48 тыс. чел. Всего, за март месяц через 14 общественных столовых двенадцати городских попечительств прошло 151 236 человек и еще 7750 обедов было отпущено на дом. В основном посетителями столовых были рабочие, учащиеся, студенты, мелкие служащие, «барышни» (8-е попечительство)².

В середине марта 1917 г. в Городскую думу обратился Временный комитет Государственной думы с предложением о передаче в ее распоряжение пожертвования на организацию питательных пунктов в г. Петрограде для населения и войск в размере 500 240 рублей³. 20 марта Дума решила предоставить их в распоряжение комиссии по благотворительности, которой поручалось распределить эту сумму между городскими попечительствами о бед-

¹ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914 – 1915 гг. Пг., 1915.

² ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 86. ЛЛ. 11 об. – 12, сведения о деятельности общественных столовых городских попечительств о бедных.

³ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. Спб., 2005. С. 414.

ных и санитарными попечительствами по соглашению с советом по призрению семей запасных¹. 3 апреля ВКГД подтвердил готовность передать деньги городу². 11 апреля 1917 г. комиссия по благотворительности постановила: употребить пожертвованную сумму только на выдачу обедов, а не на устройство новых или расширение существующих столовых. Вся сумма должна была быть поделена поровну между попечительствами о бедных и санитарными попечительствами, которые должны были объединиться «в целях поднятия питания населения»³. Основная проблема деятельности общественных столовых виделась не в нехватке средств, «а в том, чтобы иметь возможности своевременно обменять эти денежные знаки на ПРОДУКТЫ (выделено в тексте – Д.Н.)»⁴.

Однако, в конечном итоге, деньги ВКГД в руки городских попечительств не попали: 19 апреля 1917 г. на основании доклада гласного Е.Г. Левдикова Городская дума постановила передать пожертвование местным районным думам или соответственным районным организациям (сам Левдиков, кстати, был членом исполнительной комиссии Василеостровского районного комитета)⁵. Обосновано это было тем, что санитарные попечительства частью уже были объединены с местными районными думами, а попечительства о бедных, «бывшие наиболее демократичным из городских учреждений до революции (...), в настоящее время в значительной степени утратили свой облик, потому что живые общественные силы, работавшие в них до революции, нашли себе теперь более широкий простор для проявления своей деятельности в других общественных организациях», в том числе в тех же районных думах и продовольственных комитетах⁶.

С середины марта 1917 г. происходят организационные изменения в комиссии по благотворительности. На заседании 16 марта комиссия рассматривала вопросы, «связанные с переживаемыми событиями». Было решено «пригласить для участия в заседаниях комиссии по одному представителю от общественных районных комитетов с правом решающего голоса». Также было признано желательным «участие представителя воспитательного персонала <...> при обсуждении вопросов, касающихся детских домов с правом решающего голоса»⁷. В начале апреля, представитель комиссии по благотвори-

¹ Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917. С. 188.

² ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 86. Л. 1, отношение ВКГД к Петроградскому городскому голове 3 апреля 1917 г.

³ Там же. Д. 96. Л. 64, журнал заседания комиссии по благотворительности 11 апреля 1917 г.

⁴ Там же. Д. 86. Л. 11.

⁵ Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 марта 1917.

⁶ Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917. С. 317 – 318.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 96. Л. 48, журнал заседания комиссии по благотворительности 16 марта 1917 г.

тельности был включен в состав общего присутствия городской управы¹. Это должно было символизировать повышенное внимание новой «демократической» власти к социальным вопросам.

В марте – апреле 1917 года произошли изменения и в личном составе городских попечительств о бедных. С должности ушел целый ряд председателей попечительств, их заместителей. Часть из них ушла, указывая в качестве причин состояние здоровья или загруженность делами (3-е попечительство – И.Н. Павлов, 16-е – А.В. Алексеев, 18-е – С.П. Жданов)². Недавно назначенный председатель 17-го попечительства С.А. Советов добровольно сложил полномочия, так как выборы были произведены «до того Великого дня, когда вся Россия <...> вступила в новое русло», предлагая произвести перебаллотировку «на новых началах, которыми должна руководиться Дума после Великого переворота и перемены режима». Соответственно были переизбраны и советы попечительств³.

Но не всегда было так идиллически. Показательны в этом отношении попечительства Нарвской части (5-е и 6-е попечительства). Председателем 5-го городского попечительства (2-й и 3-й полицейские уч. Нарвской части) с момента его образования являлся протоиерей Ф.Н. Орнатский, настоятель Казанского собора. На очередное заседание попечительства 19 марта явилось полтора десятка рабочих, которыми «было заявлено о незаконности собрания, так как оно устроено тайно, без согласия и разрешения Совета рабочих депутатов, что председателем собрания является священник, а священники не должны вмешиваться в политику, они стреляли с колоколен из пулеметов и проч.» Один из присутствовавших даже угрожал священнику арестом. Попытка Орнатского объясниться с пришедшими ни к чему не привела, собрание было сорвано. На следующий день Орнатский сложил с себя председательство, за ним ушло еще несколько членов попечительства⁴.

В 6-м попечительстве (1-й и 4-й полицейские уч. Нарвской ч.) сложилась похожая ситуация, но там имелся еще и внутренний конфликт среди членов попечительства, начавшийся еще до революции. После общего собрания 21 апреля с участием жен запасных и всех желающих подал в отставку и.о. председателя Н.М. Серпухов. Сам он винил во всем неких евреев, которые якобы вели против него агитацию⁵. Был избран временный совет попечительства, причем в выборах участвовали и солдатские жены. Председате-

¹ Там же. Д. 96. Л. 53, журнал заседания комиссии по благотворительности 6 апреля 1917 г.

² Там же. ЛЛ. 82 об., 100 об., 129 об., журналы заседаний комиссии 4 мая, 1 июня и 20 июля 1917 г.

³ Там же. Д. 95. Л. 140, письмо С.А. Советова председателю комиссии по благотворительности гр. Н.И. Татищеву от 6 апреля 1917 г.

⁴ Там же. ЛЛ. 32 – 34, заявление Ф.Н. Орнатского в комиссию по благотворительности 7 апреля 1917 г.

⁵ Там же. Л. 65, заявление Н.М. Серпухова в комиссию по благотворительности 29 апреля 1917 г.

лем попечительства стал представитель от Совета рабочих и солдатских депутатов В.Н. Никифоров¹.

Активное участие в деятельности попечительств таких его «клиентов», как солдатские жены, стало еще одной тенденцией «демократизации» благотворительных учреждений. С середины марта в попечительствах проходили бурные собрания солдаток, в резолюциях которых содержались требования включить своих делегатов в состав членов попечительства. Типичной стала резолюция «товарищей-солдаток» 19-го городского попечительства (2-й и 4-й полицейские уч. Петроградской ч.), выработанная на многолюдном собрании (около 600 человек) 16 марта 1917 г. Постановлено: приветствовать Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство; увеличить паек до 20 руб. вне зависимости от возраста детей, отменив квартирные и все не денежные виды помощи (бесплатные обеды, молоко и хлеб для детей и т.д.); двойной паек к Пасхе; уравнивать в праве на паек гражданских жен с законными, родителей, братьев и сестер призванных, а также семьи солдат действительной службы с семьями запасных². 18 марта к данной резолюции присоединились солдатки 11-го городского попечительства (3-й уч. Рождественской ч.)³, а 19 марта – 18-го попечительства (1-й и 3-й уч. Петроградской ч.), добавив пункт о передаче в их ведение попечительских магазинов⁴. Похожие постановления вырабатывались и на собраниях в других попечительствах. Одновременно происходили выборы делегатов от солдаток в советы попечительств.

9 апреля состоялось многотысячное шествие солдаток к Таврическому дворцу для передачи своих требований в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. «Более ста тысяч женщин, темных, неграмотных, продефилировали перед удивленными петроградцами в стройном порядке (...) Подойдя к Таврическому дворцу делегатки всех попечительств были встречены двумя представителями Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Шапиро и Крамковым, которые их пригласили в зал заседаний, где делегатки по очереди прочитали протоколы своих требований, сходные в главных своих пунктах»⁵.

Требования солдаток нашли поддержку Петроградского Совета. 17 апреля при Исполкоме Петросовета начала работу специальная комиссия по делам о выдаче пособия семьям лиц, призванных на военную службу (комиссия о казенном пайке). В ее состав вошли как члены Совета, так и 35 представительниц от 21 городского и 14 земских попечительств Петроградского

¹ Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 4. С. 145 – 147.

² ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 17, протокол общего собрания солдаток 19-го городского попечительства 16 марта 1917 г.

³ Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 2 – 3. С. 99 – 100.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 16, протокол общего собрания солдаток 18-го городского попечительства 19 марта 1917 г.

⁵ Товарковская Е. Шествие солдаток 9 апреля // Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. № 4. С. 119 – 122.

уезда. Комиссия признала, что право на казенный паек должно быть распространено на гражданских жен, внебрачных детей, родителей, братьев и сестер, зависящих в материальном отношении от единственного кормильца-солдата. «Но гражданские жены, работоспособные и неимеющие детей, не должны получать пайка, если у призванного есть законная жена, с которой не прекращалась семейная жизнь»¹. 28 апреля предложения комиссии о казенном пайке обсуждались на заседании солдатской секции Петроградского Совета и были в основном одобрены. При этом был определен единый для всей России размер пайка в 20 рублей на каждого члена семьи (жена и дети) в месяц². Основные положения документа, принятого солдатской секцией Петроградского Совета нашли свое отражение в постановлении Временного правительства от 22 июня 1917 г. «О распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей»³.

13 мая Исполком Петросовета потребовал организации при всех попечительствах комитетов солдаток и включения их в состав руководящих органов попечительств. Причем за делегатками от солдаток, лишившихся вследствие работы в попечительствах заработка, признавалось право на вознаграждение⁴. Но, согласно «Положения о городских попечительствах о бедных в Петрограде», членами попечительства не могли быть лица, находящиеся на службе попечительства по найму и лица, воспользовавшиеся помощью попечительства. Подобные лица считались выбывшими из числа членов и могли вернуться в это число лишь по истечении года⁵. На заседании комиссии 22 июня было решено, что члены попечительств должны выполнять все обязанности бесплатно⁶, но в некоторых попечительствах солдаткам было установлено жалование до 75 рублей в месяц.

В конце апреля справочное бюро по выборам в районные думы обратилось в комиссию с запросом о том, какие функции комиссии по благотворительности, имеющие местный характер, могли быть переданы районным думам⁷. Комиссия предполагала передать в думы городские ночлежки, убежище от наводнений, столовые, суммы на призрение семей запасных и некото-

¹ Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 мая.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы: в 5-ти т. / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев; отв. сост. Б.Д. Гальперина. СПб., 1995. Т. 2. С. 422.

³ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917. 4 августа. № 182. Ст. 1019.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 82, заявление Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов городскому голове от 13 мая 1917 г.

⁵ Там же. Д. 96. ЛЛ. 112 об. – 113, журнал заседания комиссии по благотворительности 15 июня 1917 г.

⁶ Там же. Л. 116 об., журнал заседания комиссии по благотворительности 22 июня 1917 г.

⁷ Там же. Д. 92. Л. 13, запрос справочного бюро в комиссию по благотворительности от 29 апреля 1917 г.

рые другие обязанности. За собой комиссия намеревалась сохранить стипендии в высших и средних учебных заведениях¹.

8 июня 1917 г. комиссия рассматривала доклад о возможной передаче городских попечительств в районные думы. Он вызвал разногласия среди членов комиссии. Трое (графиня С.В. Панина, Б.М. Якунчиков, А.С. Шохор-Троцкий) одобряли присоединение попечительств к районным думам. Один член комиссии воздержался (А.А. Леонтьев), а остальные девять высказались за сохранение городских попечительств в качестве самостоятельных местных учреждений общественного призрения с оставлением за ними прав юридического лица. А при районных думах следовало бы образовать особые комиссии «для объединения и контроля благотворительной деятельности, как попечительств, так и частной благотворительности района»².

Вопрос о передаче функций попечительств в районные думы обсуждался на заседании городской думы 26 июля. Доклад представлял член городской управы, кадет П.Н. Ге. Упразднение попечительств мотивировалось тем, что «районные думы, которые имеют несравненно больший состав, (...) которые являются учреждениями демократическими, появившимися после революции, – оне в значительной степени удовлетворяют требованиям настоящей минуты». Его поддержали социалисты (меньшевики М.М. Магула и Е.А. Завадский, член группы «Единство» Э.О. Смилга и др.). Против ликвидации попечительств выступили П.В. Сидоренко (кадет, председатель 11-го попечительства) и Е.Д. Максимов (народный социалист, известный исследователь и теоретик благотворительности и социальной работы). Они предлагали передать думам только «пайковое призрение», а остальные учреждения оставить за попечительствами, хотя бы временно, до более тщательной разработки вопроса об организации городского попечения о нуждающихся³. Однако эти предложения большинством 38 голосов против 32 были отклонены. Дума признала желательным «в принципе» передать дело городских попечительств о бедных в ведение районных дум, «с тем, чтобы эта передача была совершена без нарушения нормального хода работ»⁴.

С конца июля начинается процесс постепенной ликвидации попечительств. К началу ноября в ведение социальных отделов и комиссий районных дум перешли учреждения примерно половины попечительств (например: 1-е попечительство – в отдел социального обеспечения городской управы Адмиралтейского района, 2-е – в отдел призрения Казанской районной управы, 8-е и 9-е – в комиссию социального призрения Литейной районной думы)⁵.

¹ Там же. Л. 30, ответ комиссии по благотворительности справочному бюро от 17 мая 1917 г.

² Там же. Д. 96. Л. 103, журнал заседания комиссии по благотворительности 8 июня 1917 г.

³ Вестник городского самоуправления. 1917. 29 и 30 июля. №№ 32 и 33.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 92. ЛЛ. 46 об. – 47, журнал заседания Городской думы № 61 от 26 июля 1917 г.

⁵ Там же. Д. 101. Л. 21, справка комиссии по благотворительности для распорядительного отделения городской управы от 24/25 ноября 1917 г.

Произшедшие изменения требовалось как-то согласовать и привести в общую систему. В начале октября в Городскую управу поступил проект радикального преобразования городских социальных учреждений. В проекте «Положения об управлении общественным призрением г. Петрограда» признавалось, что до настоящего времени у города «не имелось даже и намека на то, что можно назвать системой призрения и вся организация носит случайный характер, преследуя исключительно цели благотворительности». А между тем «демократическое миросозерцание не может допускать взгляда на помощь бедняку, как на акт милосердия, а заставляет рассматривать его как обязанность государства». Поэтому город должен немедленно перейти от факультативной помощи к обязательному призрению. Новая система городских учреждений социального призрения должна была быть построена на началах строгой централизации, унификации и демократизации. Выстраивалась стройная система иерархически подчиненных друг другу отделов и подотделов, которым подчинялись однородные по своим функциям и статусу социальные учреждения. Все эти органы управлялись коллегиями из выбранных делегатов от городской и районных дум, служащих, общественных организаций и т.д. Не предусматривалась возможность участие частных лиц и капиталов в муниципальной благотворительности и сотрудничества муниципального и частного призрения в той или иной форме, как это было до революции. Никак не определялась судьба частных капиталов и пожертвований на определенные цели (стипендии, содержание заведений и др.), что фактически могло означать их национализацию¹. До роспуска городской думы 17 ноября 1917 г. проект рассмотреть не успели.

Нарастающие экономические затруднения, проблемы с продовольственным обеспечением, политическая нестабильность, угроза наступления немцев на Петроград ставят муниципальные благотворительные учреждения в тяжелое положение. Радикальным решением была эвакуация заведений. В сентябре 1917 г. началась подготовка к эвакуации из Петрограда питомцев городских детских домов. Было решено в первую очередь эвакуировать детей дошкольного возраста. Их следовало объединять в группы по учреждениям не более 250 человек. Подлежали эвакуации и служащие². Всего подлежали эвакуации около 2500 детей и 500 взрослых³. В некоторых заведениях выразил желание выехать весь персонал. Начальница 9-го городского детского дома сообщала, что «состав служащих полностью желает быть вывезен вместе с приютом», включая не состоявших в штате учителя пения с семью чле-

¹ Там же. Д. 80. Л. 223, доклад общего присутствия Городской управы от 6 октября 1917 г.

² Там же. Д. 94. Л. 3, журнал заседания совещания об эвакуации учреждений детского закрытого призрения комиссии по благотворительности 3 сентября 1917 г.

³ Там же. Л. 37, отношение комиссии по благотворительности в комиссию по эвакуации Петроградской городской управы от 13/14 октября 1917 г.

нами семьи и священника с пятью членами семейства¹. Подобное желание выразили и служащие 12-го детского дома².

Руководители некоторых учреждений проявили инициативу в выборе мест возможного переезда. Попечитель городского сиротского дома им. Г.Г. Белоградского граф Н.Ф. Гейден предлагал возбудить ходатайство перед военным министром об эвакуации дома в здание Офицерского собрания Керченской крепости или в Темрюк, на худой конец, в одну из кубанских станций³. 1-й, 6-й, 9-й городские детские дома, Богдановская профессиональная школа и Дом призрения имени Брусницыных предполагалось вывезти в Вятку в здание Духовной семинарии, «которое может вместить около 600 чел., но в котором необходимо сделать немедленно ремонт, т.к. в нем был постой солдат»⁴. Но, все же большинство детских учреждений выражали желание выехать на юг страны – в Крым, на Дон, Кубань, Северный Кавказ. Однако этим желаниям не суждено было сбыться. 24 – 25 октября произошел Октябрьский переворот, 17 ноября последовал роспуск столичной Думы, контрреволюционный мятеж, борьба с саботажем и все то, что именовалось «установлением Советской власти в Петрограде». Это не позволило эвакуировать детские заведения до конца 1917 г. и они остались на зиму 1917 – 1918 гг. в Петрограде, что поставило их в катастрофическое положение. На одном из последних заседаний комиссии по благотворительности 23 ноября 1917 г. (уже под председательством большевика Л.С. Зеликсона) рассматривался вопрос «о стесненном финансовом положении городских учреждений, подведомственных комиссии по благотворительности, вследствие неоплаченных казначейством городской управы ассигновок»⁵. Признавалось безвыходное положение комиссии, которая, не имея средств на удовлетворение самых неотложных нужд: питание, одежду, учебные пособия для детей. «Детям городских детских домов через несколько дней угрожает полный голод»⁶.

После Февральской революции в сфере муниципальной благотворительности наблюдаются разноречивые тенденции. С одной стороны происходят существенные изменения в организации и деятельности муниципальных благотворительных учреждений. Эту трансформацию можно обозначить как «движение от благотворительности к собесу» – от необязательной для города деятельности, основанной на принципе «индивидуальной помощи» и безвозмездном труде добровольных сотрудников к организованной и унифициро-

¹ Там же. Л. 18, представление 9-го городского детского дома в комиссию по благотворительности от 4 октября 1917 г.

² Там же. Л. 27, представление 12-го городского детского дома в комиссию по благотворительности от 13 октября 1917 г.

³ Там же. Л. 14, письмо гр. Н.Ф. Гейдена председателю комиссии по благотворительности гр. Н.И. Татищеву от 28 сентября 1917 г.

⁴ Там же. Л. 16, представление 1-го городского сиротского дома в комиссию по благотворительности от 7 октября 1917 г.

⁵ Там же. Д. 96. ЛЛ. 217, 226, журнал заседания комиссии по благотворительности 23 ноября 1917 г.

⁶ Там же. Д. 98. Л. 1, доклад общему присутствию Городской управы по отделу комиссии по благотворительности.

ванной общегородской системе широкой обязательной социальной помощи. Этому процессу способствовали привлечение в органы управления муниципальной благотворительностью представителей тех слоев населения, которые до того являлись ее «клиентами» и переход городских попечительств со всеми их учреждениями, имуществом и капиталами в ведение районных дум.

С другой стороны в условиях социального, экономического и политического кризиса усиливаются деструктивные тенденции: нехватка средств на поддержание старых и новых заведений, удовлетворение возрастающих appetitов опекаемых и служащих, нарастающие продовольственные затруднения, административный развал. К осени 1917 г. эти тенденции начинают превалировать и ставят муниципальные благотворительные учреждения на грань выживания.

Гордеев П.Н.

Местные комитеты и другие организации рабочих и служащих в петроградских государственных театрах в 1917 году

Данное исследование посвящено процессам самоорганизации и самоуправления, происходившим в 1917 году в среде технического персонала петроградских государственных (бывших императорских) театров. В центре данных процессов стоят местные комитеты (месткомы) – выборные органы, начавшие свою деятельность в августе 1917 г. В то же время, изучение условий, в которых месткомы появились и приступили к работе, потребовало более пристального рассмотрения предшествующего этапа движения театральных рабочих и служащих¹, развивавшегося весной и летом 1917 г. Наконец, наравне с месткомами, в 1917 г. возникают и другие организации технического персонала театров, до сих пор еще неизвестные исследователям. Их история (увы – небогатая оставшимися документами) также, по мере возможности, будет рассмотрена ниже.

Несмотря на то, что указанная тема затрагивает вопросы рабочего движения, она, как ни странно, практически не получила освещения в советской и постсоветской историографии (в качестве исключения можно назвать статью К.Н. Державина, в которой местным комитетам уделено несколько строк)². Между тем, изучение деятельности органов самоуправления театральных рабочих и служащих в эпоху революции не только позволит рас-

¹ Следует отметить, что термины «рабочие» и «служащие» применительно к театральному персоналу являются довольно расплывчатыми. Если театральный плотник, очевидно – рабочий, а канцелярский чиновник – служащий, то, скажем, сторож, швейцар или пожарный могут быть отнесены и к той, и к другой категории. В делопроизводственной переписке относительно таких лиц часто использовался термин «младшие служащие».

² Державин К.Н. Февраль и Октябрь в театре // Александринский театр – театр госдрамы: Сто лет. 1832 – 1932. Л., 1932. С. 398.

смотреть одну из неисследованных ранее областей истории театра в 1917 году, но и понять механизм формирования первых профсоюзных организаций в ранее далекой от политики среде технического персонала государственных театров.

В предлагаемой работе предпринята попытка соединить два подхода, два направления – традиционную политическую историю и микроисторию, которая позволяет «словно под увеличительным стеклом, разглядеть существенные особенности изучаемого явления, которые обычно ускользают от внимания историков»¹. Одним из основных принципов нашей работы является установка на максимальное привлечение и использование биографических данных. Как правило, в исследованиях, посвященных истории театра, материал, посвященный рабочим и служащим, если и приводится, то в максимально лаконичном виде. Эти труженики театрального закулисья редко устаиваются и одной строки. Между тем, именно в революционную эпоху их роль возрастает и становится сопоставимой (разумеется, в сфере общественно-политической деятельности, а не творческой работы) с ролью артистов. Поэтому мы постарались привести хотя бы краткие справки обо всех председателях, товарищах председателей и секретарях местных комитетов, всех членах Центрального комитета государственных театров, а также тех рабочих и служащих, чья роль в процессе самоорганизации технического персонала театрального ведомства показалась нам заметной. В отдельный параграф вынесены биографии А.Е. Крылова и А.О. Сокова, первого и второго председателей Центрального комитета государственных театров, жизненные пути которых уникальны сами по себе, и в то же время по-своему характерны для революционной эпохи русской истории.

Движение рабочих и служащих в петроградских государственных театрах весной 1917 года

Февральская революция внесла коренные изменения в систему служебных отношений, существовавшую ранее в казенных учреждениях Империи. Коснулось это и государственных (бывших императорских) театров. Они и при старом режиме не являлись образцом субординации; так, например, в дни, непосредственно предшествовавшие перевороту (21 – 23 февраля), срывая спектакли, бастовали хор и оркестр Мариинского театра, требовавшие прибавки жалованья². 23 февраля 1917 г. директор императорских театров В.А. Теляковский отметил в своем дневнике: «Около часу я принимал депутацию оркестра, которому сказал, что я на них рассчитываю. Из разговора с ними я убедился, что забастовочный микроб проник во весь театр»³.

¹ Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб., 2010. С. 91.

² См. подробн. об этой забастовке: Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 9 – 13.

³ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 38 об. 1 марта директор театров делает еще более тревожную запись: «Среди прислуги также началось брожение. Мой курьер Бывалый давно уже ажитирован. Сторожа, рабочие, домашняя прислуга – все собираются предъявить но-

После Февраля о своих требованиях стали громко заявлять уже не только артистические труппы, но и рабочий персонал театрального ведомства. 2 марта тот же В.А. Теляковский зафиксировал в дневнике колоритный эпизод: «Сегодня целая компания рабочих пришла в Контору¹ и нагнала страшный страх² на чиновников, которым заявила, что если сейчас им не выдадут суточных и другое довольствие, от чиновников ничего не останется. Я вызвал чиновников, их успокоил, а потом позвал к себе представителей и выборных от рабочих – с которыми лично и говорил, чтобы они успокоились, что все им положенное будет выдано, но в настоящую минуту происходит заминка, так как наша касса в Министерстве двора опечатана. Как раз в это время приехал комиссар Н.Н. Львов³, который все мною сказанное подтвердил рабочим и они успокоились»⁴. При этом требования, выдвигаемые рабочими, не ограничивались лишь текущим моментом – некоторые из них предъявили В.А. Теляковскому «претензии о неполучении денег за коронацию в 1896 году»⁵. Весьма настойчивые требования об улучшении своего материального положения выдвигались рабочими и в дальнейшем⁶. Разбираться

вые требования – не сообразуясь, что именно теперь стало трудно не им одним, но и тем, которые их содержат и платят жалованье» (Там же. Л. 47). Упомянутый в тексте Ульян Семенович Бывалый, крестьянин деревни Висилица вторая Войханской волости Городокского уезда Витебской губернии, родился 21 июня 1879 г. Участник русско-японской войны, награжден Знаком отличия Военного ордена («солдатским Георгием») 4-й степени. Служил в 162-м Ахалцыхском пехотном полку (рядовой). С сентября 1912 г. на службе в императорских театрах: до революции – курьером при директоре, после – курьером Канцелярии государственных театров. В 1917 г. – член месткома дома Управления государственных театров. В 1920 г. ушел в отпуск, из которого так и не вернулся (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 147. ЛЛ. 1 б – 1 б об., 3, 7, 9, 16, 30).

¹ Имеется в виду Петроградская контора государственных (бывших императорских) театров.

² Так в тексте.

³ Член Государственной думы октябрист Н.Н. Львов был назначен Временным комитетом Государственной думы комиссаром в Дирекцию театров 2 марта и находился на этом посту до 16 марта. См. о его деятельности: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 320 – 321, 327, 369 – 370; *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2011. С. 36 – 47.

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 47 об.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ 16 марта В.А. Теляковский записал в дневнике об инциденте, произошедшем в Мариинском театре: «С утра рабочие Мариинского театра заявили, что если им сейчас не выдадут вперед суточные деньги, они отказываются работать, бросили повеску декораций и ушли. Дело в том, что выдача суточных денег вперед может поставить казну в трудное положение в случае ухода рабочего. Чиновникам выдают вперед, оттого что он не может уйти со дня на день, а с рабочими, особенно переменного состава, это очень трудно. Когда комиссару Львову об этом я сообщил, он советовал в случае отказа рабочих приказать закрыть театр, ибо больше нечего делать – тем более, что рабочие недавно получили и жалованье, и суточные, но Тартаков боялся закрыть Мариинский театр и предложил хотя своими деньгами временно расплатиться. После совещания с комиссаром Головиным решили дать рабочим суточные за 2 недели. Все это очень осложняет и так трудное положение те-

с ними приходилось не только директору театров, но и самому комиссару Временного правительства Ф.А. Головину¹.

К маю 1917 г. рабочими государственных театров были выработаны конкретные пожелания об увеличении окладов (примерно в 2 – 2,5 раза)². В приложенной к проекту «бюджета рабочих сцены Мариинского театра и мастерских Государственных театров» «пояснительной записке» от 8 мая, подписанной представителями рабочих Е. Ворониным³, В. Митрофановым⁴ и С.

атров». На следующий день эти же рабочие явились к Теляковскому и предъявили ему «целый лист различных требований, которые в общем сводятся к тому, что плотник будет стоить театрам около 200 руб. в месяц – я с ними сегодня говорил около ½ часа и насколько мог объяснил невозможность такого состояния». От рабочих Мариинского театра не отставали и их коллеги из храма Мельпомены. 5 апреля Теляковский записал о том, как заведующий зданием Александринского театра Н.В. Волков «беседовал вчера с рабочими, которые все ожидают прибавки, когда же он им сказал, что все это не может сделаться вдруг и пройдет время – то они опять возражали, что трудно жить, на что он в конце концов ответил, что кому невогноту, тот может быть лучше устроится на заводе или другом месте. На это рабочие ему ответили – пускай он сам себе ищет другого места, а они не уйдут. Вообще у рабочих убеждение, что им должны удвоить содержание – хотя бы на это и не было денег» – резюмировал директор театров (Там же. ЛЛ. 66 об. – 67, 69, 89).

¹ В.А. Теляковский, побывав 27 марта на приеме у Ф.А. Головина, записал: «Так как рабочие сегодня заявили, что если им не выяснят вопрос прибавок до праздников – то они не отвечают за товарищей в смысле работы дальнейшей – Головин приказал представителям рабочих завтра явиться к нему в 11 часов для переговоров». Вообще же «требования служащих», грозящие театрам «большим дефицитом», «начинают пугать Временное правительство» – отмечал по этому поводу Теляковский (Там же. Л. 81).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 14. Д. 93. ЛЛ. 1 – 24.

³ В книгах ресконтро упоминается плотник Егор Воронин-Терентьев, которого, как представляется, можно отождествить и с упомянутым выше «делегатом» Е. Ворониным, и с членом месткома Мариинского театра первого и второго составов (см. ниже) Г.Т. [Георгием (Егором) Терентьевичем?] Ворониным (никакого Г.Т. Воронина в списках ресконтро нет, имена Егор и Георгий в народной среде были порой взаимозаменяемы, «вторая фамилия» (Терентьев) могла на самом деле быть отчеством). Плотник Георгий Воронин поступил на службу в императорские театры 27 октября 1900 г., был уволен с 1 июня 1920 г. (в документе об увольнении ошибочно назван Григорием) (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5110. Л. 33 об.; Д. 5128. ЛЛ. 8, 17, 38; Оп. 13. Д. 410. Л. 11; Оп. 16. Д. 384. ЛЛ. 15 об. – 16).

⁴ Василий Митрофанов (инициал его отчества – «В»; полностью отчество пока установить не удалось) – из крестьян деревни Авдеево Ериловской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии, в 1899 г. был зачислен резчиком по дереву в бутафорскую мастерскую государственных театров. Перед Февральской революцией пребывал в той же должности. В декабре 1917 г. избран товарищем председателя местного комитета мастерских государственных театров. Член ЦКГТ. В августе 1921 г. состоял служащим бутафорской мастерской ГАТОБа; сведения о последующей жизни и деятельности В.В. Митрофанова не обнаружены. Отметим также, что в протоколе заседания Художественно-репертуарного комитета оперной труппы Мариинского театра от 10 мая 1917 г., на котором состоялись выборы управляющего труппой (и был избран А.И. Зилоти), упоминаются как члены комитета некие Воронин и Митрофанов, второго из которых можно с достаточной степенью уверенности отождествить с В.В. Митрофановым, а первого – либо с упомянутым выше Г.Т. Ворониным, либо с парикмахером Мариинского театра Георгием Кирилловичем Ворониным (Там же. Оп. 5. Д. 1178. Л. 1 об.; Оп. 6. Д. 5128. Л. 37; Оп. 13. Д. 684. ЛЛ. 1, 45, 72, 78; Оп. 18. Д. 1187. Л. 6; ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 685. ЛЛ. 1 – 2).

Есененком¹, говорилось: «Со дня революции нами были представлены господину комиссару² наши основные пожелания, среди коих наше будущее жалование недостаточно ясно мотивировано и может вызвать отрицательное к себе отношение. Получаемые нами сейчас оклады, со всеми добавочными, суточными и квартирными деньгами колеблются в сумме 59 р. – 109 рублей в месяц; причем цифра 109 имеется у рабочих, прослуживших ни один десяток лет и число [таких] окладов очень скромное; большинство же окладов составляет 70 – 80 рублей, на каковые, ясно, жить в наше время не представляется никакой возможности. Взять частные театры, рабочую силу, мы встречаем там жалование, которое и в нормальное время было выше нашего, а теперь приняло то исходное положение, кои занимают рабочие руки на рынке, т.е. 180 – 200 рублей в месяц. Наша работа сцены требует специальных знаний, навыка годами, а потому и сам труд оплачивается уже дороже. Всякая работа сверх 8-ми часов оплачивается 1 ½ окладом, мы же не получаем ни копейки и только воскресные дни нашего отдыха получаем за 4 часа дневного спектакля 50 коп. Перечислив настоящее положение, мы обращаемся с просьбой оплачивать работу согласно нашей ведомости, оплачивать сверхурочные часы и ввести шире группировку разрядов»³.

Проблема недостаточной оплаты труда технического персонала театров признавалась и театральной администрацией. Так, 1 июня из Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам было направлено служебное письмо в бывший Кабинет его величества. В документе говорилось о том, что «в связи с вздорожанием жизни многие оклады содержания младших служащих Дирекции являются в настоящее время недостаточными и если некоторые разряды служащих ожидают предполагаемого для них улучшения их положения, то служащие таких разрядов как дворники и кучера просто уходят со службы теперь же и приискать им заместителей при существующих окладах не представляется возможным. <...> Для исполнения обязанностей некоторых дворников и кучеров приходилось нанимать людей поден-

¹ Семен Аверьянович Есененок (Есиненок; в разных документах его фамилия писалась различно, в том числе и им самим) – один из активистов рабочего движения в государственных театрах в 1917 г. (был избран в местком Мариинского театра первого состава). С.А. Есененок родился в 1874 г. в деревне Маркова Обольской волости Городского уезда Витебской губернии, в крестьянской семье. Служил осветителем в Мариинском театре с 1905 по 1927 гг., уволен из театра за неоднократную явку на работу в нетрезвом виде (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 361. ЛЛ. 1 – 4, 107 – 108).

² Имеется в виду комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головин. О его деятельности на этом посту см. подробнее: *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 160 – 189.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 14. Д. 93. ЛЛ. 25 – 25 об. Данное обращение рабочих к театральной администрации было уже не первым – еще 9 апреля В.А. Теляковский записал в своем дневнике: «Рабочие специалисты резчики, портные и др. подали прошение о своих нуждах для представления Комиссару» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 93).

но за цену 3 – 3 р. 50 к. в день, большею частью китайцев, русских же нельзя было найти менее, чем за месячный оклад в 90 рублей». В связи с этим Канцелярия ходатайствовала об увеличении ассигнований на оплату труда младших служащих¹.

Помимо вопросов материального обеспечения, рабочие сцены уже весной 1917 г. начали выражать свое негативное отношение к сложным, требующим большой технической работы постановкам. Режиссер Александринского театра Е.П. Карпов, избранный после революции управляющим труппой, выступая 30 марта в Зимнем дворце на совещании деятелей государственных театров, говорил: «Положение становится чрезвычайно затруднительным, плотники отказываются работать, являются ко мне и объявляют, что не надо эту пьесу ставить, говорят, что это им тяжело, просят участия в составлении репертуара; допустить это – значит допустить полную разруху»². Этот эпизод нашел отражение в дневнике писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, матери актрисы Александринского театра Л.Н. Шуваловой. 11 марта С.И. Смирнова-Сазонова записала: «В казен[ных] театрах происходит то же, что и на казен[ных] заводах. Актеры собираются и заявляют, что им не нужно начальство, они хотят управлять театрами сами. Собrania устраивают совместно с плотниками, вообще с театральными рабочими. Один из них заявил претензию, почему их не приглашают в репертуарн[ый] совет. Вот ставили «Маскарад», т[ак] сколько им работы было, они просто с ног сбили[сь]. Карпов очень вежливо и серьезно объяснил им, что репертуар плотников не касается»³.

Помимо нежелания принимать участие в постановках трудных для технического персонала спектаклей, рабочими выдвигались и другие требования, связанные с их служебными обязанностями: так, например, 7 апреля В.А. Теляковский записал в дневнике о своей беседе с помощником управляющего Петроградской конторой театров Л.Д. Мецнером: «Мецнер сегодня мне говорил, что с рабочими в театрах происходят недоразумения – они, напр[имер], не хотят дежурить по ночам, что так важно в пожарном отношении. Наблюдение за театрами стало небрежное»⁴. Иногда выдвигались и «статусные» пожелания – тот же В.А. Теляковский 4 апреля отметил: «Мецнер мне рассказывал, что рабочие Мариинского театра были недовольны тем, что на афише спектакля, устраиваемого хором 8 апреля в пользу жертв революции, было упомянуто о благосклонном участии артистов и оркестра, а не упомянуто о благосклонном участии рабочих»⁵. Статус рабочих поменялся и в глазах многих артистов. Так, уже упоминавшаяся С.И. Смир-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1528. ЛЛ. 97 – 97 об.

² ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 66. ГИК 20848. Л. 4 об.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. ЛЛ. 173 – 174.

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 90 об. Машинист-механик Мариинского театра Ф.Л. Графф донес 6 апреля помощнику управляющего Петроградской конторой театров Л.Д. Мецнеру о том, что артель плотников «через своих делегатов, заявила мне об отказе от ночного дежурства на сцене, мотивируя это тем, что в частных театрах дежурств плотников на сцене нет» (РГИА. Ф. 497. Оп. 8. Д. 404. Л. 140).

⁵ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 88 об.

нова-Сазонова записала 5 марта в своем дневнике (со слов дочери, актрисы Л.Н. Шуваловой) о другой актрисе Александринского театра, Н.В. Варваринной (сценический псевдоним – Ростова): «Еще со времен Плеве в их доме жандармы и полиция б[ыли] желан[ными] гостями, теперь она перекрасилась и стала играть в дружбу с рабочими. Тут же, на глазах у труппы она начала с ними беседовать, говорить им речи и прикидываться страшной демократкой. Прежде она искала случая попасть на глаза велик[им] князьям, теперь она ищет популярности у рабочих»¹.

Сведений о создании каких-либо рабочих организаций в государственных театрах в данный период нами найдено не было. Зато имеются упоминания о вхождении делегатов от рабочих, наравне с делегатами артистов и служащих, в состав формировавшихся в театрах после Февральской революции органов самоуправления. В начале марта в газетах писали о том, что рабочие и служащие Александринского театра выбрали, наравне с артистами, 17 своих представителей во Временный организационный комитет театра² (в те же дни пресса сообщала о вхождении делегатов от «технического персонала, рабочих, капельдинеров и служащих» и в «комитет» Мариинского театра)³. К сожалению, имен этих делегатов установить не удалось; протоколы органов самоуправления Александринского и Мариинского театров за март 1917 г. пока что не выявлены, что затрудняет исследование данного вопроса. Отметим, что участие представителей от рабочих в управлении этими театрами было зафиксировано в проектах их уставов, выработанных в марте и так и не получивших официального утверждения⁴. Данная тенденция не ограничива-

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. Л. 149.

² Организационное собрание артистов // Петроградская газета. 1917. 5 марта; Выборы объединенного комитета // Там же. 7 марта; Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 6 марта; Временный организационный комитет александринцев // Там же. 7 марта; Временный театральный комитет // Биржевые ведомости. 1917. 8 марта (утр. вып.). Отметим, что после 8 марта в прессе в качестве членов данного комитета упоминались только артисты театра (см. например: Заслуженные артисты не выбраны в комитет // Петроградская газета. 1917. 8 марта) – но, в то же время, нельзя игнорировать приведенную выше цитату из дневника С.И. Смирновой-Сазоновой о том, что артисты устраивают собрания вместе с театральными рабочими.

³ Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 7 марта.

⁴ В проекте устава «Союза деятелей Александринского и Михайловского театров на началах общественного самоуправления» предусматривалось создание отдельных комитетов рабочих и служащих, а также вхождение их представителей в Совет союза (при этом по чисто художественным вопросам они должны были иметь лишь совещательный голос). В проекте устава Мариинского театра власть отдавалась оперному и балетному советам, куда рабочие были не вхожи, однако, оперный совет мог «по мере надобности» собирать «пленарную комиссию совещательного характера», куда входили, наряду с прочими, и представители от рабочих и служащих. Также, как и в уставе Александринского театра, было прописано право «каждой группы деятелей» театра избирать свой комитет: Автономия Александринского и Михайловского театров // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта (утр. вып.); *Театрал.* Новый устав государственной оперы // Петроградская газета. 1917. 11 апреля; *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.) / Отв. ред. В.И. Старцев. Л., 1988. С. 166 – 167.

лась первыми неделями после революции – так, например, председатель «Временного комитета по текущим делам государственной петроградской оперы», выдающийся дирижер Н.А. Малько сообщал 11 апреля в Петроградскую контору театров, что во Временном комитете, помимо избранных в него артистов оперной труппы Мариинского театра, есть также «по 2 представителя от хора, оркестра, художественно-технической части и рабочих»¹. Ввиду фрагментарности обнаруженных в настоящее время источников, интересный сюжет о деятельности рабочих делегатов в органах самоуправления государственных театров весной 1917 года нуждается в дальнейшем исследовании.

Иной характер, нежели движение рабочего персонала, носил процесс самоорганизации театральных служащих. В столице большинство служащих работало в Петроградской конторе государственных театров; к числу служащих также относились некоторые лица, не занимавшиеся канцелярской работой – например, заведующие зданиями театров, кассирши и пр. Все служащие в учреждениях театрального ведомства делились на две основные группы – штатные (чиновники) и вольнонаемные (преимущественно писцы). Социальное положение второй группы было во всех отношениях более низким; неудивительно поэтому, что именно ее представители начали первыми выдвигать свои требования.

Первые попытки самоорганизации вольнонаемные служащие «по письменной и счетной части» Дирекции и Петроградской конторы государственных театров предприняли еще в марте 1917 года. 9, 10 и 14 марта они провели три общих собрания². На первом из них³, проходившем под руководством штатного служащего, делопроизводителя Петроградской конторы Д.А. Поспеева, «который был избран закрытою баллотировкою 27 голосами против 7 для руководства собранием, но без права голоса»⁴, была принята

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5119. Л. 1.

² Там же. Оп. 18. Д. 355. Л. 13.

³ Цитируемый ниже документ не датирован. Однако, в архивном деле он лежит ранее всех остальных протоколов и постановлений собраний служащих Дирекции и Петроградской конторы театров, произошедших после Февральской революции. На следующем за ним листе помещен список участников собрания от 10 марта (26 человек, тогда как под цитируемым документом – 34 подписи) (Там же. ЛЛ. 8 – 9).

⁴ Там же. Л. 7 об. Дмитрий Александрович Поспеев, один из старейших чиновников Петроградской конторы театров, пользовался, надо полагать, большим авторитетом среди служащих. Он родился в 1860 г. в купеческой семье, образование получил в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии. В 1883 г. поступил вольнонаемным писцом на службу в Санкт-Петербургскую контору императорских театров, десять лет спустя стал уже штатным служащим, перед Февральской революцией – делопроизводитель VI класса, коллежский советник. Занимал должность бухгалтера. В 1917 г. произведен в старшие делопроизводители. Уволен из театрального ведомства, как и большинство служащих в Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, 1 января 1918 г. Через несколько месяцев, в конце зимы 1918 г. бывший главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков написал народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому письмо с просьбой о принятии обратно на службу уволенных большевиками чиновников театрального ведомства, причем о Д.А. Поспееве он отзывался так: «В первую

следующая резолюция из семи параграфов: «1) Избрать представителя по баллотировке¹. 2) Исключить слова “вольнонаемный писец”. 3) Все обою пола писцы должны быть приравнены к чиновникам, пользоваться всеми правам и преимуществами наравне с ними, и зачислены в штат: а) улучшение материального положения, б) пересмотр неравномерного содержания между чиновниками и писцами (жалованье и квартирные), в) обеспечение пенсией за выслугу лет наравне с чиновниками по штату и содержанию. 4) Учредить Комитет служащих, который должен рассматривать все жалобы по неудовлетворению содержанием; неправильные деяния начальников отделений к своим подчиненным и увольнение. 5) Просить г.г. чиновников принять всех писцов членами эмеритальной кассы². 6) Обязать дежурить всех за исключением начальников отделений. 7) Установить час аккуратного прихода на службу не иначе, как с занесением фамилии в книгу»³.

Большая часть параграфов резолюции была принята единогласно, однако имелись и исключения. Так, из 34 присутствовавших 8 написали «согласен за исключением § 7», 2 – «согласен за исключением § 6 и 7», один человек не согласился § 6 и еще один – с § 4⁴.

Как видим, из семи параграфов резолюции два (§§ 3 и 5) касались одной темы – уравнивания писцов (и шире – всех вольнонаемных служащих) с чиновниками. Косвенно этому же был посвящен и § 2, раскрывающий интересную психологическую деталь – писцы считали обидным название своей должности. Наконец, еще два параграфа (§§ 1 и 4) были посвящены вопросам самоорганизации и два (§§ 6 и 7) – повышению трудовой дисциплины. Они закономерно вызвали наибольшее количество нареканий присутствующих.

10 и 14 марта собрания вольнонаемных служащих продолжились⁵. Их итогом стало обращение к Временному правительству, выработанное, очевидно, на последнем заседании⁶. Приводим этот документ ниже:

«Мы, нижеподписавшиеся, вольнонаемные служащие обою пола по письменной и счетной части при Конторе, складах, гардеробах и электрических станциях Дирекции Государственных театров, собравшись 9, 10 и 14 марта 1917 года для обсуждения вопроса о наших нуждах – единогласно постановили: 1) Прежде всего, горячо приветствовать Временное правительство с выражением нашей полной готовности посвятить все наши силы и да-

очередь я просил бы дать ответ относительно бухгалтера Д.А. Поспеева, прослужившего 35 лет (срок: 15 января), больного старика, усердного и честного служаки, обремененного семьей» (Там же. Оп. 13. Д. 850. ЛЛ. 71 об. – 73, 125, 128 – 131, 136 об. – 137; ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 48. Л. 4 об.).

¹ Так в тексте.

² Данный пункт в машинописном документе обведен карандашом – вероятно, на него, содержащего единственное конкретное материальное требование, следовало обратить особое внимание.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 355. Л. 8.

⁴ Там же. ЛЛ. 8 – 8 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 9 – 12.

⁶ Оно также проходило под руководством Д.А. Поспеева, избранного на тех же условиях и тем же количеством участников, что и в заседании от 9 марта (Там же. Л. 13).

рования на служение родине. 2) Ходатайствовать о предоставлении всем нам прав и преимуществ государственной службы наравне с классными чиновниками, как в отношении окладов содержания, так и пенсии из Государственного казначейства, с зачетом нашей прежней вольнонаемной службы при Дирекции. 3) Просить об исключении из обихода обидных для самолюбия названий “писец”, “артельщик” и т. п., заменив их наименованиями “помощник” (такого-то делопроизводителя), “кассир” и т. д. 4) Предоставить право за служащими свободного коллективного обсуждения вопросов, касающихся отношений начальника к подчиненному и подчиненного к начальнику, а также отношений между собою. 5) Просить г. комиссара от Временного комитета Государственной думы Николая Николаевича Львова не отказаться передать настоящее обращение Временному правительству»¹.

За исключением «дипломатических» §§ 1 и 5, текст «Обращения», в основном, содержит те же требования, которые были сформулированы в тексте протокола заседания 9 марта. Это, прежде всего, уравнивание вольнонаемных служащих со штатными (§ 2), и связанное с ним требования исключения из обихода «обидных для самолюбия названий»² (§ 3). Формулировки § 4 менее четкие, чем в протоколе от 9 марта: там речь шла о создании организации («Комитета служащих»), здесь – всего лишь о праве на «коллективное обсуждение». Вероятно, в обращении к правительству служащие решили поставить вопрос в наиболее общем виде.

Сведений о выдвижении каких-либо корпоративных требований или попытках самоорганизации со стороны штатных служащих государственных театров за этот период нами обнаружено не было. Тем не менее, совершенно в стороне от процесса они не оставались. Так, в одном из архивных дел фонда Дирекции театров сохранилась записка, посланная 29 апреля 1917 г. инженером, заведующим электрической станцией Михайловского театра Л.П. Медером (штатным служащим) вольнонаемному служащему, писцу Петроградской конторы театров В.М. Вержбовскому. Л.П. Медер пересылал своему корреспонденту «10 экземпляров проекта “Устава Союза служащих правительственных учреждений Петрограда” с покорнейшею просьбою не отка-

¹ Там же.

² В России 1917 года, на фоне преобладающего стремления в народе к всеобщему равноправию, вопрос названий и обращений, «обидных для самолюбия», стоял достаточно остро. Эта проблема, разумеется, касалась и театров, причем постановка ее не всегда исходила от «низов». Так, например, 21 марта артист балетной труппы Мариинского театра К.К. Иванов обратился в «Комиссию по текущим делам» балетной труппы, указывая «на необходимость рассмотреть вопрос о положении наших курьеров. По моему, хотя они и не принадлежат к званию артистов, но все же входят в состав организации нашей труппы. А поэтому и является нашей обязанностью, во-первых, предпринять что-либо для улучшения их материального положения, а во-вторых, так же позаботиться об изменении отношения к ним, оскорбляющего достоинство человека, как обращение на “ты”. <...> я предложил бы разъяснить нашей труппе, что подобное обращение оставлено даже в войсках, т. к. в правовом государстве все являются равноправными гражданами, несмотря на различие своего служебного положения, и что если кто уважает в себе человеческое достоинство, тот не может не уважать его в другом, отражая на себе дух крепостничества» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

зять 3 экземпляра этого Устава с прилагаемой при сем препроводительной бумагой (прилагаю несколько экземпляров для Вашего сведения) препроводить делегату от Птг. (Петроградского – П.Г.) театрального училища И.С. Петрову. Надеюсь на Вашу любезность, беру на себя смелость просить об этой небольшой услуге нашему общему делу»¹. Таким образом, и у штатных, и у вольнонаемных служащих театрального ведомства было все же «общее дело» – которым, помимо непосредственно службы, могло быть только дело самоорганизации. Отметим тут же, что автору записки, Л.П. Медеру, предстояло сыграть в будущем важную роль в этом процессе: в ноябре 1917 г. он будет избран председателем местного комитета служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам.

Приведенные выше факты показывают – весной 1917 года рабочий персонал петроградских государственных театров стал все громче выдвигать свои требования к руководству, которые, однако, носили еще преимущественно экономический и дисциплинарный характер. Уже покинув свой пост директора театров, В.А. Теляковский, обладавший колоссальным опытом управления театрами, записал в дневнике 9 мая 1917 г.: «Один из самых трудных вопросов теперь для театров – это вопрос рабочих. Последнее время требования их настолько выросли, что положительно становятся в тупик не только театры, но и все фабрики и заводы»².

Вольнонаемные служащие театрального ведомства также постепенно просыпаются от «политической спячки» и предъявляют ряд требований к Дирекции. Они требовали не только улучшения материального положения (хотя данная проблема, разумеется, поднималась), но и более уважительного к себе отношения, ликвидации неравенства между ними и чиновниками, а также планировали создать представительный орган – Комитет служащих. Проигнорировать эти требования новое руководство театрального ведомства в лице главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова не могло. Итогом стала институционализация движения рабочих и служащих – в утвержденном 13 мая 1917 года комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головиным «Временном положении об управлении государственными театрами» (своеобразной «театральной конституции» 1917 года) было предусмотрено создание «при каждом театре, равно как и во всех центральных мастерских и прочих учреждениях», для «каждой отдельной категории артистов, технического персонала и других служащих» «отдельных комитетов» (получивших позднее название местных комитетов)³. Более конкретно очертить сферу деятельности и объем полномочий месткомов театральной администрации удалось летом 1917 года.

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 355. Л. 16.

² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 128.

³ Гордеев П.Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2012. С. 103, 128, 161 – 162.

«Краткая инструкция» и «Временное положение»: юридическая база деятельности местных комитетов

25 июля 1917 г. главноуполномоченным комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым была утверждена выработанная, вероятно, в его же Канцелярии¹ «Краткая инструкция членам местного комитета при государственных театрах»². Порядок формирования и сфера компетенции местных комитетов были распланы в документе, состоявшем из двадцати двух параграфов, весьма подробно.

Первый параграф «Краткой инструкции» определял, что местные комитеты создаются «для защиты интересов младших служащих отдельных театров, мастерских и зданий». При этом принцип их формирования можно было лишь отчасти назвать демократическим. Согласно § 3 «инструкции», в состав комитетов входили «по одному лицу от младших служащих, выбранному своими товарищами и по заведующему каждой отдельной частью». Таким образом, выборными оказывались лишь 50 % мест. Тут же, правда, делалась оговорка, что от некоторых частей, насчитывавших небольшое количество служащих (бутафорской, парикмахерской, художественно-декорационной) в комитет должны быть делегированы не 2, а 1 представитель (правда, не указывалось, будет ли он «выборным» или «заведующим»).

Местные комитеты каждого из трех петроградских государственных театров, равно как и комитет мастерских государственных театров³, должны были, согласно «Краткой инструкции» (§§ 4 и 5), состоять из 17 человек (для Михайловского театра из 16, ввиду совмещения в одном лице должностей за-

¹ К.Н. Державин в своей статье, посвященной истории Александринского театра в 1917 г., утверждал, что «устав местной профсоюзной ячейки» (пересказ его автором статьи – «председателем месткома мог быть только заведующий цехом или частью организации, обязанный вносить все постановления профсоюзной общественности на утверждение управляющего театром» – наводит на мысль, что речь идет о «Краткой инструкции») был разработан Временным организационным комитетом Александринского театра (*Державин К.Н.* Февраль и Октябрь в театре. С. 398). Это утверждение представляется сомнительным. «Краткая инструкция» была разработана не только для Александринского, но для всех петроградских государственных театров, причем в то время, когда Временного организационного комитета уже не существовало. Гораздо более вероятно предположить активное участие в создании документа как чиновников Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам (центрального органа, регулирующего деятельность казенных театров в Петрограде), так и самого Ф.Д. Батюшкова, вникавшего во все вопросы порученного ему театрального ведомства, и собственноручно писавшего важнейшие официальные бумаги (приказы, воззвания и др.), касавшиеся театра (см. многочисленные составленные им от руки документы, сохранившиеся в составе его архива в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ РАН. №№ 15628, 15633, 15643, 15648 и др.).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 1 – 2 об. Резолюция Батюшкова гласила: «Утвердить в виде временных правил»: Там же. Л. 1.

³ В 5 параграфе «Краткой инструкции» говорилось о создании комитетов «для каждой мастерской», но в итоге был избран единый комитет служащих мастерских государственных театров (Там же. Л. 22).

ведущего электрической станцией и осветительной частью). Состав комитетов каждого из домов, принадлежавших ранее Дирекции театров, а в описываемое время – Канцелярии главноуполномоченного комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по государственным театрам, был ограничен шестым параграфом «Краткой инструкции» 8 членами (причем этот состав был наиболее «народным» – из восьмерых только один принадлежал к высшим группам служащих (заведующий зданием), остальные были представителями от вахтеров, дворников, водопроводчиков, истопников и печников, кучеров, сторожей, швейцаров).

Не вполне согласовывался с господствовавшим в 1917 году духом равноправия седьмой параграф документа, определявший, что председатель каждого местного комитета избирается его членами «из числа заведующих отдельными частями». Это было существенным ограничением, потенциально препятствовавшим каким-либо радикальным деятелям из «низов» занять место в руководстве местного комитета и сделать его орудием в борьбе против театральной администрации. Позднее Управление государственных театров сочло необходимым установить еще одно условие для занятия должности председателя месткома – а именно, наличие у данного лица образования «не меньше окончания четырехклассного городского училища»¹. К функциям председателя были отнесены: право (и обязанность) «входить во все сношения, касающиеся дел Комитета, как с Канцелярией, так и с главноуполномоченным по Государственным театрам», право экстренного созыва заседаний местного комитета (§§ 8 и 9). Кроме того, при голосовании, в случае разделения голосов членов комитета поровну, перевес должен был отдаваться тому решению, за которое голосовал председатель (§ 12).

«Краткой инструкцией» был установлен определенный круг вопросов, подлежащих компетенции и ведению местных комитетов (§ 22). К ним относились: выработка внутреннего распорядка в театре, на сцене, в мастерских и пр.; распределение дежурств, отпусков и пособий, рассмотрение вопросов, касающихся командировок; урегулирование разного рода материальных вопросов, в том числе установление расценок за частные спектакли; охрана имущества театров и установление ответственности за его повреждение. Кроме того, ведению комитетов подлежал целый ряд вопросов, касающихся непосредственно служащих театра. В их числе – установление взаимоотношений между служащими разных категорий и между заведующими частями и их подчиненными; разбор дисциплинарных проступков и наложение соответственных взысканий; замещение освободившихся вакансий младших служащих и передвижение их по службе и даже увольнение тех лиц, «дальнейшее пребывание коих на службе будет признано вредным для дела».

Если местный комитет принял бы какие-либо постановления «принципиального и административного характера (кроме лишь тех, кои устанавливают разного рода внутренние взаимоотношения между служащими разных категорий и рангов)» то они, согласно «Краткой инструкции», прежде прове-

¹ Необходимость образовательного ценза // Петроградская газета. 1917. 15 сентября.

дения их в жизнь требовали «соответственного утверждения Канцелярии театров¹», куда должны были вноситься на рассмотрение председателем местного комитета (§ 14). Если же комитет затрагивал «вопросы общего характера, касающиеся всех театров, мастерских и проч.», то их, после обсуждения в самом местном комитете, следовало вносить «в соединенное заседание местных Комитетов или в специальную Комиссию из выборных от каждого местного Комитета» (§ 15). Подобные соединенные заседания должны были устраиваться «по мере надобности», причем на их рассмотрение могли также вноситься «все претензии лиц, несогласных с решением местных Комитетов»; постановления соединенных заседаний были окончательны и могли быть «обжалованы лишь Управляющему Канцелярией или Главноуполномоченному по Государственным театрам» (§§ 16 и 17).

На основании приведенных выше основных положений «Краткой инструкции», можно, как представляется, сделать некоторые выводы. Во-первых, этот документ давал рабочему персоналу и низшим служащим театров права реального самоуправления и представительства. Это было разительным контрастом по сравнению с дореволюционными порядками. Помимо того, в «Краткой инструкции» была намечена (пусть и достаточно неопределенно) возможность корпоративного объединения рабочих и служащих всех петроградских государственных театров – через соединенные заседания местных комитетов. В самом конце 1917 г. эта тенденция приведет к созданию Центрального комитета государственных театров.

В то же время, «Краткую инструкцию» нельзя назвать последовательно демократическим документом. Около половины состава всех местных комитетов состояло не из выборных лиц, а из заведующих отдельными частями театрального хозяйства. Исключительно из них же избирались и председатели местных комитетов. Сам по себе статус этих комитетов был сравнительно невысок – даже для их соединенного собрания высшей инстанцией являлся не только главноуполномоченный по государственным театрам, но и управляющий его Канцелярией (§ 17).

Эти ограничения могли быть вызваны вполне понятными опасениями театрального руководства в том, что малограмотные плотники, осветители, сторожа, водопроводчики и т. д., в случае получения ими реальной власти просто-напросто расстроят сложный художественный механизм государственных театров. И в этом смысле «Краткая инструкция» была документом компромиссным, устанавливающим среди театральных рабочих и служащих начала самоуправления при сохранении большинства властных рычагов в руках администрации.

«Краткой инструкцией» был установлен небольшой срок работы каждого состава местного комитета – один год, после чего назначались переборы, в которых могли принимать участие как председатель, так и члены уже уходящего состава. Однако ни один из этих органов самоуправления не проработал в данном составе и года. Причины кризиса, постигшего местные ко-

¹ Имеется в виду Канцелярия главноуполномоченного по государственным театрам.

митеты театров практически сразу же после их создания, были изложены в постановлении «соединенного Комитета Государственных театров и мастерских» от 16 ноября, направленного главномуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову. «Принимая во внимание», говорилось в этом документе, «что, несмотря на повторные собрания соединенного Комитета, которые не могли состояться за неприбытием законного числа членов, и видя в этом известное течение по театрам, в коем рабочие за этими Комитетами не видят законных прав, как лиц, назначенных по инструкции, Председатель соединенного Комитета, председатели местных комитетов и все присутствующие вносят предложение о пересмотре инструкции Комитета и о назначении членов Комитета исключительно по выбору»¹. На постановлении сохранилась резолюция Ф.Д. Батюшкова: «Выборы состоятся и инструкции уже переработаны»².

Таким образом, причиной недоверия к местным комитетам был полудемократический характер их комплектования, закрепленный в «Краткой инструкции» от 25 июля. К ноябрю 1917 г. этот документ уже во многом устарел; кардинально изменившиеся условия деятельности государственных театров, борьба их с советской властью вынуждали театральное руководство идти по пути демократизации и самоуправления значительно дальше, чем это предполагалось при Временном правительстве. Эти обстоятельства явились причиной разработки в Управлении государственных театров «по соглашению с выборными представителями от всех комитетов»³ нового документа, регулировавшего вопросы формирования и деятельности месткомов в более демократическом ключе – «Временного положения о местных комитетах при государственных театрах». Документ был готов и стал применяться уже в конце ноября (так, на состоявшемся 25 ноября общем собрании рабочих и служащих Александринского театра председательствующий М.А. Филиппов сообщил собравшимся «вновь пересмотренную и измененную инструкцию о выборах в местный и центральный комитеты», после чего было приступлено к перевыборам месткома⁴), но официальное его утверждение Ф.Д. Батюшковым последовало лишь 1 декабря, одновременно с отменой действия «Краткой инструкции»⁵.

Новое «положение» было короче предшествующего и состояло всего из 15 параграфов⁶. Основные его отличия заключались в следующем: в § 1 (соответствующем §§ 2 – 6 «Краткой инструкции») вместо порядка комплектования месткомов, четко прописанного в § 3 «Краткой инструкции» (от

¹ Отметим, что это единственный обнаруженный нами документ, исходящий от данного органа, хотя из его содержания следует, что собрание «соединенного комитета» 16 ноября было, как минимум, не первым (упоминание о неудавшемся созыве «повторных» собраний).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 48.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 7. Д. 1. Л. 19 об.

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 32 – 32 об.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. ЛЛ. 33 – 34.

каждой части – по одному младшему служащему и заведующему частью) имелось весьма демократичное указание: «Число и состав комитета определяется Общим Собранием». Далее, если согласно § 7 «Краткой инструкции» председатель месткома выбирался только из числа заведующих отдельными частями, то в соответствующем параграфе «Временного положения» (§ 2) подобное условие отсутствовало, равно как и указание на необходимость образовательного ценза. Имевшееся в «Краткой инструкции» (§ 9) упоминание о том, что собрания месткомов устраиваются «в свободное от служебных занятий время» во «Временном положении» (§ 3) также исчезло. Кроме того, отныне постановления месткомов должны были утверждаться не «Канцелярией театров» (§ 14 «Краткой инструкции»), а лично главноуполномоченным по государственным театрам (§ 9 «Временного положения»)¹.

Еще одним нововведением, появившемся во «Временном положении», стало право представителей «от каждой категории служащих» (в тексте документа не указывалось, что это обязательно должны быть члены месткомов) присутствовать при обсуждении годового бюджета государственных театров «для совместного выяснения вопросов, имеющих отношение к материальному быту служащих» (§ 10). Поскольку какие-либо конкретные права «представителей» при обсуждении бюджета в документе не указывались, надо полагать, что они наделялись лишь совещательным голосом.

Принципиально новыми во «Временном положении» были параграфы 7–9, в которых были изложены функции Центрального комитета государственных театров (далее в тексте – ЦКГТ). В «Краткой инструкции», как уже говорилось выше, в качестве объединяющего месткомы органа было предусмотрено соединенное собрание, созывавшееся время от времени («по мере надобности»)². Согласно «Временному положению», ЦКГТ состоял из председателя и членов, в число которых входили председатели и по пять выборных делегатов от каждого месткома (§ 7), на его рассмотрение выносились те же вопросы, которые еще «Краткой инструкцией» были предусмотрены для рассмотрения на «соединенном собрании» – т. е. вопросы, общие для всех театров и претензии лиц, несогласных с решениями месткомов (§§ 7 и 8); при этом имелось уточнение (призванное разгрузить ЦКГТ от потенциально возможного потока жалоб на месткомы), что «заявления о пересмотре вопроса Центральным комитетом должны быть подписаны не менее, как 50-тью ли-

¹ Отметим при этом одну деталь: если в «Краткой инструкции» предписывалось передавать на утверждение Канцелярии лишь постановления месткомов «принципиального и административного характера», а для тех, которые затрагивали «разного рода внутренние взаимоотношения между служащими разных категорий и рангов», это было не обязательно, то во «Временном положении» такой оговорки уже нет – утверждению (главноуполномоченным), согласно § 9 данного документа, должны подвергаться все постановления местных комитетов.

² Возможно, в реальной практике была попытка сделать этот орган постоянно действующим – так, уже приведенное выше отношение к Ф.Д. Батюшкову от 16 ноября было подписано председателем «соединенного комитета государственных театров и мастерских» (нельзя, однако, исключать, что рабочие делегаты не придавали особого значения замене «собрания» на «комитет»).

цами». Помимо того, передавать дела на заключение ЦКГТ могло Управление государственных театров (§ 8).

Статус ЦКГТ был выше, чем у его предшественника – «соединенного собрания». Если на постановления последнего, как уже отмечалось, можно было принести жалобу управляющему Канцелярией главноуполномоченного или самому главноуполномоченному, то постановления ЦКГТ являлись окончательными, кроме «вопросов бюджетного характера и охраны государственного имущества¹, которые также требуют утверждения главноуполномоченного»; при этом в случае разногласия между главноуполномоченным и ЦКГТ, вопрос передавался в «высшую инстанцию» (§ 9). Последняя в документе никак не конкретизирована, и это неудивительно – на исходе ноября 1917 г. у руководителей Управления государственных театров (признававших законной власть Временного правительства в лице вр. и. о. комиссара над бывшим МИДв Н.Э. Рюдмана²) и театральных рабочих (все более тяготивших к большевикам) представления о легитимном высшем руководстве кардинально различались.

«Временное положение», изданное в совершенно иных политических условиях, чем «Краткая инструкция», оставило неизменной сферу компетенции месткомов (§ 15 «Временного положения», посвященный этому вопросу, практически полностью совпадает с § 22 «Краткой инструкции»); однако, оно предусматривало более демократический порядок их комплектования, ослабляло их зависимость от театральной администрации и одновременно укрепляло в них объединительное начало через создание ЦКГТ, о деятельности которого, равно как и самих местных комитетов, речь пойдет ниже.

Выборы и состав местных комитетов

Через неделю после утверждения Ф.Д. Батюшковым «Краткой инструкции» сведения об учреждении при петроградских государственных театрах местных комитетов появились в печати³. Предстоящих выборов ожидали не только в рабочей среде, но и в сферах театральной администрации, представители которой, не имея силы справиться со все возрастающими требованиями рабочих⁴, возлагали на месткомы определенные надежды. В этом

¹ Выделенные нами курсивом слова были вписаны Ф.Д. Батюшковым в печатный текст документа.

² См. о Н.Э. Рюдмане: *Гордеев П.Н.* Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора. С. 182 – 188.

³ Местные комитеты // Петроградская газета. 1917. 2 августа.

⁴ Красочную картину разложения дисциплины среди рабочего персонала государственных театров нарисовал корреспондент «Нового времени» (статья не подписана, но по некоторым признакам – критика В.А. Теляковского, поддержка Е.П. Карпова и др. – можно предположить, что ее автором был К.С. Острожский, часто писавший в «Новом времени» о театральных делах; см.: *Гордеев П.Н.* Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов / Отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. СПб., 2012. С. 138 – 139): «<...> Еще хуже обстоит дело с низшим

смысле показателен рапорт заведующего электрической станцией Мариинского театра инженера Ф.Ф. Семирадзкого¹ в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам от 4 августа. Сообщая о том, что «некоторые из числа служащих при станции периодически не являются на службу, а также под каким-либо необоснованным предлогом уходят со службы ранее установленного срока», Семирадзкий отмечал: «Попытки понудить путем переговоров и увещаний служащих при станции относиться более добросовестно к исполнению своих обязанностей не привели к положительным результатам, оказывать же какое-либо воздействие мерами репрессивного характера в настоящее время не представляется возможным. Крайне желательно было бы возможно скорее открыть действие “Комитетов”, при посредстве которых, может быть, удалось бы иметь какое-либо воздействие на неисправных и нерадивых служащих»².

В середине августа 1917 г. в государственных театрах начались выборы в местные комитеты. Так, состав местного комитета Мариинского театра определился уже 22 августа³; председателем его был выбран машинист-механик театра Ф.Л. Графф⁴, товарищем председателя – гардеробмейстер те-

персоналом – рабочими в театральных мастерских. В летнее время занятия в мастерских, которые ведут подготовительные работы по постановкам, начинаются в 10 час. утра и кончаются... в 2 час. дня, т. е. составляют “четырёхчасовой рабочий день”. С 10 августа работы должны производиться с 10 час. утра до 5 час. дня, т. е. в течение семи часов, но рабочие не находят возможным согласиться на такую чрезмерную “эксплоатацию” их труда и за последние дни устраивают по этому поводу совещания... в рабочие часы “четырёхчасового рабочего дня”. Любопытно отметить, что в течение лета каждому рабочему был дан шестинедельный отпуск, с сохранением *полного* содержания. При таких условиях “дружной, совместной работы всех деятелей театра” положение руководителя государственных театров г. Батюшкова “хуже директорского”...» («Цветочки автономии» // Новое время. 1917. 16 августа).

¹ Франц-Сильвестр-Георгий Францевич Семирадзкий закончил Московское Техническое училище, состоял на службе в императорских театрах с 1899 г., в качестве заведующего электрической станцией (сначала Михайловского, а с 1900 г. – Мариинского театров). Параллельно со службой в театрах работал в Управлении железных дорог Министерства путей сообщения и преподавал на Петроградских женских политехнических курсах (РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 2835. ЛЛ. 4 а, 4 в, 17 – 17 об., 20, 36 – 37, 98; Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 616).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1528. ЛЛ. 146 – 146 об.

³ Выборы в него начались не позднее 16 августа; в архивном деле сохранились постановления различных групп театральных рабочих и служащих о выборах в местный комитет своих делегатов, датированные 16, 20, 21 августа (Там же. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 11 – 19).

⁴ Федор Людвигович Графф родился 24 января 1887 г. в семье французского подданного Людвига Граффа (католического вероисповедания) и его жены Марии Николаевны (православной). Сам Ф.Л. Графф также стал гражданином Франции (по крайней мере, в его личном деле еще в 1909 г. есть упоминание о французском подданстве, а вот каких-либо документов о смене его на российское не имеется, что заставляет предполагать наличие у Ф.Л. Граффа французского гражданства и в 1917 году). Мещанин. Закончив в июне 1906 г. обучение в Бологовском техническом железнодорожном училище (три класса), он был командирован на Николаевскую железную дорогу для прохождения двухлетней практики, но профессии железнодорожника предпочел иное поприще, и уже в сентябре того же года поступил на службу в Дирекцию императорских театров. Начав как помощник машини-

атра Н.А. Печатников¹ (данных о том, кто был секретарем и существовала ли такая должность в этом месткоме, обнаружить не удалось). Членами комите-

ста-механика Михайловского театра, Ф.Л. Графф в 1910 г. становится исполняющим должность машиниста-механика, а в 1915 г. переводится на аналогичную должность в Мариинский театр (подписываясь в документах 1916 г. уже без приставки «и. д.»). Окончательно утвержден в должности машиниста-механика Мариинского театра с 15 марта 1917 г. Как общественный деятель, Ф.Л. Графф, вероятно, пользовался большим авторитетом у технического персонала Мариинского театра; будучи избран председателем месткома первого состава еще в августе 1917 г., Графф оставался на этой должности как минимум до октября 1918 г. Член ЦКГТ. В январе 1920 г. он был уволен от службы в государственных театрах. Интересной деталью биографии Ф.Л. Граффа является смена им русского отчества «Людвигович» на русское «Павлович». Так, например, в справочнике «Весь Петроград на 1917 год» по адресу ул. Большая Московская, 14 указан проживающим Федор Людвигович Графф, а в изданном в 1931 г. «Всем Ленинграде», по тому же адресу – Федор Павлович (краткая справка о Ф.Л. Граффе, содержащаяся во втором из указанных изданий, является последним из обнаруженных нами упоминаний о нем). Впрочем, уже в документах 1917 года, исходящих от месткома Мариинского театра или от самого Ф.Л. Граффа, его инициалы обозначены буквами «Ф.П.» Отчество «Павлович» встречается у Граффа и в бумагах предшествующих лет, еще до Первой мировой войны, которая, как известно, породила волну русификации имен и фамилий (прежде всего – немецких). С.Л. Бертенсон, знавший Ф.Л. Граффа лично, вспоминал, что тот был «всегда одним из самых дельных, спокойных, исполнительных, предупредительных и лояльных служащих» (хотя и отметил там же, что после Октябрьской революции Графф, «сохраняя внешне полную лояльность в отношении администрации и исполняя все ее распоряжения, в то же самое время занимался вербовкой сочувствующих большевикам») (Там же. Оп. 5. Д. 831. ЛЛ. 1 а об., 2, 4 – 6, 9, 11, 38 – 40, 46 – 48; Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 8, 38; Оп. 9. Д. 1528. Л. 35; Список личного состава служащих по постановочной части // Ежегодник императорских театров. Вып. XVIII. Сезон 1907 – 1908 гг. Ч. 2. С. 60; Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 181; Весь Ленинград. Адресная и справочная книга на 1931 год. [Л., 1931]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 120; Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 237, 241).

¹ Николай Алексеевич Печатников родился 24 июля 1879 г. в Петербурге, в семье крестьян (впоследствии перешел в мещанское сословие). Закончив в 1897 г. Санкт-Петербургское Театральное училище (балетное отделение), поступил на службу в императорские театры в качестве артиста балета. Одновременно с этим, с 1 августа 1907 г. был «командирован» для исполнения обязанностей гардеробмейстера Мариинского театра. 1 сентября 1917 г., по достижении двадцатилетнего срока службы в балетной труппе, был уволен и тут же снова взят на службу – в качестве гардеробмейстера «по вольному найму». До 1922 г. заведовал мужским гардеробом театра, в 1922 – 1923 гг. – Эксплуатационным отделом Художественно-постановочной части. В 1923 г. был уволен по сокращению штатов. Н.А. Печатников стал активным участником общественной жизни в театрах задолго до 1917 г. В.А. Теляковский вспоминал, что еще в 1905 г. Печатников вместе с некоторыми другими артистами балета явился к нему «с просьбой разрешить им представить список материальных нужд артистов балетной труппы». В 1910 г. Печатников женился на Софии Карловне Гренберг, также служившей в императорских театрах, а в 1917 г. избранной в местный комитет мастерских и в ЦКГТ (подробнее о ней см. ниже). Их брачный союз является уникальным примером активного участия обоих супругов в деятельности месткомов (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 818. ЛЛ. 13, 16 – 17, 40, 56 – 57, 103 – 104, 142; Из танцовщиков в гардеробмейстеры // Петроградская газета. 1917. 22 сентября; Теляковский В.А. Императорские театры и 1905 год // Теляковский В.А. Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 278).

та были избраны: художник П.Б. Ламбин, заведующий освещением театра Г.С. Леонов, заведующий электрической станцией Ф.Ф. Семирадский, заведующий зданием театра Г.К. Столица, а также представители рабочих и младших служащих: служащие гардероба Н.И. Носов и М.М. Романова¹, машинист И. Николаев, осветитель С.А. Есененок, швейцар Г.С. Мазур, плотники Г.Т. Воронин и С.К. Кириллов, капельдинер Г. Хорошилов, служащие Ф.Г. Григорьев, И.А. Лебедев, Е.А. Шишко². Итого, вместе с председателем и его товарищем, 17 человек.

Спустя месяц состав месткома претерпел небольшие изменения – 23 сентября председатель комитета Ф.Л. Графф сообщал в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам, что «делегатом от артели плотников, взамен отказавшегося Семена Кириллова, избран плотник Василий Яковлев»³.

Список членов месткома второго состава (избранного уже не по «Краткой инструкции», а по «Временному положению») был отправлен Ф.Л. Граффом в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам 2 декабря⁴. В данном составе число членов месткома сократилось до тринадцати. Председателем его остался Ф.Л. Графф, товарищем председателя был избран осветитель М.А. Безобразов⁵, впервые попавший в состав коми-

¹ Вместо первоначально избранной, но затем отказавшейся работницы женского гардероба Н.В. Беляевой (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 12).

² Там же. Л. 8. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 23 августа (Там же).

³ Там же. Оп. 13. Д. 1240. Л. 35. Объявление об этой замене было вывешено в театре и попало на глаза корреспонденту «Петроградской газеты», который, приведя его текст в заметке, иронически вопрошал: «К сожалению, мы не можем сказать: отразится ли эта перемена на искусстве, или не отразится?..» (Важное сообщение // Петроградская газета. 1917. 1 октября). Вообще на страницах этой газеты, уделявшей всегда очень большое внимание театральным делам, месткомы не жаловали. Забегая вперед, процитируем заметку, помещенную в «Петроградской газете» незадолго до Октябрьской революции: «Роль Крупенского (имеется в виду А.Д. Крупенский, бывший управляющий Санкт-Петербургской конторой императорских театров – П.Г.) в государственных театрах взяли на себя так называемые “местные комитеты”. В Михайловском театре, по распоряжению “местного комитета”, запрещен вход за кулисы посторонним лицам. Автономные комитеты вообще только и делают, что издают разные запретительные меры. Очевидно, слово “автономия” понимается на казенной сцене как нечто исключаящее всякое понятие о свободе» (Чем занимаются автономные комитеты // Там же. 17 октября).

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 38. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 4 декабря (Там же).

⁵ Михаил Александрович Безобразов родился около 1881 г. (в сохранившемся в его личном деле документе 1912 г. указан его возраст – 31 год). До 1908 г. именовался в делопроизводительной переписке Михаилом Александровым. Дату поступления Безобразова на службу в императорские театры установить пока не удалось. В августе 1906 г. он состоял плотником Александринского театра; с 1 сентября 1906 г. назначен осветителем Мариинского театра, с 1 сентября 1912 г. – старшим осветителем. В январе 1917 г. Безобразов был призван на военную службу; вскоре от нее освободился и вернулся в театр (1 сентября 1917 г.). Член ЦКГТ. 21 декабря 1922 г. вместе с тремя другими осветителями уволен из театра «за срыв монтировочной репетиции оперы “Аида”»; однако, в июле 1923 г. он уже снова на службе в ГАТОБе (бывшем Мариинском театре), в должности помощника заве-

тета. Из прежних членов в составе месткома остались: Г.Т. Воронин, Г.С. Мазур, Н.И. Носов, Н.А. Печатников, М.М. Романова, Г.К. Столица и В.Я. Яковлев¹, избранный секретарем комитета. Помимо них, появились несколько новых членов: установщик электрической станции А.В. Иванов, рабочие и служащие театра В. Глотов, К. Калмыков, М. Шашков. Таким образом, из 13 членов лишь четверо не были в месткоме прежнего состава.

25 августа состоялось первое собрание местного комитета Александринского театра², на котором были избраны: председателем – машинист-механик театра М.А. Филиппов³, его товарищем – осветитель Ф.Г. Бровкин⁴,

дующего освещением. 2 декабря 1923 г., оставаясь на службе в театре, скончался (Там же. Оп. 13. Д. 67. ЛЛ. 1, 14, 49 – 50, 52, 92, 97 – 101).

¹ Василий Яковлев (раскрыть инициал отчества пока не удалось: в отношении Ф.Л. Граффа, направленном в Канцелярию главноуполномоченного 2 декабря 1917 г. он поименован В.А. Яковлевым, в «Вестнике Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам с 7-го по 10-е декабря 1917 года» – В.Я. Яковлевым; мы отдаем предпочтение второму варианту, как исходящему от более представительного источника) работал плотником в Мариинском театре с января 1910 г. 9 февраля 1916 г. был призван на военную службу; проходил ее, по всей видимости, в Петрограде (Ф.Л. Графф 24 марта 1916 г. докладывал помощнику управляющего Петроградской конторой императорских театров, что «призванный по мобилизации плотник Василий Яковлев, с 20 Марта работает при вечерних спектаклях»). Окончательно освобожден от военной службы и вернулся в театр 30 августа 1917 г. Член ЦКГТ. Интересно, что отношения В.Я. Яковлева с «родным» месткомом в конце 1917 г. стали портиться: в официальном «Вестнике Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам с 18-го по 20-е декабря 1917 года» было опубликовано интересное объявление: «Согласно утвержденному г. главноуполномоченным постановлению местного комитета Мариинского театра предлагается прекратить производство содержания неявляющемуся к исполнению служебных обязанностей плотнику Мариинского театра Василию Яковлеву – с 10 декабря с. г.». 13 мая 1918 г. постановлением месткома Мариинского театра Яковлев был уволен от службы в театрах «по собственному желанию» (с 1 мая) (Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 38; Оп. 13. Д. 1240. ЛЛ. 1 – 11, 28, 32 – 36; Оп. 16. Д. 384. ЛЛ. 41 об. – 42, 158 об. – 159; ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 7. Д. 1. ЛЛ. 21, 25 об.).

² Выборы в него начались не позднее 11 августа; в архивном деле сохранились постановления различных групп театральных рабочих и служащих о выборах в местный комитет своих делегатов, датированные 11 и 15 августа (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 3–6).

³ Михаил Андреевич Филиппов поступил на службу в императорские театры 15 августа 1901 г., в 1901 – 1907 гг. служил помощником машиниста-механика сначала Мариинского, затем Михайловского театров; 1 декабря 1907 г. назначен и. д. машиниста-механика Александринского театра, 15 марта 1917 г. утвержден в этой должности. В конце 1930-х гг. все еще служил в театральном ведомстве (Там же. Д. 5110. Л. 30; Оп. 9. Д. 1528. Л. 35; Список личного состава служащих по монтажной части // Ежегодник императорских театров. Вып. XIII. Сезон 1902–1903 гг. Ч. 2. С. 120; Список личного состава служащих по монтажной части // Там же. Вып. XVII. Сезон 1906 – 1907 гг. Ч. 2. С. 64; Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 713; Весь Ленинград на 1935 год. Адресная и справочная книга. Л., 1935. Отд. XIV. С. 422; Список абонентов ленинградской городской телефонной сети. Л., 1940. С. 213).

⁴ Федор Григорьевич Бровкин родился 18 сентября 1885 г. в деревне Гридино Порховского уезда Псковской губернии, в крестьянской семье. Вплоть до 1910 г. он фигурировал в документах Дирекции театров как «крестьянин Федор Григорьев», и лишь затем появляется фамилия Бровкин. В юности недолго (4 месяца) проучился в сельской школе; затем,

секретарем – А.Д. Харкевич¹. Членами комитета были избраны: заведующий зданием театра Н.В. Волков, заведующий освещением В.Д. Щеголев, заведующий электрической станцией театра Р.Р. Юхневич, художник А.К. Шервашидзе, бутафор А.О. Соков, установщик электрической станции М.А. Лембер, капельдинер Н.К. Иванов, плотники П.А. Андреев и П.Я. Яковлев, рабочие и служащие театра Т.Т. Коняев, И.Г. Лавринайтис, А.П. Мурзин, О.А. Соколова, П.И. Сысоев². Всего, как и в первом составе месткома Мариинского театра, 17 человек.

Второй состав месткома Александринского театра был избран на общем собрании рабочих и служащих театра (присутствовало 103 человека), состоявшимся 25 ноября под председательством М.А. Филиппова³. 26 нояб-

как указал в 1926 г. сам Бровкин в анкете, переехав в 1896 г. «в город» (Петербург?), продолжил там образование: «на частных курсах проходил курс за 4 класса Гимназ[ии] в 1909 – 1910 г.» (можно, правда, усомниться в качестве подобных «курсов» и соответствии их гимназическому уровню. Не все в порядке и с датами – в другой анкете (1924 г.) временем прохождения «частных курсов» указываются 1910 – 1911 гг.). В 1896 – 1905 гг. был сначала учеником в частной столярной мастерской, затем столяром. С 1 ноября 1905 г. – на службе в императорских театрах; изначально был принят на вакансию осветителя в Мариинский театр, но уже 18 ноября того же года переведен на аналогичную должность в Александринский. В должности осветителя Бровкин и встретил Февральскую революцию. Член ЦКГТ. В советское время получил повышение – так, в документах 1919 г. он уже «помощник заведующего освещением» Александринского театра (на указанной должности оставался как минимум до 1927 г.). На 1926 г. – беспартийный. Скончался в феврале 1942 г., во время блокады Ленинграда. Как об одном из лидеров «технического персонала» театров в период революции (наравне с А.О. Соковым и неким «старостой капельдинеров», о которых речь пойдет ниже), вспоминал о Ф.Г. Бровкине актер Д.Х. Пашковский в автобиографии, написанной в 1927 г. С.Л. Бертенсон, заведовавший в 1917 г. Постановочной частью государственных театров, также посвятил Ф.Г. Бровкину несколько строк в своих мемуарах; Бровкин, по мнению Бертенсона, «был типичным представителем той самой полуинтеллигенции, которая воспиталась на пропагандных брошюрках, и неизменно уснащал свой разговор готовыми, заезженными фразами из “политграмоты”. Он был славным и добродушным человеком, отлично знавшим свою профессию. Я лично находился с ним в самых лучших отношениях и всегда слегка подсмеивался над его желанием производить впечатление крайнего революционера» (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 126. ЛЛ. 1 – 4, 6 об., 20, 68, 70, 90; ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 45. ГИК 20912/1. Л. 2; Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 год. Адресная и справочная книга. [Л., 1928]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 73; *Бертенсон С.Л.* Вокруг искусства. С. 237; Ленинград. Блокада. 1941 – 1944. Т. 4. СПб., 1998. С. 293).

¹ Единственное упоминание об Анне Доминиковне Харкевич встретилось нам в личном деле ее сестры Е.Д. Харкевич: 5 декабря 1906 г. временно заведующая Складом монтажных материалов М.П. Небратова доносила помощнику управляющего Конторой, что «состоящие для письменных занятий при Складе, Екатерина и Анна Харкевичи, явились сего числа на службу, в виду окончившегося срока наложенного на них карантина» (карантин был наложен в ноябре 1906 г. в связи с болезнью племянника обеих дам Николая) (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1136. ЛЛ. 14 – 15).

² Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 7. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 26 августа: Там же.

³ Там же. ЛЛ. 32 – 32 об. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 29 ноября: Там же. Л. 31.

ря, на своем первом заседании, члены месткома выбрали президиум¹. Количество членов местного комитета, как и в Мариинском театре, сократилось до тринадцати. Председателем был избран бутафор А.О. Соков, товарищем председателя – сторож Я.С. Семенов², секретарем – Ф.Г. Бровкин. Из прежних членов в месткоме второго состава остались П.А. Андреев, Н.К. Иванов, М.А. Лембер, П.И. Сысоев, П.Я. Яковлев; их коллегами стали капельдинеры В.Д. Бобров и В.И. Ткаченко, кассирша А.П. Клица, сторож Е.Ф. Федоров, пожарный Е.Т. Терентьев.

В Михайловском театре процесс создания местного комитета несколько затянулся – выборы членов месткома первого состава там также производились в августе³, однако возникла заминка с утверждением кандидатуры осветителя И.С. Степанова в качестве председателя комитета. По крайней мере, еще 20 сентября члены месткома Михайловского театра (включая и самого Степанова) обратились к Ф.Д. Батюшкову с просьбой «утвердить выборного Председателя Иону Степановича Степанова, так как он требуемый образовательный ценз имеет»⁴. 25 сентября последовал ответ главноуполномоченного, соглашавшегося на утверждение Степанова, обязывая его при этом «представить, для приобщения к делу, копию свидетельства о Вашем образовательном цензе, требуемого § 7 Инструкции»⁵.

Местком Михайловского театра уступал по числу своих членов комитетам двух других государственных театров – в него входило только девять человек. Наряду с председателем комитета И.С. Степановым⁶, товарищем председателя, машинистом-механиком театра Г.В. Павловым⁷ и секретарем,

¹ Там же.

² Яков Семенович Семенов – участник русско-японской войны, на которой был ранен и награжден знаком отличия Военного ордена («Георгиевским крестом») 4 степени. 1 июля 1909 г. запасной младший унтер-офицер Я.С. Семенов 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка поступает на службу в императорские театры (сторожем в Михайловский театр). В 1911 и 1912 гг. дважды просил о переводе его в младшие капельдинеры (оба прошения были отклонены). В 1915 – 1916 гг. Семенов уже сторож Александринского театра; в апреле 1918 г. состоял вахтером того же театра (Там же. Оп. 13. Д. 946. ЛЛ. 2, 4, 9, 16, 19, 31, 35 – 36).

³ Сохранился протокол заседания служащих электрической станции театра от 19 августа, избравших своим делегатом И.С. Степанова (Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 9).

⁴ Там же. Л. 20. На документе стоит резолюция Ф.Д. Батюшкова от 21 сентября: «Утверждаю».

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Иона (в некоторых документах: Ион) Степанович Степанов происходил из мещан г. Режицка Витебской губернии. Принят на службу в императорские театры (осветителем в Михайловский театр) 15 октября 1903 г. Перед революцией занимал должность установщика электрической станции Михайловского театра. Скончался в апреле 1919 г. (Там же. Оп. 13. Д. 1030. ЛЛ. 2 – 3, 72 – 73).

⁷ Георгий Васильевич Павлов был 15 января 1910 г. назначен помощником машиниста-механика Александринского театра, 1 октября 1915 г. – и. д. машиниста-механика Михайловского театра, 15 марта 1917 г. утвержден в этой должности. После революции одно время занимал пост «заведующего художественной частью» МАЛЕГОТа, в 1935 г. все еще служил в театре (Там же. Оп. 9. Д. 1528. Л. 35; Список личного состава служащих по постановочной части // Приложение к Ежегоднику императорских театров. 1913. С. 136;

гардеробмейстером К.Т. Петровым¹ в него вошли рабочие и служащие театра: гардеробмейстерша А.И. Защук, заведующий зданием А.Е. Крылов, заведующий электрической станцией Л.П. Медер, бутафор В.Ф. Полтаев, плотник И.А. Соловьев и осветитель И.Н. Федоров².

Местком Михайловского театра второго состава был избран 10 декабря на общем собрании служащих театра³. Членами месткома стали: заведующий зданием А.Е. Крылов (председатель), осветитель И.Н. Федоров⁴ (товарищ председателя), кассирша О.В. Роговская⁵ (секретарь), сторожа Н.Е. Егоров и М.И. Федорчук, капельдинеры И.И. Меньшиков и Д.К. Костырев, плотники И.А. Соловьев и М.А. Суренков, старший машинист Д.М. Поляков, пожарный Ф.В. Фиалковский. Всего 11 человек, из которых только трое (Крылов, Соловьев, Федоров) остались от первого состава.

23 августа состоялось первое собрание местного комитета мастерских государственных театров, на котором председателем месткома был избран

Весь Ленинград на 1924 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., [1924]. Алфавитный указатель жителей Петрограда. С. 201; Весь Ленинград на 1935 год. Адресная и справочная книга. Л., 1935. Отд. XIV. С. 304).

¹ Кирилл Тимофеевич Петров родился 9 марта 1864 г. (по другим данным, 1865 г.) в г. Луге. Происходил из мещанского сословия (отец – приказчик, мать – прачка). Окончил 4-х классное городское училище и получил профессию портного. В 1889 г. (по другим данным, в 1890 г.) поступил на службу в императорские театры (писцом при гардеробе Михайловского театра). 1 февраля 1895 г. назначен помощником гардеробмейстера, 1 мая 1899 г. – гардеробмейстером того же театра. 14 апреля 1913 г. удостоен звания личного почетного гражданина. К.Т. Петров несколько раз подвергался взысканиям за небрежное отношение к служебным обязанностям (1909, 1911, 1927 гг.). В 1920-х гг. занимал должность заведующего мужским гардеробом Михайловского театра. Последнее обнаруженное нами упоминание о К.Т. Петрове содержится в справочнике «Весь Ленинград» за 1931 г. (указано, что он – сотрудник МАЛЕГОТа) (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 801. ЛЛ. 1 – 3 об., 5 – 6, 8, 10 – 11, 25 – 27, 32, 37, 47, 49, 60 – 65; Весь Ленинград. Адресная и справочная книга на 1931 год. Л., [1935]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 361).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 20; Комитет Михайловского театра // Петроградская газета. 1917. 1 октября.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 43 – 43 об. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 12 декабря (Там же. Л. 43).

⁴ Илья Николаевич Федоров, мещанин Тверской губернии, поступил осветителем в Михайловский театр в 1900 г. на место своего отца, Н.Г. Федорова, служившего в театральном ведомстве в течение 42 лет и уволенного по болезни. В 1917 г. И.Н. Федоров – член ЦКГТ и секретарь «Союза рабочих и служащих петроградских государственных театров». Скончался 18 апреля 1922 г., состоя все в той же должности – «электроосветителя Малегата» (Там же. Оп. 13. Д. 1103. ЛЛ. 1, 34 – 36, 47).

⁵ Ольга Всеволодовна Роговская (урожденная Вахарловская, по первому мужу фон Бреверн), дочь генерал-майора, окончила Екатерининскую женскую гимназию. В апреле 1909 г. О. фон Бреверн обратилась с прошением к управляющему Санкт-Петербургской конторы императорских театров А.Д. Крупенскому, в котором писала, что «неудачно сложившаяся семейная жизнь принуждает меня искать трудового заработка». В связи с этим она просила назначить ее на должность кассирши. Это назначение, однако, состоялось только 15 октября 1910 г. На ноябрь 1917 г. Роговская – кассирша Михайловского театра; в июле 1919 г. – Александринского. Тогда же, в июле 1919 г., она переходит из кассирш в «мимистки II категории» (Там же. Д. 124. ЛЛ. 1 б – 2, 5, 7, 12, 16 – 17).

заведующий красильной мастерской А.Б. Сальников¹, товарищем председателя – смотрительница Главного гардероба С.К. Гренберг², секретарем – служащая при Кладовой остатков И.Н. Рюмина³. На заседании, помимо выбранных в президиум, присутствовали еще 12 членов месткома – служащих в мастерских государственных театров: костюмер А.П. Павлов, костюмерша А.Ф. Иващенко, маляр В.М. Кокин, портниха А.Ф. Павлова, смотрительница

¹ Александр Борисович Сальников родился в 1874 г., начал службу в императорских театрах 1 апреля 1902 г. Личный почетный гражданин, художник, заведующий красильной мастерской императорских театров, Сальников выступал в печати (в «Ежегоднике императорских театров») с рассказом о работе подчиненной ему мастерской. Скончался во время блокады Ленинграда, в марте 1942 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 354. ЛЛ. 1 – 66; *Сальников А.Б.* Окраска тканей и роспись костюмов в красильне С.-Петербургских императорских театров // Ежегодник императорских театров. 1911. Вып. II. С. 44 – 52; Список личного состава служащих по постановочной части // Приложение к Ежегоднику императорских театров. 1913. С. 137; *Весь Петроград на 1917 год*. Пг., 1917. Отд. III. С. 605; Ленинград. Блокада. 1941 – 1944. СПб., 2005. Т. 26. С. 489).

² София Карловна Гренберг родилась 12 июня 1884 г. в селе Шувалово Санкт-Петербургского уезда и губернии, в дворянской семье. По вероисповеданию католичка. Отец – инженер путей сообщения. О своем национальном происхождении в анкете 1926 г. С.К. Гренберг написала: «русско-подданная, определенной национальности не имею (родители от смешанных национальностей)»; тем не менее, в некоторых списках лиц, служащих в театре по постановочной части, значилась под «русифицированным» отчеством «Павловна». Закончив Александровский институт и двухлетние педагогические курсы при нем, в 1905 г. Гренберг была принята на службу в императорские театры «для письменных занятий при складе постановочных материалов» (рекомендацию при поступлении на службу дал Л.Д. Мецнер). В 1907 г. назначена смотрительницей мужского отдела Главного гардероба, в 1908 г. – смотрительницей Главного гардероба. В этой должности пребывала до революции; затем была переименована в «заведующую Главным гардеробом» (при том, что административные функции за ней числились и раньше; в 1927 г. Гренберг указывала, что 1 января 1927 г. «исполнилось 20 лет заведывания мною Главным Гардеробом Актёв»). Член ЦКГТ. В 1910 г. вышла замуж за Н.А. Печатникова, у них родилось двое детей. Некоторое время после свадьбы подписывалась «Печатникова-Гренберг», затем употребляла только девичью фамилию. Последние обнаруженные документы С.К. Гренберг относятся к маю 1928 г., когда она еще продолжала работать в государственных театрах, все в той же должности заведующей Главным гардеробом (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 286. ЛЛ. 1 – 5, 13, 23 – 26, 80 об., 87, 94; Список личного состава служащих по постановочной части // Ежегодник императорских театров. Вып. XVIII. Сезон 1907 – 1908 гг. Ч. 2. С. 61).

³ Инна Николаевна Рюмина, дочь доктора медицины, родилась 28 апреля 1889 г. Окончила курс Петроградской Покровской женской гимназии «с золотой медалью и с 8-м педагогическим классом на звание домашней наставницы». 15 сентября 1916 г. обратилась к управляющему Петроградской конторой императорских театров барону В.А. Кусову с просьбой зачислить ее в Контору «для занятий по письменной части». Временно определена на службу, для письменных занятий при Кладовой остатков, 19 сентября 1916 г.; переведена в постоянный состав служащих (по той же должности) с 1 декабря 1916 г. 28 декабря того же года помощник управляющего Конторой Л.Д. Мецнер ходатайствовал перед В.А. Кусовым о повышении оклада Рюминой, как «проявившей усердное и добросовестное отношение к исполнению своих служебных обязанностей и весьма полезной для дела». В сентябре 1918 г. смотрительница Кладовой остатков О. Пшенская просила местный комитет мастерских назначить И.Н. Рюмину ее помощницей (местком дал свое согласие) (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 922. ЛЛ. 2 – 2 об., 6 – 7, 9 – 9 об.).

Кладовой остатков М.П. Небратова¹, служащие С. Алексеев, С. Евсеев, Иванова, Е.Н. Коншина, М. Петров, А. Сергеев, Слюсарчук². Вместе с членами президиума в местном мастерских оказалось, таким образом, 15 человек.

Не позднее 2 декабря 1917 г. был избран второй состав этого месткома. На состоявшемся 2 декабря заседании члены обновленного месткома мастерских выбрали президиум. Председателем был избран помощник костюмера Н.К. Бордюг³, товарищем председателя – резчик бутафорской мастерской В.В. Митрофанов (принимавший активное участие в движении театральных рабочих еще весной 1917 г. – см. выше), секретарем – С.К. Гренберг. Из членов месткома первого состава были вновь выбраны: Е.Н. Коншина, А.Ф. Павлова, М. Петров, А.Б. Сальников, А. Сергеев, Е. Угодникова. Новыми членами месткома стали рабочие А. Васильева, В.Н. Горельцев, Н.А. Ивановская⁴. Итого в данный состав комитета вошли 12 человек.

Местный комитет служащих дома Управления государственных театров, расположенного на Театральной улице (дом 2, бывшее здание Дирекции и Петроградской Конторы императорских театров) организовался 24 сентября. Избранными в него оказались: заведующий зданием граф Н.Г. Менгден⁵

¹ Она будет участвовать и в общих собраниях служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам (см. ниже); положение смотрительниц этой Кладовой, равно как и кассирш, было в своем роде «переходным» – они могли рассматриваться и как служащие (писцы и др.), и как рабочий персонал.

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 22. Состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым 1 сентября (Там же). Слюсарчука, вероятно, следует отождествить со сторожем Адамом Слюсарчуком (на службе с 1895 г.) (Там же. Д. 5110. Л. 31).

³ Николай Кириллович Бордюг происходил из крестьян села Могилева Могилевской волости Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. В ноябре 1906 г. поступил на службу в императорские театры помощником костюмера, в этой же должности встретил Февральскую и Октябрьскую революции. Член ЦКГТ. В октябре 1918 г. был уволен от службы в государственных театрах и испрашивал у месткома мастерских удостоверение «о выезде с женою из Петрограда в город Бежецк, и на провозку необходимых домашних принадлежностей багажом» (документ был предоставлен Бордюгу) (Там же. Оп. 13. Д. 109. ЛЛ. 1, 7, 11 – 12; Список личного состава служащих по постановочной части // Приложение к Ежегоднику императорских театров. 1913. С. 137).

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 37. Состав месткома (президиума месткома?) был утвержден Ф.Д. Батюшковым 4 декабря (Там же).

⁵ Граф Николай Георгиевич Менгден был весьма неординарной личностью, резко выделявшейся на общем фоне технического персонала государственных театров. Он родился 6 ноября 1866 г. в богатой аристократической семье – так, отец Николая Георгиевича, генерал-лейтенант Г.Ф. Менгден в начале XX века был владельцем огромного поместья в 12 тысяч десятин (в Устюженском уезде Новгородской губернии). Его сын окончил Санкт-Петербургскую консерваторию (в 1892 г.), после чего, испробовав себя в канцелярской работе в различных учреждениях (Канцелярии по принятию прошений, Ведомстве учреждений императрицы Марии и др.) обратился 15 сентября 1904 г. к директору императорских театров В.А. Теляковскому с просьбой «об определении меня на первую вакантную должность при Конторе императорских театров». С разрешения министра двора В.Б. Фредерикса Н.Г. Менгден был определен чиновником X класса Петербургской конторы театров с 1 октября 1904 г.; перед революцией находился в должности смотрителя зданий Конторы (был назначен на нее 16 марта 1910 г.); приказом Ф.А. Головина от 31 мая 1917 г. данная должность была переименована в «заведующего зданием». Имел также при-

(избран председателем месткома), вахтер Ф.Д. Кузин¹ (товарищем председателя) и еще 6 членов: У.С. Бывалый, Г.А. Муравьев, Ф.П. Прохоров, С.Ф. Ратников, А.А. Тараканов и И.Я. Яковлев – итого 8 человек². Сведений о том, был ли в этом месткоме секретарь, нами не обнаружено.

Второй состав местного комитета дома Управления на Театральной был избран на общем собрании служащих дома 26 ноября³, в этот же день состоялось и первое заседание месткома, на котором был избран президиум⁴. Председателем комитета выбрали водопроводчика А.А. Тараканова⁵, пост

дворное звание камер-юнкера. В 1917 г. – член ЦКГТ. Ближайшие родственники Н.Г. Менгдена были вхожи в высшее общество императорской России – его брат Георгий был генерал-лейтенантом (убит солдатами 1 марта 1917 г. в Луге), а сестра Зинаида – фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны (скончалась в эмиграции). Сам Н.Г. Менгден, по сведениям исследователя истории рода Менгденов А. Вишнева, скончался «в большевистском плену» 10 ноября 1920 г. (А. Вишнев без ссылки на источник указывает на 1867 г. как на дату рождения Н.Г. Менгдена, но мы придерживаемся даты, имеющейся в цитированном выше личном деле). Несмотря на блистательное родство, сам Н.Г. Менгден, по-видимому, был небогатым человеком – так, в 1907 г. он обратился к В.А. Теляковскому с просьбой исходатайствовать ему денежную ссуду из сумм МИДв в размере 500 руб., в 1909 г. попросил, вместо предоставления казенной квартиры, выдать квартирные (600 руб.) деньгами, ввиду семейных обстоятельств. Возможно, Николай Георгиевич по какой-то причине не поддерживал отношения со своими высокопоставленными и влиятельными родственниками (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 72 об.; Ф. 497. Оп. 13. Д. 676. ЛЛ. 5 – 8, 10, 14, 34, 57; Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 445; Вишнев А. Вольмарский приход прп. Сергия Радонежского // [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://sobory.ru/article/index.html?object=07509>).

¹ Федор Дмитриевич Кузин родился в 1876 г. в селе Борки Касимовского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. Образование получил в сельской школе. Участник русско-японской войны (служил в 36-м Восточно-Сибирском стрелковом полку); 16 марта 1905 г. был демобилизован «по полученным ранам и неизлечимым болезням». В 1909 – 1916 г. служил «в Зимнем дворце по охране имущ[ества]»; 14 ноября 1916 г. подал прошение в Петроградскую контору театров о зачислении его «на должность вахтера в дом Дирекции по Театральной улице» и с этого же дня был принят на службу. Член ЦКГТ. В советское время занимал должности коменданта зданий Дирекции театров: по Театральной ул., 2 (в 1921 – 1923 гг.) и по Вознесенскому (Майорова) пр., 39 (в 1923 – 1924 гг.). 20 декабря 1924 г. уволен от службы в связи с сокращением штата, с 1 января 1925 г. вновь принят на работу в актеатры, служил пожарным, затем бутафором. Окончательно уволен 10 апреля 1926 г. по статье 47, часть «в» Кодекса законов о труде 1922 г. (она допускала досрочное расторжение трудового договора нанимателем «в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе») (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 549 а. ЛЛ. 1 – 2, 41, 51, 107, 113; Кодекс законов о труде издания 1922 года. М., 1925. С. 10).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 25. 1 октября состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым (Там же).

³ Там же. Л. 29. 27 ноября состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым (Там же).

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Андрей Арсеньевич Тараканов происходил из крестьян Любимского уезда Ярославской губернии. Родился около 1874 г. (в документе 1918 г. указан его возраст – 44 года). В феврале 1912 г. запасной старший мастеровой 1-й батареи 26-й Артиллерийской бригады Тараканов был принят в императорские театры на должность водопроводчика. Член ЦКГТ.

товарища председателя сохранил Ф.Д. Кузин, секретарем стал курьер М.И. Шляпников¹. В составе комитета остались У.С. Бывалый, С.Ф. Ратников и И.Я. Яковлев. Единственным новым членом месткома оказался вахтер В.Я. Булаткин. Общее количество членов месткома сократилось, таким образом, до 7 человек (были также избраны три кандидата в члены месткома – И.И. Голенев, Н.Г. Менден, И.А. Семенов)².

Много позднее остальных свой местный комитет избрали служащие домов Управления государственных театров по Вознесенскому проспекту, д. 39 и Большой Подъяческой улице, д. 20 (там располагалось Экипажное заведение Дирекции театров). В сентябре – первой половине ноября 1917 г. представители технического персонала, работавшего в этих зданиях, делегировались на заседания месткома дома Управления по Театральной улице. Такой порядок, однако, вызвал нарекания со стороны главноуполномоченного. 13 ноября он обратился к членам месткома с очередным критическим замечанием по поводу принятых ими решений. «Согласно положению о местных Комитетах, они образованы для защиты интересов младших служащих каждого из театров, мастерских и зданий (§ 1 положения), почему заявление члена Комитета Тараканова о неправильном, по его мнению, увольнении из Экипажного Заведения кузнеца Волкова не подлежало рассмотрению Комитета здания Управления Государственных Театров по Театральной ул. и должно

Уволен от службы в театрах 9 июля 1919 г. по собственному прошению (ввиду болезни) (Там же. Оп. 13. Д. 1057. ЛЛ. 7, 10 – 12, 22, 32 – 33).

¹ Михаил Иванович Шляпников родился 22 сентября 1875 г.; происходил из крестьян деревни Ефимьево Буйгородской волости Волоколамского уезда Московской губернии. Начал учиться в церковно-приходском училище, но так его и не окончил «за неимением у родителей средств». Отвечая в анкете 1926 года на вопрос о занятиях до поступления на службу в театры, Шляпников указал, что он был «на быв[шей] придворной конюшне конюхом». Здесь Михаил Иванович благоразумно лукавил: в личном деле сохранилось прошение (от 6 августа 1909 г.) «городового 3-го отделения Конно-Полицейской Стражи Михаила Шляпникова» о зачислении его на службу в театры на должность капельдинера. Шляпникову, видимо, удалось утаить эту пикантную деталь своей биографии, иначе бы не стать бывшему городовому в 1917 г. «рабочим делегатом». 15 августа 1909 г. он был принят на службу в императорские театры на должность капельдинера Михайловского театра, 11 июля 1911 г. переведен в курьеры Конторы императорских театров, 1 сентября 1920 г. назначен помощником бутафора ГАТЕДРа, в июле 1923 г. определяется исполняющим обязанности «заведывающего бутафорией» МАЛЕГОТа (в сентябре 1927 г. оставался в этой должности). Последнее упоминание о Шляпникове обнаружено в справочнике «Весь Ленинград на 1931 год» – там он все еще указан как служащий МАЛЕГОТа. В период прохождения своей более чем двадцатилетней службы в театрах единожды (согласно материалам личного дела) был оштрафован (на пять рублей) за появление на службе в пьяном виде (январь 1910 г.). Служил в армии в 1914 – 1917 гг. в 4-м запасном кавалерийском полку (в личном деле указана также служба в Приморском драгунском полку, но она, возможно, относится ко времени, предшествующему поступлению Шляпникова на службу в театры). Вернулся с фронта к исполнению обязанностей в театре в октябре 1917 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1198. ЛЛ. 1 – 3 об., 5, 10 – 13, 18 – 19, 33 – 34, 42; Весь Ленинград. Адресная и справочная книга на 1931 год. [Л., 1931]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 525).

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 29.

было быть снято с обсуждения в этом Комитете Председателем его Графом Н.Г. Менгденом, на обязанности которого являлось в данном случае, руководствуясь утвержденным положением, разъяснить члену Комитета Тараканову, что вопрос им возбуждаемый находится вне компетенции Комитета здания Управления по Театральной ул., а подлежал бы рассмотрению Местного Комитета здания по Вознесенскому проспекту и Б. Подьяческой ул.» – писал Батюшков. «Обращаю на это внимание графа Менгдена и предлагаю озаботиться немедленным производством выборов в Комитет по зданию Экипажного заведения и Б. Подьяческой ул., согласно положению о местных комитетах. Откомандирование делегатов из Экипажного заведения в местный комитет дома Управления по Театральной ул., как противоречащее положению, считаю неправильным»¹. Таким образом, инициатива избрания отдельного месткома для домов Канцелярии по Вознесенскому пр. и Большой Подьяческой ул. исходила от Батюшкова.

Данный местком организован 15 ноября. Председателем комитета, состоявшего всего из 5 человек, был избран все тот же граф Н.Г. Менгден, его товарищем – помощник заведующего Экипажным заведением С.Ф. Виндашус², членами месткома – служащие И.А. Андреев, Д.А. Козадайко и

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. ЛЛ. 33 – 33 об.

² Степан Францевич Виндашус происходил из крестьян Ковенской губернии (дату рождения установить не удалось). Военную службу проходил в Лейб-гвардии Гусарском полку. Видимо, во время службы обрел высокопоставленных покровителей – так, 16 марта 1906 г. начальник Канцелярии МИДв А.А. Мосолов писал В.А. Теляковскому: «Отставной вахмистр л[ейб] гв[ардии] Гусарского полка Виндашус, о котором я имел случай неоднократно с Вами говорить, вновь обратился ко мне с просьбою о моем содействии на предмет ускорения предоставления просимого им места, в виду чего покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне, может ли означенное лицо рассчитывать на скорое удовлетворение его ходатайства». Директор театров ответил 21 марта, что он не против принятия Виндашуса на службу в императорские театры на желательную для него должность, «но лишь при условии особого на то ассигнования по 50 р. в месяц, так как необходимости в ней нет, а других вакансий в настоящее время не имеется». В апреле 1906 г. требуемое ассигнование было разрешено лично министром двора, и с 1 мая Виндашус поступил на службу в качестве помощника заведующего Экипажным заведением. В этой должности он оставался вплоть до революции (в то же время, в документе, составленном в январе 1918 г., он поименован вахтером). Служба Виндашуса в театральном ведомстве протекала довольно успешно: 26 ноября 1910 г. на Георгиевском празднике с ним заговорил сам император, поинтересовавшись, как ему служится (этот краткий разговор был специально отмечен в личном деле Виндашуса); в апреле 1914 г. он, бывший крестьянин, был возведен в потомственные почетные граждане. Член ЦКГТ. В январе 1918 г. С.Ф. Виндашус попал в скандальную историю: во время расследования, проведенного членами его родного месткома, оказалось, что с 15 июня 1917 г. по 1 января 1918 г. Виндашус пользовался лошадьми Экипажного заведения для перевозки частного фуража, за что и получил с частных лиц в совокупности 4189 р. 75 к., но так как треть фуража перевозилась на частных лошадях, то с Виндашуса было решено взыскать 2/3 суммы (2792 р. 70 к.), а затем и этот штраф был уменьшен вдвое (другую половину постановили взыскать с лиц, «которые принимали участие в деле перевозки фуража и пользовались не вполне законным заработком»). Виндашус оправдывался, указывая, что он все делал с ведома Конторы, чтобы лошади получали свежий фураж по низким ценам, весь «заработок» уходил на транспортные расходы (в т. ч. и на оплату труда рабочих, кучеров), а «что каса-

П.К. Фомичев¹. Наконец, в октябре – ноябре шел процесс формирования местного комитета служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам (впрочем, об этом месткоме, имевшем свою яркую специфику, далее речь пойдет особо).

Некоторые новые данные о личном составе местных комитетов дают подписи участников упоминавшегося выше «соединенного собрания» 16 ноября 1917 г. (призвавшего Управление государственных театров изменить порядок выборов в месткомы в сторону большей демократизации)². От месткома Мариинского театра на собрании присутствовали: М.А. Безобразов, Ф.Л. Графф, расписавшийся за С.А. Есененка кандидат в члены месткома В. Малахов, П.Б. Ламбин, Н.И. Носов. От Александринского театра – Н.К. Иванов³, А.П. Мурзин, А.О. Соков, Е.Т. Терентьев, М.А. Филиппов, А.Д. Харкевич⁴, В.Д. Щеголев, Р.Р. Юхневич. От Михайловского театра – А.Е. Крылов, И.И. Меньшиков, Г.В. Павлов, К.Т. Петров, И.С. Степанов. От мастерских – С. Алексеев, С.К. Гренберг, С. Евсеев, В.М. Кокин, Е.Н. Коншина, М.П. Небратова, А.П. Павлов, А.Ф. Павлова, А.Б. Сальников. От дома Управления по Театральной ул. – Ф.Д. Кузин, Н.Г. Менгден (он же представлял и местком домов Управления по Вознесенскому пр. и Большой Подьяческой ул.), С.Ф. Ратников, И.Я. Яковлев. В списке присутствующих имеется подпись (без инициалов) еще одного Яковлева, которого можно отождествить либо с членом месткома Мариинского театра В.Я. Яковлевым, либо с членом месткома Александринского театра П.Я. Яковлевым.

Кроме перечисленных выше лиц, на «соединенном собрании» 16 ноября присутствовало несколько человек, нигде не упоминающихся как члены местных комитетов (возможно, они были кооптированы в состав месткомов осенью 1917 г.). Это плотник Мариинского театра П. Афоньков⁵, декоратор государственных театров М.П. Зандин, заведующий электрической станцией Мариинского театра С.С. Лидин⁶, рабочие и служащие: Васильева¹, Грицко²,

ется меня, я в этом деле потерял более 1500 р. своего векового сбережения и казенную службу». Оправдания не помогли – с 15 января 1918 г. он был уволен из государственных театров (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 183. ЛЛ. 1 – 4, 8, 11, 13 – 26).

¹ Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 27. Состав этого месткома, как и остальных, также был утвержден Ф.Д. Батюшковым, однако «потухшую» дату утверждения прочесть не представилось возможным (Там же).

² Там же. ЛЛ. 48 – 48 об.

³ Инициалы имени и отчества в документе не указаны. Отождествляем данного участника «соединенного собрания» с членом месткома Александринского театра капельдинером Н.К. Ивановым на основании того, что последний являлся единственным мужчиной – носителем этой фамилии среди членов месткомов первого состава.

⁴ Инициалы имени и отчества в документе не указаны. Отождествляем данного участника «соединенного собрания» с единственным лицом (из членов месткомов), носившим такую фамилию – секретарем месткома Александринского театра А.Д. Харкевич.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 17.

⁶ Сергей Степанович Лидин родился в 1873 г. в Санкт-Петербурге, окончил Технологический институт, служил по железнодорожному ведомству, с 1 ноября 1917 г. по 1 июня 1918 г. заведовал электрической станцией Мариинского театра, сменив на этом посту Ф.Ф. Семирадзкого (Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления, ходатайства в

М. Мартенс. Наконец, две подписи, одна из которых – подпись председателя «соединенного собрания», расшифровать, к сожалению, не удалось.

Деятельность местных комитетов

Протоколы заседаний местных комитетов государственных театров за 1917 год (особенно – месткомов первого состава) сохранились, увы, далеко не полностью, что затрудняет исследование деятельности этих порожденных революцией учреждений. Тем не менее, в фондах РГИА выявлен источник, позволяющий частично реконструировать механизм их работы. Это довольно объемное дело (272 листа) со скромным названием «О вольнонаемной прислуге»³. В нем отложились служебные бумаги, направленные местными комитетами трех петроградских государственных театров (за подписью председателей месткомов) в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам. Кроме того, значительная часть документов представляет из себя рапорты, поданные машинистами-механиками государственных театров на имя помощника управляющего Канцелярией по Постановочной части (эту должность занимал С.Л. Бертенсон). При этом некоторые рапорты С.Л. Бертенсон отправлял на рассмотрение местных комитетов. Поскольку двое из трех машинистов-механиков (Ф.Л. Графф в Мариинском театре и М.А. Филиппов – в Александринском) были также и председателями месткомов своих театров (М.А. Филиппов – месткома первого состава), а переписка и в том, и в другом случае шла о вольнонаемных служащих, интересно выяснить, какие именно вопросы проводились через местком, а какие – шли обычным административным порядком.

Для решения поставленной проблемы были проанализированы все имеющиеся в деле документы за сентябрь – декабрь 1917 г. Документов первой группы (отношения и постановления местных комитетов) было выявлено 11 (самый ранний датирован 4 сентября, наиболее поздний – 16 декабря⁴), из них 7 – отношения месткома Мариинского театра⁵ и 4 – Михайловского¹. В

Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД // [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%202/alphavit/1.html#n.2>). Возможно, он был кооптирован в местком Мариинского театра первого созыва.

¹ Возможно, ее стоит отождествить с избранной в местком мастерских второго состава А. Васильевой.

² Вероятно, это была портниха Мария Грицко, состоящая на службе в императорских театрах с 1 октября 1888 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5110. Л. 32 об.).

³ Там же. Д. 5117. ЛЛ. 1 – 272.

⁴ Там же. ЛЛ. 143, 271. Оба документа представляют собой отношения месткома Мариинского театра за подписью Ф.Л. Граффа в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам. На первом из них стоит дата «4 сентября», но на другом отношении этого же месткома дается ссылка на указанный документ и приводится другая дата его создания – 5 сентября (Там же. Л. 147).

⁵ Там же. ЛЛ. 143, 147, 155, 185 об., 188 об., 209, 271. Одна из перечисленных служебных бумаг (Л. 209) оформлена не как отношение председателя месткома, а как рапорт машиниста-механика; в то же время, ее содержанием является пересказ одного из постановле-

них идет речь о предоставлении театральным рабочим отпусков (этому посвящена большая часть данной служебной переписки) и квартир², повышении их по службе, а также о наложении взысканий (объявления выговора, понижения по службе, прекращения содержания в связи с неявкой на работу), вплоть до увольнения³. Примечательно, что все резолюции театрального руководства⁴ (Л.Д. Мецнера и С.Л. Бертенсона) на отношения месткомов были положительными – и, наоборот, в тех случаях, когда рапорты машинистов-механиков, поступавшие в Канцелярию, «спускались» обратно на рассмотрение местных комитетов, они также присоединялись к мнению, высказанному в рапорте.

Вторая группа документов – рапорты машинистов-механиков, отправленные С.Л. Бертенсоном на рассмотрение месткомов (самый ранний из которых датирован 5 сентября, а наиболее поздний – 30 ноября⁵) численно не-

ний местного комитета. Два постановления (ЛЛ. 185 об., 188 об.) вынесены по поводу содержания документов (прошения слесаря В. Степанова о предоставлении ему большей по размеру квартиры и рапорта машиниста-механика Михайловского театра Ф.Л. Граффа), переправленных С.Л. Бертенсоном и управляющим Канцелярией Л.Д. Мецнером на рассмотрение местного комитета. Кроме того, в деле имеются два документа, озаглавленные Ф.Л. Граффом как рапорты, но при этом подписанные им как председателем местного комитета (Там же. ЛЛ. 221, 233). Классифицировать эти рапорты непросто – с одной стороны, о постановлениях месткомов там нет ни слова, с другой – само содержание обсуждаемых вопросов (о прекращении содержания не являющемся на работу плотнику А. Лабзову и о предоставлении отпуска плотнику С. Кириллову) характерен именно для переписки местных комитетов с театральной администрацией.

¹ Там же. ЛЛ. 177 об., 214 об., 217, 244 б об. Все перечисленные постановления месткома Михайловского театра вынесены по поводу содержания рапортов машиниста-механика Михайловского театра Г.В. Павлова, переправленных С.Л. Бертенсоном на рассмотрение местного комитета.

² Подобный вопрос рассматривался только один раз. 19 октября слесарь В. Степанов обратился в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам с просьбой предоставить ему, обремененному семейством из 7 чел., большую по размеру комнату (в здании по Тюремному пер. д. 3, принадлежащем Управлению театров), занимаемую в то время сторожихой Баранниковой. Л.Д. Мецнер отправил документ на отзыв заведующему зданием Г.К. Столице и в местный комитет Мариинского театра. В обоих отзывах просьба В. Степанова была признана обоснованной (Там же. ЛЛ. 185 – 185 об.).

³ Также единичный случай: 15 ноября машинист-механик Михайловского театра Г.В. Павлов отправил рапорт С.Л. Бертенсону, в котором предлагал уволить столяра М. Быкова с 15 июня, т. к. «он до сих пор не является на службу без объяснения причин». С.Л. Бертенсон отправил данный рапорт на рассмотрение в местком театра, который не встретил препятствий к увольнению, и уже только после этого, 22 ноября, Л.Д. Мецнер наложил резолюцию: «Уволить с 15-го июня» (Там же. ЛЛ. 214 – 214 об.).

⁴ В основном перепиской с месткомом занимался С.Л. Бертенсон, реже – Л.Д. Мецнер. Один раз (среди документов данного архивного дела) резолюцию на отношении месткома наложил сам главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков (Там же. Л. 155). Кроме того, еще на одном документе сохранилась надпись Л.Д. Мецнера о том, что Ф.Д. Батюшков утвердил содержащееся в нем постановление местного комитета (Там же. Л. 188 об.). В обоих случаях речь шла о наложении взысканий за небрежное отношение к служебным обязанностям на одного и того же рабочего, плотника З. Петрова.

⁵ Там же. ЛЛ. 144, 248.

велика и включает в себя 8 рапортов: 2 по Мариинскому¹ и Александринскому² театрам и 4 – по Михайловскому³. В них шла речь о неявке служащих на работу – как по уважительным причинам⁴, так и нет⁵; о предоставлении отпусков⁶; о переводе служащих на другой оклад жалованья⁷. Несколько особняком стоит рапорт машиниста-механика Михайловского театра Г.В. Павлова, отправленный С.Л. Бертенсону 15 ноября. Павлов просил «уволить от службы столяра Михаила Быкова с 15 июня, т. к. он до сих пор не является на службу без объяснения причин». Бертенсон решил заручиться в этом вопросе мнением месткома и переслал туда рапорт Павлова. На заседании 20 ноября местком мастерских постановил, что к увольнению М. Быкова с его стороны «препятствий не встречается». И только после этого, 22 ноября, Л.Д. Мецнер наложил резолюцию: «Уволить с 15-го июня»⁸. Близко к этой группе документов стоит и рапорт машиниста-механика Александринского театра М.А. Филиппова от 3 ноября, в котором шла речь о разрешении отпуска плотнику А. Павлову; при этом Филиппов заранее озаботился мнением месткома и приписал в конце рапорта: «Местный комитет препятствий не встречает»⁹.

Наконец, в деле имеется множество рапортов машинистов-механиков, поданных помощнику управляющего Канцелярией (С.Л. Бертенсону), которые не отправлялись в местные комитеты, а разрешались непосредственно театральной администрацией (С.Л. Бертенсоном, реже Л.Д. Мецнером). Данная группа, включающая в себя 54 рапорта (самый ранний датирован 2 сентября, самый поздний – 18 декабря¹⁰), значительно превосходит по объему оба предшествующих разряда документов – и это позволяет сделать вывод о

¹ Там же. ЛЛ. 178 а, 188.

² Там же. ЛЛ. 144, 248.

³ Там же. ЛЛ. 177, 214, 217, 244 б.

⁴ В том числе и по болезни – так, Ф.Л. Графф обратился 16 октября с рапортом к С.Л. Бертенсону, донося, что «плотник Петр Антонов с 13-го октября не является на работе» и при этом присовокупляя, что «по наведенным справкам, Петр Антонов заболел и находится дома». С.Л. Бертенсон, затрудняясь, по-видимому, принять определенное решение по этому вопросу, отправил его на усмотрение месткома (Там же. Л. 178 а). Постановления месткома по этому вопросу в деле нет.

⁵ В частности, один из рапортов Ф.Л. Граффа С.Л. Бертенсону от 19 октября был посвящен уже упоминавшемуся плотнику З. Петрову. «Препровождая при сем записку частного врача о явке к нему плотника Захара Петрова 17-го октября для лечения зубов», писал Графф, «считаю нужным пояснить, что настоящая записка для меня не может служить оправдательным документом неявки на работу Захара Петрова в течение дня и вечера 17 октября. Если же принять во внимание, что плотник Захар Петров не явился на работы 18 и 19 октября, что находится в связи с недавним получением добавочных денег, и зная причины его систематических отлучек, я полагаю, что истинной причиной его болезни есть его порок – пьянство» (Там же. Л. 188).

⁶ Там же. ЛЛ. 177, 244 б, 248.

⁷ Там же. ЛЛ. 144, 217.

⁸ Там же. ЛЛ. 214 – 214 об.

⁹ Там же. Л. 200.

¹⁰ Там же. ЛЛ. 142, 263.

том, что, несмотря на появление месткомов, большая часть делопроизводительной переписки в государственных театрах продолжала идти традиционным административным путем.

Из 54 рапортов львиная доля (36) приходится на долю машиниста-механика Мариинского театра Ф.Л. Граффа¹. Это и неудивительно – Мариинский театр «обладал самым сложным постановочным аппаратом»², его обслуживало большее количество технического персонала, нежели чем другие петроградские государственные театры. 10 рапортов отправил машинист-механик Александринского театра М.А. Филиппов³, 8 – машинист-механик Михайловского театра Г.В. Павлов⁴. Темами рапортов были: донесения о том, что тот или иной младший служащий по болезни на время освобожден от работы или, наоборот, выздоровел и приступил к работе; сообщения о возвращении к своим обязанностям в театре демобилизованных из армии лиц; наконец (в редких случаях) вопросы, связанные с увольнением (по собственному желанию) младших служащих, с предоставлением квартир вернувшимся с фронта и с предоставлением отпуска. На 47 рапортов резолюцию («Вестник»⁵) наложил С.Л. Бертенсон; аналогичную резолюцию еще на три рапорта наложил его помощник В.Н. Разумовский⁶. Оставшиеся 4 рапорта были завизированы самим управляющим Канцелярией Л.Д. Мецнером⁷. Вмешательства Мецнера потребовали спорные вопросы – единственные во всем этом массиве прошения об отпуске⁸, о возвращении казенной квартиры демобилизованному⁹, об увольнении служащего по собственному желанию¹⁰.

Как видно из приведенной выше служебной переписки, на рассмотрение месткомов поступали, прежде всего, те бумаги, которые требовали опре-

¹ Там же. ЛЛ. 142, 151, 156 – 157, 159, 166, 168, 172, 183, 189, 191, 193, 196 – 198, 203, 208, 211 – 212, 216, 220, 224, 227, 231 – 232, 241, 243, 247, 249, 252, 254, 256, 258, 263 – 264, 267.

² Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 220.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. ЛЛ. 179, 180 б, 192, 205, 226, 237, 240, 244 а, 245, 262.

⁴ Там же. ЛЛ. 178 б, 204, 206 б, 234 – 236, 239, 261.

⁵ Имелось в виду опубликовать решение по данному делу в «Вестнике Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам».

⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. ЛЛ. 224, 227, 258.

⁷ Там же. ЛЛ. 183, 205, 234, 245.

⁸ Ф.Л. Графф ходатайствовал 17 октября о предоставлении отпуска плотнику С. Гусакову для поездки на малую родину по случаю смерти отца. Л.Д. Мецнер наложил резолюцию: «Разрешаю» (Там же. Л. 183). Возможно, повод сочли слишком веским, чтобы проводить вопрос через местный комитет, который, согласно «Краткой инструкции», был уполномочен заниматься распределением отпусков. Нельзя исключать и того, что местком заранее мог дать согласие на этот отпуск, но в рапорте Граффа об этом не упоминалось.

⁹ Прощения о предоставлении квартир вернувшимся с фронта служащим вообще в этом деле сравнительно редки, и только в одном случае речь идет о конкретной квартире. Плотник (столяр) И. Бержанский (в будущем – член ЦКГТ), вернувшись из армии, попросил «дать ему бывшую его комнату № 5 (во флигеле Мих[айловского] театра), временно занятую столяром А. Майоровым, а последний просит комнату № 4 – в наст. время свободную» – сообщал в своем рапорте от 24 ноября Г.В. Павлов. Л.Д. Мецнер и здесь решил сделать так, как просили оба столяра (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 234).

¹⁰ Там же. Л. 205.

деленного решения (вопросы о предоставлении отпуска, наложении взыскания и т. д.). Напротив, документы, несущие в себе лишь некую информацию для принятия к сведению (сообщения о заболевании и выздоровлении служащих, возвращении ранее призванных в армию, увольнении по собственному желанию) шли, минуя местные комитеты, от машинистов-механиков в Канцелярию главноуполномоченного. Отметим здесь же и мягкий, компромиссный стиль руководства С.Л. Бертенсона, практически всегда шедшего навстречу деятелям месткомов.

Постановления месткомов рабочими и мелкими служащими театров зачастую не исполнялись, и театральной администрации в таком случае приходилось самой вставать на защиту местных комитетов. В частности, Ф.Д. Батюшков в отношении к заведующему зданием Александринского театра Н.В. Волкову от 16 октября предлагал последнему «сообщить сторожам театра, что все постановления Комитета <...> мною одобренные, должны быть неуклонно ими исполняемы. <...> Предупредить сторожей, что в случае уклонения впредь от исполнения постановлений Комитета они будут подвергаться взысканию согласно постановлениям того же Комитета»¹.

Время от времени между месткомами и представителями администрации возникали конфликты по поводу границ их полномочий. Один из таких конфликтов произошел вследствие решения месткома Михайловского театра, принятого на заседании 11 декабря, предоставить отпуск «по домашним обстоятельствам» пожарному О. Полковникову с 16 декабря по 1 января «с тем, чтобы на время его отсутствия старший пожарный Иванов дежурил вместо него»². 15 декабря председатель месткома А.Е. Крылов доложил об этом Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам³. На следующий день в Канцелярию поступил рапорт заведующего электрической станцией (и по совместительству – пожарной охраной) Михайловского театра Л.П. Медера (хотя Медер и сам был председателем месткома служащих Канцелярии, в данном случае он выступал как деятель театрального управления). В рапорте говорилось: «Сегодня 15⁴ сего декабря старший пожарный доложил мне, что пожарный Михайловского театра Полковников сегодня уехал в отпуск сроком, кажется, на две недели. На мой вопрос: кем он был отпущен, мне было сказано, что его отпустил Комитет». Между тем, отмечал Медер, «мною не было получено от Полковникова прошения ни непосредственно, ни через Комитет, который, как я полагаю, должен был бы прежде выноса того или иного решения поинтересоваться моим отзывом или даже в крайнем случае в копии сообщить мне свое постановление для сведения, и если бы частным образом мне это не было бы сообщено старшим пожарным, я бы, неся в порученной мне области ответственность, узнал бы об отъезде Полковникова последним». В связи с этим Медер подвергал критике местком, который, по его мнению, превысил свои полномочия: «Не отрицая пра-

¹ Там же. Оп. 9. Д. 1528. ЛЛ. 229 – 229 об.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. Л. 11.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1542. Л. 25.

⁴ Рапорт датирован 16 декабря.

ва, предоставленного Комитету об отпусках младших служащих, я, тем не менее, не могу признать правильным порядок, при котором несущий ответственность Заведующий частью не осведомляется Комитетом о поступлении на его рассмотрение прошения служащего, находящегося в его ведении, и тем более не могу нести ответственность в области, в коей делаются те или иные распоряжения помимо Заведующего ее». В связи с этим Медер просил Канцелярию «о сложении с меня обязанностей по пожарной охране театра <...> так как при создавшихся условиях не могу принять на себя ответственности»¹.

Отметим, что, согласно «Временному положению», местком не был обязан ни оповещать Л.П. Медера, ни, тем более, согласовывать с ним свое решение (требовалось лишь согласие главноуполномоченного). В то же время, претензии Л.П. Медера выглядят вполне обоснованными – заведующий той или иной частью, безусловно, имел право хотя бы своевременно узнавать о том, кому из его подчиненных предоставлен отпуск. В этом случае причиной конфликта стало несовершенство «Временного положения», в котором подобная ситуация не была предусмотрена.

В конце декабря 1917 г.² главноуполномоченный Ф.Д. Батюшков подготовил возражения на еще одно постановление месткома Михайловского театра. «В ответ на постановление местного комитета от 21 сего декабря № 4³ по вопросу об упразднении пожарного поста у аппаратной доски в помещении пожарных уведомляю, что упразднение указанного поста равносильно упразднению вообще всей идеи центральной сигнализации, так как таковая в таком случае теряет всякий смысл и служба ее не оправдывает тех довольно больших расходов по ее содержанию, которые приходится нести (ремонт аккумуляторов, расход тока на зарядку и пр.), так как не гарантирует своевременного указания места возникновения пожара» – писал Батюшков. «Предположение же, что такое дежурство может быть вполне заменено тем, что при сигнале звонком пожарный может добежать до доски и узнать, в каком месте возник пожар, в глубокой степени ошибочно и указывает на то, что при рассмотрении этого вопроса не принимались во внимание собранные в разных европейских странах и Америке результаты статистических исследований, касающихся театральных пожаров, из которых усматривается, что в большинстве случаев (напр[имер,] пожар театра в Чикаго) уже через две минуты после возникновения пожара на сцене всякое сообщение с ней и проход по ней являлся невозможным и потому трудно предположить, чтобы дежурный пожарный успел бы выполнить возлагаемую на него Комитетом задачу своевременно. В целях возможного сокращения времени для определения места пожара и его локализации и были установлены пожарные телефоны, которые также теряют свое значение при упразднении названного поста».

Признавая, что «с наличным составом пожарных в количестве пяти человек трудно выполнить задачу правильного распределения дежурств», Ба-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1528. ЛЛ. 304 – 304 об.

² На цитируемом ниже документе проставлен только месяц, а число не указано.

³ См. протокол данного заседания месткома: ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. ЛЛ. 17 – 18.

тюшков, тем не менее, настаивал, что «то решение этой задачи, на какое стал Комитет в своем постановлении, далеко не исчерпывающее, так как идет в разрез с существующими на сей предмет правилами пожарной безопасности, и кроме того лишает возможности лиц, ответственных за пожарную охрану театров нести эту ответственность». В качестве выхода из создавшегося положения главноуполномоченный предлагал «добавление пожарных во всех театрах с таким расчетом, чтобы их хватило на все пожарные посты (включая сюда и пост у доски) о чем надлежит войти с соответствующим представлением в б. Кабинет его величества». Вызванные этим расходы были бы, по мнению Батюшкова, сравнительно невелики и могли быть «оправданы желанием охранить с большей гарантией народное достояние, тогда как последняя мера, проводимая местным комитетом, уменьшает гарантию безопасности театра и налагает на комитет большую ответственность, которую едва ли он имел в виду, когда выносил свое постановление»¹.

В некоторых случаях в месткомы с теми или иными прошениями обращались не отдельные рабочие и служащие, а целые коллективы. Так, например, общее собрание капельдинеров Александринского театра, состоявшееся 11 декабря 1917 г. под председательством М.Д. Сподаря², постано-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1542. ЛЛ. 27 – 28. На последнем листе имеется надпись: «Осталось не подписанным» (возможно, в связи со смещением большевиками Ф.Д. Батюшкова со своего поста).

² Михаил Данилович Сподарь родился 27 сентября 1862 г. в деревне Загорье Любчанской волости Новогрудского уезда Минской губернии, в крестьянской семье. По его утверждению, закрепленному в анкете 1927 г., окончил «Городское 4-х классное» училище. Служил в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку (вахмистром), а также (в начале 1900-х гг.) письмоводителем в Главном управлении государственного коннозаводства. В январе 1903 г. обратился с прошением о принятии его на службу в императорские театры «по письменной, счетной или другой какой-либо части». Кроме того, 4 февраля 1903 г. к В.А. Теляковскому обратился сам командир конно-гренадер великий князь Дмитрий Константинович с просьбой удовлетворить прошение М.Д. Сподаря, который «во время службы своей в полку отличался безукоризненным поведением и всегда одинаково ревностно относился к служебным обязанностям». После такой рекомендации Сподарь был, разумеется, принят на службу (1 июля 1903 г., младшим капельдинером Александринского театра). Но и здесь его не покинули высокопоставленные покровители: дважды, в 1904 и 1906 гг. управляющему Санкт-Петербургской конторой императорских театров Г.И. Вуичу писал служащий по коннозаводству подполковник С.Д. Ребезов, уговаривая Вуича повысить М.Д. Сподаря, своего бывшего подчиненного, до должности контрольного капельдинера («За этого человека я ручаюсь как за самого себя. Он трезвый безусловно, исполнительный, честный и очень способный человек»). К В.А. Теляковскому по этому же поводу обращался (по просьбе Ребезова) начальник Канцелярии МИДв А.А. Мосолов (9 ноября 1904 г.), прося «навести справку о службе Сподаря и при случае мне сказать, может ли он рассчитывать на повышение, дабы я мог ответить Ребезову». Тем не менее, несмотря на столь настойчивое протезирование, М.Д. Сподарь был назначен контрольным капельдинером лишь 20 апреля 1917 г. 2 мая 1915 г. Сподарь был пожалован званием потомственного почетного гражданина. В 1920-х гг. значился старшим контрольным капельдинером (вариант: старшим контролером) ГАТЕДРа. 1 сентября 1929 г. уволился со службы в театрах «ввиду перехода на пенсию по инвалидности». К.Н. Державин поместил в своей уже упоминавшейся нами статье фотографию М.Д. Сподаря, снабдив ее комментарием: «М.Д. Сподарь. Первый секретарь месткома и старейший в театре капельдинер». Первым секре-

вило внести на рассмотрение местного комитета два вопроса, касавшихся образования и «усиления средств» сберегательно-вспомогательной кассы «всех низших служащих», а именно: «обложить все генеральные репетиции сбором, т. е. сделать платные места по усмотрению местного комитета» и просить «местный комитет войти с ходатайством перед главноуполномоченным театрами¹ дать бенефис в пользу означенных служащих»². Очевидно, что первое предложение выходило за рамки полномочий месткома. В самом комитете, рассмотревшем постановление капельдинеров в своем заседании 15 декабря это понимали – поэтому, хотя и поддержали оба предложения, но не стали вводить их явочным порядком, а решили по данным вопросам «войти с ходатайством к главноуполномоченному»³.

Местный комитет дома Управления государственных театров по Театральной ул., 2.

Местный комитет рабочих и служащих дома Управления государственных театров (Театральная улица, д. 2) являлся одним из шести месткомов, в которых преобладал рабочий элемент (в отличие от месткома служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам). Сохранившиеся документы позволяют воссоздать его деятельность с несколько большей подробностью, нежели чем у других месткомов; в то же время, определенная типичность его состава, условий работы, отношений с театральной администрацией дают возможность, изучив их, обобщить полученный материал и в некоторой степени перенести его на остальные «рабочие» месткомы.

Протоколов заседаний месткома первого состава, за редким исключением, обнаружить не удалось; тем не менее, в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга отложился ряд служебных писем, отправленных главноуполномоченным по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым в адрес месткома в ответ на поступавшие ему на утверждение протоколы и заявления членов последнего. Благодаря этому источнику удалось в целом реконструировать историю деятельности этого местного комитета.

Она проходила в постоянных конфликтах с главноуполномоченным, строго оберегавшим свои административные prerogatives. Так, 16 октября Ф.Д. Батюшков писал членам месткома, комментируя протокол их заседания от 7 октября, касавшийся распределения казенных квартир: «Хотя представ-

тарем месткома Александринского театра М.Д. Сподарь, как мы уже могли убедиться, не был, однако, влияние на своих товарищей, по-видимому, имел. Думается, что можно отождествить М.Д. Сподаря и того «старосту капельдинеров», о котором, как об одном из лидеров технического персонала Александринского театра в 1917 г., вспоминал в своей автобиографии Д.Х. Пашковский (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1017. ЛЛ. 1 – 9 об., 15 – 17, 19, 31; ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 45. ГИК 20912/1. Л. 2; *Державин К.Н.* Февраль и Октябрь в театре. С. 393).

¹ Так в тексте.

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 40.

³ Там же. ЛЛ. 41 – 41 об.

ление и перемена квартир положением о местных комитетах не предусмотрены и комитету не предоставлено право как распределять квартиры, так и их переменять, тем не менее на этот раз постановление комитета утверждаю, так как квартира № 53 принадлежит курьеру Шляпникову по праву, а против предоставления кв. № 51 плотнику Иванову не встречаю возражений по мотивам, изложенным в постановлении комитета»¹. 18 октября Батюшков указывал местному, постановившему (13 октября) приобрести сигнальный рожок для оповещения жителей дома о воздушной тревоге: «Полагаю необходимым ранее приобретения железнодорожного сигнального рожка, поручить заведывающему зданием графу Менгдену осведомиться в надлежащем учреждении о порядке оповещения жителей о приближении цеппелинов и сообщить об этом в Канцелярию, в зависимости от чего и будут приобретены те или другие нужные сигнальные приборы»².

Целую переписку между главноуполномоченным и месткомом вызвало обращение в последний (23 октября) члена месткома, помощника швейцара С.Ф. Ратникова³. Ратников просил: «местный Комитет уравнивать дежурство между товарищем швейцаром Изотовым, чтобы я, Ратников и Изотов дежурили посуточно, а не так как сие время. Прошу обратить внимание какая может быть разница между нами»⁴. Местком, по-видимому, решил поддержать Ратникова, на что Батюшков 31 октября ответил: «На подъезде № 1 имеется швейцар Изотов и его помощник Ратников. Изотов дежурит днем, в более ответственные часы приемов, как старший, а Ратникову полагается дежурить по вечерам, с 7–12, что нахожу вполне справедливым. Изотов вполне добросовестно относится к своим обязанностям, а относительно Ратникова мне

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. Л. 27. Позднее, 31 октября, Батюшков вновь поднял вопрос о праве распоряжаться квартирами (судя по его ответу, в постановлении месткома от 23 октября, которое пока выявить не удалось, речь шла об одной из квартир, числящихся за самим Батюшковым и предоставленных им в пользование другому лицу): «Относительно квартиры № 15 должен заметить, что она числится наравне с квартирой № 3 за Главноуполномоченным, так как в ней помещается кухня и котел для стирки белья. При большой семье нельзя обойтись без этой кухни, и если я лично ею не пользуюсь, то сохраняю за собой право предоставить ее кому найду нужным во временное пользование. Совершенно безразлично для Местного Комитета кто там временно помещается, с моего разрешения, поэтому считаю постановление Комитета необоснованным» (Там же. ЛЛ. 31 – 31 об.).

² Там же. Л. 28.

³ Сергей Федорович Ратников родился 3 сентября 1881 г.; происходил из крестьян деревни Селищи Осташковского уезда Тверской губернии. 14 – 15 октября 1908 г. последовательно подал в Санкт-Петербургскую контору императорских театров два прошения – о назначении его на должности дворника и кочегара. Последнее прошение было удовлетворено. С 1 июля 1909 г. переведен в помощники швейцара, в каковой должности и встретил Февральскую революцию. Избирался в первый и второй составы месткома дома Управления государственных театров по Театральной улице; член ЦКГТ. После Октябрьской революции получил должность курьера, с 1 января 1920 г. произведен в «младшие агенты для поручений по Хозяйственно-заготовительной части». 26 июня 1923 г. уволен по сокращению штатов (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 890. ЛЛ. 1 – 3, 6 об., 48, 64, 80).

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. Л. 30.

было сделано несколько заявлений, что он запирает двери до положенного срока, что я не могу одобрить, а претензии его считаю неосновательными»¹.

Местком, однако, в своем заседании, состоявшемся 13 ноября, вновь поддержал Ратникова, Не сдавался и главноуполномоченный, написавший комитету 28 ноября развернутый ответ. «Я уже привел мотивы, почему не могу утвердить постановление комитета о чередовании дежурств между лицами, состоящими на разных должностях. Так как мне не приведено новых соображений, то остаюсь при прежнем решении и вопрос, согласно принятому Положению о местных комитетах, передается в Центральный комитет», писал Батюшков. «Добавлю следующее: разница между должностями швейцара и помощником² швейцара подобна разнице между старшим и младшим дворником, между председателем и товарищем председателя и т. д. Чередование дежурств может быть лишь между должностными лицами одной категории равного звания. Это может быть достигнуто, если установить, что вместо швейцара и помощника швейцара будут два швейцара. Но в таком случае, я нахожу, что вторая должность излишняя, в особенности теперь, когда парадный вход запирается в 9 час. вечера. Два швейцара на лестнице, где всего шесть квартир, вообще, излишняя роскошь. Она могла быть допущена при старом режиме, когда происходили большие приемы, в демократическое время нужно думать лишь о сокращении штатов. Я не предлагаю сейчас оставить Ратникова за штатом, потому что мы живем в переходное время и выбрасывать на улицу я никого не желаю. Но он может оставаться только в должности помощника швейцара, т. е. ограничиваться вечерним дежурством и числиться в запасе на случай, если швейцар заболит, уедет и т. п., как товарищи председателей заменяют отсутствующих председателей. В виду того, что при этом в течение целого дня Ратников свободен, то может пользоваться этим преимуществом, оставаясь вечером занятым всего пять часов времени, которое можно еще сократить. При переименовании же должности помощника швейцара в положение второго швейцара, я буду настаивать на упразднении такой совершенно ненужной должности»³.

Помощника швейцара Сергея Ратникова Батюшков запомнит хорошо, равно как и другого члена этого месткома, водопроводчика Андрея Тараканова (о нем см. ниже) и еще помянет их после своего «свержения» большевиками.

В отношении к месткому от 13 ноября главноуполномоченный касался проблемы нежелания сторожей Канцелярии нести ночные дежурства и выполнять курьерские обязанности. И здесь Батюшков не пошел навстречу высказанному «снизу» требованию. «На заявление сторожей Канцелярии государственных театров и Музыкальной библиотеки об отмене ночных дежурств согласиться не могу, так как переживаемое ныне нами тревожное время требует усиления охраны государственного имущества, а не уменьшения ее, тем более, что в Канцелярии у артельщика могут быть на хранении денежные

¹ Там же. Л. 31.

² Так в тексте.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. ЛЛ. 34 – 34 об.

суммы для оплаты расходов Канцелярии и содержания служащих. Что же касается снятия со сторожей их обязанностей по развозке всех бумаг и пакетов по Канцелярии и возложения развозки на одного курьера, то на это согласиться не могу, так как у курьера при Канцелярии есть свои прямые обязанности, заключающиеся в обслуживании приемов у управляющего Канцелярией¹, поездок в таможенную, отправку и получение служебной корреспонденции управляющего и проч.»².

В месткоме росло возмущение неуступчивостью Батюшкова. Так, 16 ноября, после оглашения на заседании месткома ответа «г. главноуполномоченного госуд[арственных] т[еатро]в на протокол заседания от 13-го ноября с. г. за № 7»³, члены месткома «Тараканов и Ратников изъявили протест против резолюции г. главноуполномоченного и объявили о выходе из состава Комитета»⁴. Впрочем, оба вскоре были переизбраны в местком, причем Тараканов занял пост председателя; затем, уже выбранные месткомом, и Тараканов, и Ратников стали членами Центрального комитета государственных театров.

Обновленный в конце ноября, местный комитет дома Управления продолжил свою работу. Немногие сохранившиеся за декабрь 1917 г. протоколы открывают нам рутину месткомовской деятельности: постановили выразить сторожу Ивану Семенову, явившемуся на службу в нетрезвом виде, «строгое порицание с назначением вне очереди на 3 дежурства»; ходатайствовали перед Канцелярией о принятии на должность дворников девяти китайцев; решили обратиться к руководству с просьбой «провести Вестником по Канцелярии для сведения всех местных комитетов, чтобы свободные вакансии не замещались посторонними ввиду невозможности увольнения временно принятых служащих» (заседание от 19 декабря)⁵. Резкая активизация деятельности комитета происходит 2 января 1918 г., в день проведенной большевиками силовой «операции», завершившейся «свержением» Ф.Д. Батюшкова и увольнением большинства служащих Канцелярии, поддерживавших его⁶.

В этот же день состоялось восьмое заседание (после переизбрания в ноябре) месткома дома Управления по Театральной улице. Спеша присоединиться к победителям, члены комитета постановили избрать комиссию «из 3 человек для обмерки площади квартир, занимаемых служащими в доме при Управлении театрами» (были выбраны председатель месткома А.А. Тараканов, товарищ председателя Ф.Д. Кузин и кандидат в члены И.И. Голенев)⁷. В тогдашних условиях задача комиссии не вызвала сомнений – начать, пока

¹ В тексте: «Канцелярии».

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. Л. 33 об.

³ Данный документ пока что выявить не удалось. Выше уже приводился ответ Батюшкова на постановление месткома от 13 ноября, но он датирован 28 ноября и, следовательно, не мог быть прочтен на заседании месткома 16 ноября.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. Л. 7.

⁵ Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 37.

⁶ См. об этом подробнее: *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 110 – 116; *Бертенсон С.Л.* Вокруг искусства. С. 242 – 243.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. Л. 40.

еще не уехали уволенные чиновники, подготовку к перераспределению казенных квартир в старинном россияевском здании¹. Спустя две недели члены месткома уже раздавали эти квартиры по своему усмотрению тем или иным служащим театрального ведомства².

Сами театральные чиновники и вольнонаемные служащие также организовали свой местком, действовавший, однако, совершенно обособленно от шести «рабочих» комитетов. О нем речь пойдет ниже.

Местный комитет служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам

Особняком среди прочих месткомов, образовавшихся в петроградских государственных театрах во второй половине 1917 г., стоял местный комитет служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам. На фоне дворников, плотников, водопроводчиков и сторожей, избравших своих делегатов в месткомы отдельных театров, мастерских и домов театрального ведомства, служащие Канцелярии выделялись интеллигентностью, гораздо более высоким образовательным уровнем, а также наличием административного опыта. С этим обстоятельством, вероятно, можно связать полноту и хорошую сохранность документов данного месткома, отложившихся в фондах РГИА и ЦГАЛИ Санкт-Петербурга и позволяющих с высокой степенью достоверности восстановить его историю.

Организационная работа по созданию месткома началась в Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам только в октябре 1917 года. 5 октября состоялось общее собрание служащих в количестве 33 чел. (при том, что изначально о своем желании посетить его заявило более 50 служащих); в объявлении о собрании значилось, что оно созывается «для избрания комитета»³. Однако, в протоколе заседания (проходившего под председательством представительницы вольнонаемных служащих Л.М. Немвродовой), указана другая цель: «избрание комиссии для составления проекта о местном комитете служащих в Канцелярии». И действительно, «Краткая инструкция членам местного комитета при государственных театрах» подробно расписывала порядок избрания месткомов театров, мастерских и домов театрального ведомства – но о Канцелярии там ничего не говорилось. Однако осенью 1917 г. само время неумолимо подталкивало любой коллектив к са-

¹ При этом также присутствовали Н.Г. Менгден, как заведующий зданием, и член месткома У.С. Бывалый. Ф.Д. Батюшков сообщал 11 января 1918 г. своему предшественнику В.А. Теляковскому подробности выселения: «Стулья пришлось отдать, так как они значатся в описи казенных вещей, а что касается вешалки, то я сказал гр. Менгдену и Бывалому, что можно зачесть вместо нее дубовый стол, который Вы оставили в мезонине, в кладовке. Ведь эти вещи почти равноценны и большевики успокоятся» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 13. Л. 1).

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 2. ЛЛ. 44 – 44 об.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 355. ЛЛ. 23 об. – 24. В том же архивном деле сохранилось объявление о собрании служащих 2 октября, но более никаких связанных с ним документов нет (Там же. Л. 22). Возможно, оно так и не состоялось.

моорганизации и самоуправлению; не обошло это поветрие и канцелярских служащих, которым теперь предстояло написать устав своего месткома. В комиссию по выработке проекта тайным голосованием были выбраны: граф Н.М. Ланской¹ (от штатных служащих), Л.М. Немвродова² и В.Э. Келер³ (от вольнонаемных). Собрание постановило «по выработке проекта представить

¹ Граф Николай Михайлович Ланской служил в придворном ведомстве с 1911 г.: до декабря 1916 г. – в Московской конторе императорских театров, затем был переведен (на ту же должность помощника делопроизводителя) в Петроград (Там же. Оп. 6. Д. 5123. Л. 2). Приведем штрих из другого времени, интересный в биографическом смысле: известная мемуаристка Т.А. Аксакова-Сиверс повстречала Н.М. Ланского вместе с его сестрой В.М. Тьебо в Саратове в 1935 г., куда они попали, по-видимому, вместе с другими ссыльными интеллигентами из Ленинграда. «Что же касается брата и сестры Ланских», вспоминала Аксакова-Сиверс, «то их лица и их обращение с людьми были исполнены необычайной доброты и благожелательности – все, кто с ними соприкасался, неизменно говорили: “Какие прекрасные люди!”» (Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. М., 2006. С. 545).

² Людмила Михайловна Немвродова, урожденная Ювачева, была дочерью чиновника Канцелярии МИДв Михаила Павловича Ювачева. Есть серьезные основания полагать, что М.П. Ювачев был братом известного писателя и общественного деятеля И.П. Ювачева, отца Даниила Хармса – так, в письме, направленном родным (в числе которых – и брат Миша) с Сахалина (июнь 1887 г.), И.П. Ювачев интересовался: «Недавние перемены в Министерстве двора имели-ли влияние на ваше положение?». Л.М. Ювачева закончила Санкт-Петербургскую Мариинскую гимназию и педагогические курсы. 11 ноября 1900 г. и. д. управляющего Кабинетом его величества К.Н. Рыздзевский обратился к директору театров С.М. Волконскому с просьбой удовлетворить ходатайство М.П. Ювачева («бывшего моего подчиненного <...> честного труженика, обремененного семейством») о принятии его дочери Людмилы на службу в театры «для письменных занятий». 20 декабря того же года с подобным прошением обратилась к Волконскому и сама Л.М. Ювачева; с 1 января 1901 г. она была принята на службу. В 1900-х гг. работала библиотечаршей русской драматической труппы. 1 августа 1910 г. Ювачева была уволена по собственному прошению вследствие расстроенного здоровья (кроме того, одной из причин увольнения могло быть замужество). В сентябре 1914 г. она (уже под фамилией Немвродова) «определена временно для письменных занятий впредь до возвращения одного из писцов Конторы театров, призванных на действительную военную службу». В 1917 г. числилась «служащей по письменной части» (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1225. ЛЛ. 1 – 2, 25 – 26, 30 – 31; Ювачев И.П. Письма с Сахалина [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-362373.html>).

³ Владимир Эрнестович Келер (вариант написания фамилии: Келлер) родился 6 июня 1877 г. Настоящее имя – Эрнест-Фердинанд, под которым он и значится в личном деле вплоть до 1915 г. (в следующем документе – от 1923 г. – уже поименован Владимиром). Возможно, смена имени произошла на волне антигерманских настроений периода Первой мировой войны. Отец В.Э. Келера – флейтист Эрнест-Людвиг Келер, «из австрийских подданных, принявший присягу на подданство России», служил в императорских театрах с 1871 г. Его сын поступил на службу в Петербургскую контору театров в 1904 г. (вольнонаемным писцом), служил (с перерывом в 1918 – 1920 гг., когда был в увольнении) вплоть до 1922 г., затем был уволен окончательно. Работу в Конторе совмещал со службой в Ведомстве учреждений императрицы Марии, состоя членом Екатерининского сельского попечительства детских приютов в Тульской губернии (РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1400. ЛЛ. 2 – 5, 7, 10, 16, 51 – 52).

таковой на обсуждение общего собрания служащих в возможно скорейшем времени»¹.

Следующее общее собрание, на котором присутствовало 44 служащих, состоялось 19 октября под председательством Н.М. Ланского². Оно было созвано «для рассмотрения проекта положения об учреждении местного комитета». Ознакомившись с проектом, собрание постановило «означенный проект представить г. главноуполномоченному Ф.Д. Батюшкову, через управляющего Канцелярией Л.Д. Мецнера, на утверждение»³.

«Положение об учреждении местного комитета служащих по Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам», выработанное комиссией Ланского – Немвродовой – Келера, состояло из 14 пунктов⁴. Первый пункт гласил, что в состав местного комитета служащих Канцелярии «входят для рассмотрения поступающих вопросов 6 человек от классовых служащих и 8 чел. от вольнонаемных служащих Канцелярии государственных театров». Вероятно, общее собрание посчитало такие нормы представительства завышенными и они были уменьшены в два раза (прямо в машинописном тексте «6» исправлено от руки на «3» и «8» на «4»); кроме того, в конце данного пункта была сделана приписка: «и других состоящих для письменных занятий лиц при г[осударственных] т[еатрах]»⁵. Это добавление давало возможность поучаствовать в избрании месткома ряду служащих театрального ведомства, которые не числились по Канцелярии, но в то же время стояли по своему служебному положению далеко от рабочего персонала – заведующим зданиями театров, кассиршам, служащим Кладовой остатков и

¹ Там же. Оп. 18. Д. 355. Л. 25.

² В архиве сохранилось объявление об общем собрании служащих Канцелярии главноуполномоченного, назначенном на 17 октября «для рассмотрения Положения о местном комитете служащих» (Там же. Л. 28). Однако, с учетом того, что тот же вопрос разбирался на собрании 19 октября, можно предположить, что 17 октября собрание по каким-то причинам не состоялось.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. ЛЛ. 5, 24, 26 об.

⁴ В фондах РГИА и ЦГАЛИ СПб нами выявлено шесть вариантов данного «Положения» (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 355. ЛЛ. 26 – 27; ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. ЛЛ. 7 – 8, 25 – 26, 45 – 48, 50 – 51). Все они не датированы, но есть основания полагать, что именно нижеследующий вариант (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. ЛЛ. 25 – 26) был доложен комиссией Ланского – Немвродовой – Келера общему собранию служащих 19 октября. В пользу этого говорит и тот факт, что на обороте последнего листа документа (Л. 26 об.) от руки написан протокол общего собрания служащих 19 октября (такие же протоколы, но машинописные, т. е., надо полагать, более поздние, имеются и на других листах дела (Там же. ЛЛ. 5, 24)). Кроме того, в проекте имеются два варианта формулировки последнего пункта – напротив одного написано «пред[ложили] Немвродова и гр. Ланской», напротив другого «пред[ложил] Келлер». Можно предположить, что данные пометки, показывающие разногласие между членами комиссии в одном из вопросов, было логично делать на том документе, который представлялся на рассмотрение общего собрания.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 25. Рядом с данным пунктом сохранилась карандашная пометка «Прим.», а уже в следующем варианте «Положения», направленном Ф.Д. Батюшкову на утверждение, появилось и само примечание: «кроме этих лиц выбирается 2 кандидата (один от классовых и один от вольнонаемных) для замены членов отсутствующих по болезни или другим причинам» (Там же. Л. 7).

др. (в черновом варианте «Положения», сохранившимся в фондах РГИА, такая возможность также была предусмотрена¹).

Проектом «Положения» был определен необходимый кворум членов общего собрания служащих, при котором оно считалось бы состоявшимся и могло, соответственно, избирать членов месткома (2/3 от общего числа служащих – п. 2), для самого месткома устанавливались выборы председателя, его заместителя и секретаря (п. 3), причем о первом из них говорилось, что он «входит во все сношения, касающиеся дел Комитета, как с управляющим, так и с Главноуполномоченным по Государственным театрам» (п. 4)². Таким образом, в проекте «Положения» подразумевалось, что сам управляющий Канцелярией не будет избираться в местный комитет служащих³. Пункты 5 – 8 и 10 – 13, в которых речь шла о сроках работы каждого состава месткома,

¹ Заметим, что в том варианте «Положения», который сохранился в РГИА (и который является самым ранним, еще черновым вариантом, испещренным многочисленными пометками) предусмотрен другой порядок выборов, более соответствующий «Краткой инструкции», авторы которой стремились закрепить в месткомах представительство каждой, даже самой малочисленной группы рабочих и служащих. Так, согласно этой редакции, в местком Канцелярии должны были быть избраны по два человека от Счетного, Постановочного, Хозяйственного, Распорядительного и Репертуарного отделений Канцелярии, по одному от Библиотеки (от нее изначально было предположено 2 делегата, затем в тексте исправлено на 1) и Регистратуры; кроме того, предполагалось выбрать 2 делегата от служащих, «не входящих в состав отделений Канцелярии» – а именно, архитектора и его помощника, заведующих зданиями, электрическими станциями, кассами (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 355. Л. 26). Вероятно, впоследствии такой порядок был признан слишком громоздким и неудобным, и было оставлено только одно разделение – между штатными и вольнонаемными служащими. Еще один механизм голосования (также оставшийся лишь проектом) содержался в отложившейся в том же архивном деле машинописной записке неустановленного автора. Он предлагал разделить всех служащих на 3–4 категории – чиновников, вольнонаемных, кассирш (позметив при этом: «если они будут присоединены»; позднее слово «кассирш» было чьей-то рукой вычеркнуто) и, если они будут настаивать, выделить в отдельную категорию служащих Кладовой остатков. Выборы следовало производить «производить непременно в процентном отношении, причем каждая группа выбирает из своей среды. Выбирать с каждого десятка одного человека, причем если количество менее пяти, то оно сбрасывается, а свыше 5 – считать за 1. Так с 23 человек выбирается два, а с 26 – 3 человека. Благодаря этому число членов Комитета не будет слишком велико. А кроме того, если бы пришлось в будущем примыкать еще какой-нибудь группе, то не представится никаких затруднений, просто примыкающая группа выберет из своей среды (опять таки в проц[ентном] отношении) число членов, которые войдут в Комитет. Заседания Комитета должны быть непременно открытыми, чтобы каждое лицо Канцелярии имело право совещательного голоса, но только совещательного. Благодаря этому отпадут претензии, что в комитете будут лица не от всех отделений» (Там же. ЛЛ. 29 – 29 об.)

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 25.

³ Вопрос об избрании начальников учреждений в комитеты служащих решался в 1917 г. в бывшем придворном ведомстве по-разному. Например, 18 декабря 1917 г., когда был избран состоящий из трех человек «коллектив» (т. е. комитет) Канцелярии бывшего Министерства двора, одним из них был действующий начальник Канцелярии С.В. Гагарин (РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 611. Л. 32). Служащие Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, как видим, пошли в этом вопросе другим путем.

времени проведения заседаний, порядке их ведения и т. д. повторяли (зачастую дословно) соответствующие статьи «Краткой инструкции».

Камнем преткновения между служащими Канцелярии и главноуполномоченным Ф.Д. Батюшковым стали (впоследствии) формулировки пп. 9 и 14. Что касается первого из них, его изначальная редакция, представленная комиссией Ланского – Немвродовой – Келера общему собранию служащих 19 октября, была практически дословным повторением § 14 «Краткой инструкции» и гласила: «Все постановления комитета (кроме лишь тех, кои устанавливают разного рода внутренние взаимоотношения между служащими разных категорий и рангов) прежде проведения их в жизнь требуют соответственного утверждения Канцелярии театров¹ для каковой цели и вносятся председателем в соответствующие инстанции»². Однако после этих слов в проекте «Положения» была сделана приписка карандашом (возможно, по решению участников общего собрания 19 октября): «Постановления комитета, утвержденные г. главноуполномоченным, считаются окончательными». Что же касается пункта 14 (самого обширного и важного в «Положении» – в нем перечислялись вопросы, «подлежащие компетенции и ведению местного комитета»), то он также «генетически» восходил к одной из статей «Краткой инструкции» (а именно, к § 22 этого документа). Как и в «Краткой инструкции», в п. 14 были перечислены следующие вопросы: «установление взаимоотношений между служащими разных категорий и между заведывающими частями и их подчиненными», наложение взысканий за небрежное отношение к служебным обязанностям, распределение отпусков и дежурств, рассмотрение вопросов, касающихся выдачи пособий, урегулирование разного рода материальных вопросов, а также «все вопросы, которые подлежат рассмотрению суда чести» (последнее, кстати, было нововведением относительно «Краткой инструкции» – для рабочего персонала никакие «суды чести» предусмотрены не были)³. Две запроектированные комиссией Ланского – Немвродовой – Келера функции месткома (решение вопросов «о вознаграждении за экстренные работы служащим» и вопросов, «связанных с ликвидацией или эвакуацией учреждения») были общим собранием не одобрены (они перечеркнуты карандашом в машинописном тексте проекта)⁴. Наконец, по последней из содержащихся в проекте «Положения» функций местного комитета члены комиссии к согласию не пришли. Н.М. Ланской и Л.М. Немвродова настаивали на формулировке «Предложение кандидатов на вакантные должности», а В.Э. Келер предлагал сформулировать иначе: «Замещение освободившихся вакансий младшими по службе лицами и передвиже-

¹ Так в документах того времени часто именовалась Канцелярия главноуполномоченного по государственным театрам.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 25. Ср. с текстом «Краткой инструкции» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 2). Единственное отличие в том, что в § 14 «Краткой инструкции» после слов «постановления Комитета» следовало «принципиального и административного характера», однако это уточнение было вычеркнуто составителями «Положения» еще в черновике документа (Там же. Оп. 18. Д. 355. Л. 26 об.).

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 25 об.

⁴ Там же. Л. 26.

ние их по порядку старшинства, для каковой цели вести списки личного состава и вносить их по порядку поступления на службу». В итоге собранием был принят первый вариант – именно в таком виде, с учетом всех внесенных на общем собрании исправлений, проект «Положения» и был отправлен на утверждение главноуполномоченному Ф.Д. Батюшкову¹.

Интересно, что составители проекта «Положения» не включили в него две важные функции местного комитета, предусмотренные «Краткой инструкцией» – а именно, «выработку внутреннего распорядка в театре, на сцене, в мастерских и пр.» и «увольнение от службы тех лиц, дальнейшее пребывание коих на службе будет признано вредным для дела»². Таким образом, полномочия месткома служащих Канцелярии оказались несколько урезанными относительно остальных месткомов. Это, впрочем, и неудивительно – отлаженный механизм Канцелярии требовал более внимательного к себе отношения; предоставление местному комитету права увольнять тех или иных чиновников могло полностью парализовать работу этого учреждения.

Получив проект, Ф.Д. Батюшков внес в него одно дополнение. К самой последней фразе «предложения кандидатов на вакантные должности» (п. 14, лит. з) он собственноручно дописал: «в том случае, когда главноуполномоченный обратится к м[естному] комитету с соответствующим запросом», существенно ограничив, тем самым, полномочия месткома в кадровом вопросе³. Именно в таком виде «Положение» и было утверждено Ф.Д. Батюшковым 13 ноября с резолюцией: «Утверждаю в виде опыта на один год»⁴.

Уже через три дня, 16 ноября, состоялось общее собрание штатных и вольнонаемных служащих Канцелярии главноуполномоченного, созванное для «избрания членов в местный комитет Канцелярии»⁵. Всего на собрании присутствовал 51 человек; интересно, что большинство из них (44 служащих) выдвигались сами или были выдвинуты своими товарищами в состав месткома⁶. В итоге были выбраны: 3 делегата от штатных служащих – заведующий Постановочной частью государственных театров С.Л. Бертенсон (получивший наибольшее количество голосов – 43⁷), заведующий электрической

¹ Там же. ЛЛ. 7 – 8.

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 2 об.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 45. Довольно большой промежуток времени между общим собранием 19 октября и датой утверждения «Положения» Ф.Д. Батюшковым объяснить довольно легко – события Октябрьской революции, начало противостояния между артистами и служащими государственных театров и представителями Советской власти оттеснили на дальний план вопросы организации местного комитета служащих Канцелярии главноуполномоченного.

⁵ Там же. ЛЛ. 9 об. – 10.

⁶ Там же. ЛЛ. 11 – 12 об.

⁷ Что свидетельствует о его высоком авторитете среди служащих Канцелярии, заработанном, что примечательно, в чрезвычайно непродолжительное время – вплоть до апреля 1917 г. С.Л. Бертенсон на службе в государственных театрах не состоял (см.: Гордеев П.Н. Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-метод. тр. / Отв. ред. В.В. Барабанов, сост. А.Б. Николаев. СПб., 2012. С. 150 – 152).

станцией Михайловского театра Л.П. Медер (33), чиновник XII класса И.Т. Тимофеев (20), кандидатом от штатных служащих был избран уже упоминавшийся нами старший делопроизводитель Д.А. Поспеев (17) и 4 делегата от вольнонаемных служащих, состоящие «для письменных занятий» – Е.К. Петрова, получившая 42 голоса, Е.Г. Конопницкая (29), В.Э. Келер (20), А.А. Париков (19), кандидатом от вольнонаемных – К.П. Шарыпин (16)¹.

20 ноября состоялось первое заседание (всего их было пять) местного комитета Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, в котором участвовали все его члены, кроме С.Л. Бертенсона (впрочем, последний оставил записку с предложением избрать председателем месткома Л.П. Медера²). В итоге Л.П. Медер был единогласно избран на этот пост, а должности товарища председателя и секретаря заняли представители вольнонаемных служащих (Е.К. Петрова³ и В.Э. Келер)⁴. После избрания президиума члены месткома приступили ко второму вопросу, обозначенному в протоколе так: «внесение редакционных изменений в п. 9 и 14 з. утвержденного г. Главноуполномоченным Положения об учреждении местного комитета по Канцелярии государственных театров». В п. 9 после слов «вносятся председателем в соответствующие инстанции» было решено добавить при-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 30. 29 ноября состав месткома был утвержден Ф.Д. Батюшковым (Там же).

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 1. Л. 13. Лев Павлович Медер родился 1 июля 1870 г., по социальному происхождению – дворянин, православного вероисповедания. Получил солидное образование – закончил (в 1896 г.) с дипломом первой степени физико-математический факультет Санкт-Петербургского Университета, а в 1901 г. – еще и Технологический институт, после чего ему было присвоено звание инженера-технолога. В 1905 г. Л.П. Медер одновременно начал службу в Министерстве путей сообщения (в Управлении железных дорог) и в Министерстве двора (в Дирекции театров) – 25 сентября 1905 г. он был определен помощником заведующего освещением Мариинского театра. 1 сентября 1906 г. назначен заведующим освещением Михайловского театра. Кроме того, 1 февраля 1908 г. Медер назначается машинистом-механиком Михайловского театра (ушел с этой должности не позднее октября 1915 г., когда на нее был определен Г.В. Павлов). В январе 1910 г. на Медера были временно возложены обязанности заведующего электрической станцией Михайловского театра; 1 марта 1910 г. он был утвержден в этой должности с оставлением его и заведующим освещением того же театра. Эти должности Л.П. Медер совмещал и в период революции. По состоянию на апрель 1918 г. состоял в должности заведующего электрической станцией. Последнее обнаруженное нами упоминание о Л.П. Медере относится к 1933 г. – он упоминается в справочнике «Весь Ленинград» как инженер, проживающий в доме № 21 на 7-й Советской улице (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 668. ЛЛ. 3 – 5, 7, 16, 33 – 35, 65; Список личного состава служащих по постановочной части // Приложение к Ежегоднику императорских театров. 1913. С. 136; Весь Ленинград на 1933 год. Адресная и справочная книга. Л., 1933. Отд. XV. С. 251).

³ Евгения Константиновна Петрова (девичья фамилия; по мужу – Дмитриева) родилась в 1881 г. Дочь статского советника К.А. Петрова, прослужившего в Санкт-Петербургской конторе театров более 30 лет. Окончила в 1898 г. Институт Ее Императорского Высочества Принцессы Терезии Ольденбургской, с 1901 г. – на службе в императорских театрах в качестве «состоящей для письменных занятий». 1 января 1918 г. уволена из театрального ведомства (вместе с большинством служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам) (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 810. ЛЛ. 2 – 3, 28, 37, 49, 81 – 83).

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 3. Л. 1.

мечание: «Все постановления комитета могут быть обжалованы в общее собрание, для каковой цели должно быть подано, не позднее 2-х недельного срока, председателю комитета заявление, подписанное не менее как половиною всех служащих по Канцелярии»¹. Касательно же п. 14 з члены месткома постановили «Просить г. главноуполномоченного не добавлять вставленных им в этот пункт слов “когда главноуполномоченный обратится к местному комитету с соответствующим запросом”». Данные редакционные изменения было решено внести на рассмотрение общего собрания служащих Канцелярии, назначив его проведение на 23 ноября².

На состоявшемся в этот день общем собрании (на нем присутствовали 44 служащих³, председателем была избрана товарищ председателя месткома Е.К. Петрова) в редакцию 9-го пункта «Положения» было внесено незначительное изменение⁴, что же касается пункта 14 з, то он был полностью одобрен (в той редакции, которая была выработана на заседании месткома). Кроме того, было внесено предложение «об аккуратной явке на службу всех служащих», переданное общим собранием на рассмотрение месткома⁵.

27 ноября состоялось второе собрание местного комитета служащих Канцелярии. В качестве первого вопроса были рассмотрены 2 заявления, поступившие 25 ноября в местком: первое – от 15 штатных служащих и второе – от 29 вольнонаемных. Таким образом, среди подписантов этих заявлений оказалось большинство служащих Канцелярии, включая и председателя месткома Л.П. Медера и др.⁶ Получается, что служащие писали в определенной степени сами себе – что является одним из многих примеров «демократической» бюрократии, пышным цветом расцветшей в революционной России.

Суть заявлений заключалась в просьбе выдать, к празднику Рождества Христова, вместо обычных в этом случае премиальных выплат в размере полумесячного основного оклада содержания – полный оклад (за месяц и «со всеми добавочными по положению»)⁷. Местный комитет вполне предсказуемо согласился с данным обращением и постановил просить о его удовлетво-

¹ Автором этого примечания, вероятно, был Л.П. Медер – в одном из архивных дел сохранилась его записка, содержащая данный текст (Там же. Д. 1. Л. 17).

² Интересна резолюция Ф.Д. Батюшкова, наложенная им 29 ноября на протокол этого заседания. «Первые две поправки утверждаю», писал главноуполномоченный (вероятно, имея в виду под первой «поправкой» первый пункт повестки заседания – об избрании президиума), «а с последней не могу согласиться» (это уже касалось п. 14 з) – так как принятие условий месткома в этом случае «лишило бы права Управл[ение?] театров делать какой бы то ни было свой выбор» (Там же. Д. 3. Л. 1).

³ Там же. Д. 1. Л. 21.

⁴ Заявление, подаваемое председателю местного комитета, теперь должно было быть подписано не половиной, а только третью служащих.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 4. Л. 2. И на этот протокол Ф.Д. Батюшков наложил 29 ноября схожую по смыслу (с приведенной выше) резолюцию: «Утверждаю за исключением п. 14-го» (Там же).

⁶ Там же. Д. 1. ЛЛ. 36 – 37.

⁷ Там же.

рении главноуполномоченного. Примечательна резолюция, наложенная на это постановление месткома Ф.Д. Батюшковым: «Представление в Кабинет сделано, но ответ получится после восстановления правительственной власти»¹.

Вторым пунктом местный комитет рассмотрел вопрос «об аккуратном посещении службы», возбужденный еще на общем собрании 23 ноября. Местком, «принимая во внимание, что систематическое опаздывание на службу и уход со службы ранее срока, с одной стороны, вредно отзывается на деле, которому все мы служим, с другой нарушает интересы сослуживцев, вынужденных нести на себе лишнюю работу, постановил обратиться ко всем сослуживцам с просьбою точно соблюдать порядок посещения службы, допуская уклонение от него лишь в особо исключительных случаях, с представлением каждый раз объяснения причин опаздывания». Главноуполномоченный отреагировал на это постановление краткой резолюцией: «Приветствую»², а Л.Д. Мецнер приказал довести его до сведения служащих Канцелярии (в архивном деле сохранился лист с подписями 27 служащих – в том, что они данное постановление прочитали)³.

Следующее, третье заседание месткома служащих Канцелярии было проведено 4 декабря под председательством Е.К. Петровой (Л.П. Медер отсутствовал). На нем члены месткома вновь вернулись к редактированию п. 14 з «Положения». Теперь этот пункт был сформулирован так: «Предложение на утверждение г. главноуполномоченного – кандидатов на вакантные должности, не выше 8 класса»⁴. Любопытно, что Ф.Д. Батюшков и на этот раз не согласился с членами месткома, наложив на их постановление резолюцию: «Добавить: при чем главноуполномоченный может также назначить и своего кандидата, руководствуясь своими соображениями». Эта резолюция, в свою очередь, повлекла дальнейшую переписку среди служащих Канцелярии о судьбе многострадального пункта 14 з⁵.

¹ Там же. Д. 3. Л. 2.

² Там же. ЛЛ. 2 – 2 об.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 35.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 3. Л. 3.

⁵ В частности, в бумагах месткома сохранился документ (без даты и подписи), представляющий из себя, судя по содержанию, обращение месткома к служащим Канцелярии. В обращении говорилось, о том, что «выработанный с согласия Общего Собрания п. 14 з. Устава местного комитета Канцелярии Главноуполномоченного по Государственным театрам был г. Главноуполномоченным изменен и предложен в следующей редакции» (далее приводилась редакция, данная этому пункту в последней резолюции Ф.Д. Батюшкова). Ниже комитет обращался к служащим: «Так как всякие изменения устава могут быть только с решения Общего Собрания, и желая упростить дело, Комитет предлагает высказаться, согласен ли он (так в тексте – П.Г.) принять пункт в том виде, как он предложен г. Главноуполномоченным, или желают (так в тексте – П.Г.) его принять только по обсуждении на Общем собрании служащих» (Там же. Д. 1. Л. 49). Среди штатных и вольнонаемных служащих Канцелярии был пущен подписной лист, в котором предлагалось определиться – желает ли данное лицо «принять вышеуказанный пункт без Общего Собрания» или настаивает на проведении общего собрания. Из 27 штатных служащих, внесенных в список, проголосовало только 9 (из них 2 – воздержались, 7 – высказались за со-

Кроме того, на своем третьем заседании местный комитет рассмотрел еще ряд вопросов финансового характера, а именно: рапорт смотрительницы Кладовой остатков М.П. Небратовой о прибавках к жалованью (по 5 руб.) трем ее сотрудницам (местком «постановил означенное ходатайство удовлетворить»¹) и вопрос о праздничных деньгах, традиционно выдаваемых к Рождеству, для служащих Канцелярии. Ввиду резолюции, положенной Ф.Д. Батюшковым на прежнее ходатайство по этому вопросу, на этот раз члены местного комитета постановили «вновь ходатайствовать перед г. главноуполномоченным, не будет ли признано возможным выдать всем служащим Канцелярии, получающим не свыше 225 р. в мес. – единовременное пособие к празднику Р[ождества] Х[ристову] в размере 100 р. каждому, из так называемого «штрафного капитала», независимо причитающейся им к празднику добавочной выдачи на общем основании»².

Один из вопросов, поступивших на рассмотрение месткома 4 декабря, носил личный характер. Это было прошение «писца Канцелярии государственных театров г. В. Тюниса³ о зачислении его вновь на службу в Канцелярию, после возвращения с военной службы». Препятствием для удовлетворения прошения В.Т. Тюниса был конфликт между ним и некоторыми его коллегами. Местком в этом случае постановил: «Просить Распорядительное от-

зыв общего собрания); из 40 вольнонаемных голосовало 26 (из них двое – В.Э. Келер и М.П. Небратова – рискнули высказаться, вопреки демократической тенденции, господствовавшей повсеместно в России в 1917 г., за принятие редакции Ф.Д. Батюшкова без созыва общего собрания, остальные настаивали на созыве, причем Л.М. Немвродова подала особое мнение: «Нахожу необходимым приглашение на это собрание г. главноуполномоченного для выяснения п. 14, лит. з», к которому присоединились еще две служащие в Канцелярии) (Там же. ЛЛ. 49 об., 52). Сведений о том, состоялось ли это общее собрание, нам найти не удалось.

¹ Судя по содержанию данной записи в протоколе заседания, можно предположить, что в этом случае местный комитет несколько превысил свои полномочия, определенные «Положением», которое не относилось к его компетенции вопросы повышения жалованья. Впрочем, сам рапорт М.П. Небратовой в деле отсутствует, что не позволяет сделать какие-либо окончательные выводы (возможно, в нем шла речь о некоем пособии в форме временной прибавки к окладу). Напротив данного пункта протокола резолюции Ф.Д. Батюшкова нет.

² На это Ф.Д. Батюшков наложил резолюцию: «Ввиду разрешения Кабинета выдать праздничные из новых окладов (без суточных) вопрос отпадает» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.).

³ Личность Василия Трофимовича Тюниса, как одного из немногих служащих, оставшихся на службе в государственных театрах после января 1918 г. (т. е. после их перехода под контроль советской власти), заслуживает внимания. В.Т. Тюнис родился в 1878 г., в 1899 – 1903 гг. проходил военную службу, с ноября 1903 г. состоял при Санкт-Петербургской конторе императорских театров «на задельной плате для письменных занятий». В 1905 г. принят в число вольнонаемных писцов, и в этой должности оставался до революции. Уволен от службы в театрах по собственному прошению с 1 января 1921 г., перед увольнением занимал должность конторщика 1 разряда (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1084. ЛЛ. 2, 4 – 5, 143, 145, 148). Можно предположить, что конфликт В.Т. Тюниса с его коллегами, о котором пойдет речь далее, был вызван именно пробольшевистским настроением последнего (который и позволил ему, надо полагать, удержаться в театрах при власти большевиков).

деление Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам представить письменные соображения по вопросу, желательна ли пребывание г. Тюниса в составе служащих названного отделения, ввиду поступившего в комитет словесного заявления о его некорректности к некоторым сослуживцам, или пожаловать на заседание местного комитета в четверг 7-го с. декабря к 3 ½ ч. дня, для устных показаний»¹.

Четвертое заседание местного комитета, состоявшееся 7 декабря, было целиком посвящено вопросу трудоустройства В.Т. Тюниса. Явившийся на заседание делопроизводитель Распорядительного отделения Канцелярии Б.И. Смирнов дал объяснения, «выяснив причины трений между г. Тюнисом и некоторыми его сослуживцами по Распорядительному отделению» (к сожалению, о существовании этих причин в протоколе не говорится). Выслушав его, местком принял, так сказать, соломоново решение: «К увольнению г. Тюниса от службы оснований не усматривается. В виду же трений, могущих легко возникнуть между г. Тюнисом и некоторыми служащими Распорядительного отделения, комитет полагал бы желательным перевести г. Тюниса в какое-либо другое отделение Канцелярии»². Распоряжением управляющего Канцелярией Л.Д. Мещнера от 11 декабря В.Т. Тюнис был переведен на службу в Репертуарное отделение³.

Наконец, пятое (и последнее для данного состава местного комитета⁴) заседание состоялось 21 декабря. На нем были рассмотрены 4 вопроса (все – по личному составу служащих Канцелярии): прошение делопроизводителя П.П. Посникова о продлении ему отпуска по болезни до 25 декабря (продлили); прошение В.М. Шишко, дочери бывшего инспектора освещения государственных театров, дать ей при театрах какое-либо место в память заслуг покойного отца (постановили «выяснить вопрос об имеющихся свободных вакансиях»); рапорт секретаря главноуполномоченного по государственным театрам В.В. Гельмерсена о неявке на службу с 9 декабря писца при Репертуарном отделении Е.М. Цыганова (постановили запросить Цыганова о причинах неявки⁵); заявление Л.М. Немвродовой с просьбой разрешить ей, по случаю болезни, не дежурить 24 декабря (члены месткома вынесли частное ре-

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 3. ЛЛ. 3 – 3 об. По этому поводу 5 декабря месткомом был направлен специальный запрос в Распорядительное отделение Канцелярии (Там же. Д. 5. Л. 1).

² Там же. Д. 3. Л. 4. 9 декабря данный протокол был утвержден Ф.Д. Батюшковым (Там же).

³ Там же. Л. 5.

⁴ С 1 января 1918 г. большая часть служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам была уволена за поддержку Ф.Д. Батюшкова, не признавшего власти большевиков и активно им противодействовавшего (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1235. Л. 4).

⁵ Неявка Е.М. Цыганова, возможно, была связана с политическими событиями – точнее, с симпатиями писца к большевикам. По крайней мере, после установления ими контроля над государственными театрами, Цыганов был назначен (с 1 января 1918 г.) делопроизводителем (с исполнением обязанностей заведующего) Распорядительного отделения Канцелярии (Там же. Л. 1).

шение «предложить г-же Немвродовой нести дежурство 24-го декабря до 3-х час. дня, либо нанять заместителя» наряду с более общим пожеланием о сокращении времени работы в праздничные дни: «Комитет полагал бы возможным 25-го декабря, 31-го декабря и 1-го января заканчивать дежурство в 3 часа дня»¹.

В завершение данного обзора деятельности местного комитета служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, отметим, что ряд особенностей существенно отличал данный местком от других. Во-первых, как уже говорилось выше, его члены, равно как и избравшие их коллеги-служащие, выделялись на общем фоне технического персонала театров гораздо более высоким образовательным и культурным уровнем. Во-вторых, для месткома служащих Канцелярии была выработана (самими служащими) специальная правовая база («Положение»), что лишней раз подчеркивало его особый статус. В-третьих, деятельность этого месткома, протекавшая в условиях господства большевиков, отличалась практически бесконфликтным взаимодействием с театральной администрацией. Единственное значимое противостояние между ними (по поводу формулировки пункта 14 з «Положения») шло в рамках обычной служебной переписки, не выходя за пределы принятой в подобных случаях корректности. При этом упорство, с которым обе стороны добивались приемлемой для себя формулировки, показывает и Ф.Д. Батюшкова, и служащих Канцелярии людьми высокой правовой культуры, придававшими (пусть и несвоевременно) большое значение тщательной юридической отделке документа.

Говоря выше об «аполитичности» членов месткома, мы подразумеваем отсутствие каких-либо политических событий, оценок или воззваний в протоколах комитета. При этом, конечно, служащие Канцелярии имели определенные политические взгляды, которые в полной мере проявились в ноябре – декабре 1917 г., в период острого конфликта между представителями советской власти в лице народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского с одной стороны, и Ф.Д. Батюшкова, пользовавшегося широкой поддержкой в среде артистов государственных театров – с другой. В личном архиве Батюшкова сохранилась яркая, решительная резолюция общего собрания служащих от 11 декабря 1917 г., скрепленная 32 подписями: «Служащие Канцелярии государственных театров, как классные, так и вольнонаемные, состоящие для письменных и счетных занятий, ознакомившись с письмом А.В. Луначарского главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову и ответом Ф.Д. Батюшкова А.В. Луначарскому², собрались 11 сего

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 9. Д. 3. ЛЛ. 6 – 6 об.; Д. 5. ЛЛ. 3 – 8. 23 декабря данный протокол был утвержден Ф.Д. Батюшковым (Там же. Д. 3. Л. 6).

² Имеются в виду письмо А.В. Луначарского Ф.Д. Батюшкову от 10 декабря и ответ последнего, составленный 10 – 11 декабря. Луначарский вызывал Батюшкова к себе для «немедленных объяснений» по поводу «контрреволюционной политики» в театрах. Батюшков отказался явиться («Я не привык подчиняться угрозам»), а упрек в контрреволюционности переадресовал самому Луначарскому и его однопартийцам («В моих глазах названия “контрреволюционеров” заслуживают лишь те, кто покушается на великие заво-

Декабря в 1 ½ час. дня для обсуждения создавшегося положения и в этом общем собрании пришли к единогласному решению выразить Ф.Д. Батюшкову наше общее к нему доверие, просить принять его от нас выражение полнейшего нашего к нему сочувствия и заявить ему, что высказанные им в ответе мысли разделяются всеми нами без изъятия, независимо от того, какие последствия все это вызовет. «В единении – сила»»¹.

Недвусмысленно поддержав Ф.Д. Батюшкова, ставшего главой и символом сопротивления большевикам в государственных театрах, служащие Канцелярии тем самым еще больше отделились от членов «рабочих» месткомов, которые подспудно тяготели к переходу на сторону советской власти. И это тяготение стало явным в декабре 1917 г., на заседаниях ЦКГТ.

Союз рабочих и служащих петроградских государственных театров

Осенью 1917 г. в среде технического персонала театрального ведомства возникает, одновременно с местными комитетами, еще одна организация, неподконтрольная Управлению государственных театров. Организация эта называлась «Союз рабочих и служащих петроградских государственных театров»; председателем правления данного Союза был видный деятель рабочего движения в государственных театрах Ф.Г. Бровкин, секретарем – И.Н. Федоров². Известно об этом Союзе немного. 31 октября 1917 г. состоялось (под председательством Бровкина и при секретаре Федорове) общее собрание Союза (в количестве двух третей всех членов), посвященное вопросу о том, как реагировать на письмо назначенного большевиками «комиссара государственных и частных театров» М.П. Муравьева, обращенное к артистам и техническому персоналу театров и грозившее «заслуженной карой» тем, кто будет «уклоняться от выполнения своих обязанностей», что Муравьев приравнивал к «противодействию новой власти». Письмо вызвало в артистической среде бурю возмущения, спектакли в государственных театрах прекратились, в результате чего М.П. Муравьев, не ожидавший такой реакции, сложил свои полномочия³. Однако, постановление «Союза рабочих и служащих» звучало подчеркнуто нейтрально – признавая, что, «ввиду своей политической незрелости и не имея ясного представления о случившемся перевороте, мы – рабочие и служащие в государственных театрах не можем официально примкнуть к той или другой из существующих политических партий», члены Союза отмечали: «так как мы материально зависим от каждого своего рабочего дня, –

евания русской Февральской революции») (Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) / Подг. В.Д. Зельдович // Исторический архив. 1959. № 1. С. 53 – 54).

¹ РО ИРЛИ РАН. № 15638. Л. 1. Среди подписантов – управляющий Канцелярией Л.Д. Мецнер, заведующий Постановочной частью С.Л. Бертенсон и большинство служащих Канцелярии.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. Л. 9.

³ См. об этом инциденте подробнее: Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора. С. 182 – 184.

постановляем себе прямым долгом исполнять точно обязанности, возлагаемые на нас службой. И потому ответственность за прекращение спектаклей в театрах мы, рабочие и служащие, нести не можем»¹. В контексте политической борьбы того времени данное постановление, направленное против «забастовки» артистов, безусловно, играло на руку новой власти.

Второй обнаруженный документ «Союза рабочих и служащих» представляет собой копию с копии отношения правления Союза (за подписями Бровкина и Федорова) к «правительственному комиссару государственных театров»². Оригинал документа был создан, вероятно, во второй половине ноября 1917 г.³ В документе излагалось постановление правления Союза от 18 ноября, принятое на основании протокола собрания «сторожей, капельди-неров, швейцаров, курьеров и вахтеров Дирекции и театрального училища от 16 ноября с/г.». Правление Союза постановило «просить г-на комиссара» увеличить жалованье упомянутым категориям служащих⁴.

Наиболее интересный вопрос, связанный с этим документом – это вопрос о его адресате. Судя по обращению «правительственному комиссару», это не мог быть Ф.Д. Батюшков, должность которого называлась иначе (главноуполномоченный по государственным театрам). Вряд ли обращение было адресовано и Ф.А. Головину, который, во-первых, уже более месяца как находился в Москве, а во-вторых, передал (временно) 4 ноября приказом по МИДв свои полномочия вр. и. о. управляющего бывшим Кабинетом его величества Н.Э. Рюдману⁵. Последний ни авторитетом, ни известностью в театрах не пользовался, и находился, кроме того, в подвешенном положении – будучи вр. и. о. комиссара того правительства, которое уже не существовало. Можно высказать предположение, что под «правительственным комиссаром» в данном документе подразумевался назначенный СНК народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский – что в большей степени соответствовало бы и политическим настроениям рабочего персонала театров после Октябрьской революции, и взглядам председателя Союза Ф.Г. Бровкина.

В декабре 1917 г. «Союз рабочих и служащих» уже открыто вступает в диалог с наркомом просвещения (которого основная масса артистов государственных театров продолжала подвергать бойкоту). В официозных «Известиях» было опубликовано постановление Союза от 8 декабря, вынесенное в ответ на «предписание народного комиссара А.В. Луначарского к артистам, хо-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. ЛЛ. 8 – 8 об.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. Л. 9.

³ Датируется на основании содержания документа. На документе имеется также пометка: «получ[ено]: 9/4 1918 года», относящаяся, вероятно, ко времени получения данной копии.

⁴ Любопытно, что через полгода после принятия «Союзом» постановления, 13 мая 1918 г. оно рассматривалось на заседании ЦКГТ (в этот орган постановление было передано Канцелярией государственных театров). Члены ЦКГТ посчитали, что «так как нет законных оснований для удовлетворения, просьбу служащих оставить без последствий» (редкий случай несогласия двух этих органов самоуправления технического персонала) (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. Л. 16 об.).

⁵ Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора. С. 182.

ру, оркестру и техническому персоналу»¹. Документ начинался с осторожной ноты: «Технический персонал, рабочие и служащие государственных театров не считают, чтобы театр должен был служить в какой либо мере выражением тех или иных политических воззрений. Материально трудясь в театральном деле и дорожа лишь культурно-просветительным характером театра, каким в действительности обладают государственные театры, они ограничивают свои задачи усердной службой этому делу». Затем уже без обиняков высказывалась лояльность новым властителям («Технический персонал готов идти навстречу реорганизации управления государственными театрами и желал бы иметь представительство при обсуждении вопроса об упорядочении хозяйственно-материальной стороны жизни театра, в интересах нужд всего служебного персонала»), сопровождаемая, как обычно, просьбами денежного характера («Рабочая организация Государственных театров считает заработную плату большей части категорий недостаточной и намерена представить по этому поводу подробный доклад в соответствующие инстанции»)². Данное письмо-прошение от «рабочей организации» было чрезвычайно ценным для Луначарского, все еще испытывавшего «кризис легитимности» своей власти в подвластных ему теперь государственных театрах. Неслучайно этот, по сути, местного значения документ удостоился публикации в «Известиях».

Отметим здесь же, что лидер «Союза рабочих и служащих» Ф.Г. Бровкин не ограничивался в своей общественной деятельности только государственными театрами, уделяя внимание и «внешней политике». Так, 24 ноября 1917 г. он присутствовал на третьем заседании Центрального Совета профессиональных союзов работников театра и зрелищ и был избран членом Совета; посетил Бровкин и седьмое заседание этого органа, состоявшееся 12 декабря того же года³. Тогда же, в конце 1917 г., он становится членом Правления «Профессионального союза рабочих театрального дела»⁴. Подобными путями профессиональное движение рабочих и служащих государственных театров понемногу выходило за их пределы, завязывало знакомства и обретало новых союзников.

Центральный комитет государственных театров (ЦКГТ)

Создание ЦКГТ, как отмечалось выше, было предусмотрено «Временным положением о местных комитетах при государственных театрах», утвержденным Ф.Д. Батюшковым 1 декабря. Выборы представителей, которые должны были войти в ЦКГТ, начались в некоторых месткомах даже

¹ В конце 1917 г. А.В. Луначарский несколько раз обращался к театральным деятелям. Возможно, здесь имеется в виду письмо, полученное в начале декабря 1917 г. в Александринском театре и опубликованное в «Театре и искусстве» (Хроника // Театр и искусство. 1917. № 50. С. 830).

² Заявление рабочих гос. театров народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 декабря

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 6 об. – 7, 12.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 93.

раньше этой даты (так, местком Александринского театра наделил соответствующими полномочиями пятерых своих членов еще 30 ноября)¹. Однако, лишь через две недели ЦКГТ был полностью укомплектован и начал свою работу.

Из семи местных комитетов, возникших к середине ноября 1917 г. в петроградских государственных театрах, только местком служащих Канцелярии главноуполномоченного не послал своих делегатов в ЦКГТ и вообще, судя по сохранившимся документам, никак не контактировал с этим органом (мы могли убедиться выше, что данный местком существовал в достаточной изоляции от остальных, руководствуясь собственным «Положением»). Таким образом, учитывая, что оставшиеся шесть месткомов должны были командировать в ЦКГТ своих председателей и по пять рядовых членов, нетрудно подсчитать списочный состав членов ЦКГТ – 36 человек.

Попробуем установить их поименно. Нам известно два списка делегатов, выбранных местными комитетами в ЦКГТ. В частности, местком Александринского театра делегировал в ЦКГТ П.А. Андреева², Ф.Г. Бровкина, Н.К. Иванова³, М.А. Лембера⁴ и Е.Т. Терентьева⁵, местком дома Управления государственных театров (на Театральной улице) на заседании 4 декабря избрал А.А. Тараканова (который был председателем комитета, а значит, вхо-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 36.

² Прохор Андреевич Андреев родился 26 июня 1872 г. в крестьянской семье, в деревне Батюково Ржевского уезда Тверской губернии. Как указано в его анкете, образование получил «в сельской приходской школе». Военную службу Андреев проходил «в ратниках 1-го разряда». На службу в императорские театры поступил 20 октября 1896 г. плотником. В этой же должности пребывал как минимум до сентября 1927 г. (более поздние документы о его службе не обнаружены); в некоторых документах 1920-х гг. именовался «старшим плотником». В январе 1926 г. получил выговор (с предупреждением об увольнении) за «небрежную установку навесной занавеси» во время спектакля (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 108. ЛЛ. 1 – 3, 9 – 13, 17).

³ Николай Константинович Иванов, запасной старший унтер-офицер, служил в императорских театрах с 25 августа 1898 г. (изначально – сторожем при московском Новом театре, с 1 августа 1903 г. по 1 июня 1907 г. – там же капельдинером, после закрытия этого театра был оставлен за штатом, 15 мая 1908 г. назначен капельдинером Александринского театра). 18 августа 1917 г. на собрании капельдинеров под председательством М.Д. Сподаря Н.К. Иванов был избран ими делегатом в местный комитет. В январе 1918 г. отказался от обязанностей члена месткома, ссылаясь на болезнь. Уволен из театров 20 ноября 1920 г. Скончался не позднее 7 февраля 1923 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 410. ЛЛ. 1, 3 – 4, 8, 10 – 10 об., 12).

⁴ Михаил Лембер (инициал отчества «А» расшифровать не удалось), из мещан, лютеранского вероисповедания, состоял на службе в императорских театрах с 1 августа 1902 г. в должности «установщика по освещению» Александринского театра. В мае 1919 г. числился при том же театре как электромонтер (Там же. Оп. 6. Д. 5110. ЛЛ. 38 об., 75 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 1892. Л. 1).

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. Л. 36. Биографические сведения о Е.Т. Терентьеве, избранном в местный комитет Александринского театра от пожарных, обнаружить не удалось. Вероятно, его следует отождествить со «служащим Александринского театра» Евстигнием Терентьевым, числившимся на службе в сентябре 1919 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 3442. ЛЛ. 1 – 2).

дил в ЦКГТ автоматически, не нуждаясь в избрании), В.Я. Булаткина¹, Ф.Д. Кузина, С.Ф. Ратникова и И.Я. Яковлева². Если прибавить к этому еще пятерых (кроме Тараканова) председателей месткомов (Н.К. Бордюга, Ф.Л. Граффа, А.Е. Крылова, Н.Г. Менгдена и А.О. Сокова), получится 15 человек. Кроме того, в архивном деле сохранилось отношение месткома мастерских в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам от 22 декабря, в котором Канцелярия извещалась, что «комитет на заседании 20-го декабря с. г. утвердил отказ портнихи А. Павловой от участия в Центральном комитете. Взамен ее входит маляр Вас. Кокин»³. Таким образом, с учетом замены А.Ф. Павловой⁴ на В.М. Кокина⁵, число членов ЦКГТ возрастает до 37 человек, из которых мы пока что установили 17.

¹ Василий Яковлевич Булаткин родился в крестьянской семье в селе Кевдо-Вершина Чембарского уезда Пензенской губернии. Дату рождения установить не удалось. 1 сентября 1908 г. запасной старший унтер-офицер Булаткин был принят в императорские театры сторожем; в 1910 г. назначается вахтером дома Дирекции императорских театров. Не ранее марта 1916 г. был призван в армию, 22 мая 1917 г. вернулся на службу в театры. 8 ноября 1917 г. (такая дата в тексте прошения Булаткина; однако, последовавшая затем переписка происходила 8 – 9 декабря, что наводит на мысль об ошибочном написании месяца – ноябрь вместо декабря) Булаткин обратился в Канцелярию главноуполномоченного с просьбой предоставить ему кратковременный отпуск «по необходимым домашним обстоятельствам»; вместо себя он оставлял вахтером своего сына Владимира. Пршение члена местного комитета дома Управления государственных театров Булаткина было направлено Л.Д. Мещнером обратно в местком, члены которого 8 декабря 1917 г. разрешили своему коллеге поехать в отпуск. Судя по тому, что к прошению Булаткина был приписан (неустановленным почерком) срок предполагаемого возвращения к обязанностям (1 января 1918 г.), можно предположить, что в 1917 г. он так и не посетил ни одного заседания ЦКГТ. Последнее обнаруженное нами упоминание о В.Я. Булаткине относится к маю 1919 г. (в это время он продолжал состоять вахтером при Отделе государственных театров Народного комиссариата по просвещению) (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 134. ЛЛ. 1, 4 – 8, 17 – 19, 21).

² Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 39. Иван Яковлевич Яковлев, уроженец деревни Ветцы Язвинской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, служил в императорских театрах с 1904 г.: сначала дворником, с января 1910 г. – сторожем Санкт-Петербургской конторы театров. Неоднократно подвергался взысканиям за упущения по службе (в 1907, 1908, 1909, 1912 и 1913 гг.). В ноябре 1916 г. был призван в армию, вернулся в театры уже в 1917 г. Уволился из театрального ведомства 1 апреля 1920 г. (Там же. Оп. 13. Д. 1241. ЛЛ. 1 – 3, 17 – 17 об., 22 – 26, 34 – 37).

³ Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 47.

⁴ Антонина Павлова (инициал отчества «Ф», встречающийся в посвященном местным комитетам архивном деле, расшифровать не удалось), портниха, состояла на службе при императорских театрах с 16 апреля 1900 г. (Там же. Д. 5110. Л. 32; Д. 5128. ЛЛ. 22, 37).

⁵ Василий Михайлович Кокин был одним из старейших членов ЦКГТ. Он родился в 1859 г. в деревне Жилотово Галичского уезда Костромской губернии, в крестьянской семье. Отец Кокина работал маляром в Большом и Мариинском театрах; по рекомендации отца и брата тринадцатилетний Василий был зачислен «подручным маляром Большого театра» еще в 1872 г. Эту дату он и считал началом своей работы в театрах, хотя официальное принятие Кокина на службу состоялось только в 1886 (по другим данным, в 1887) году, после прохождения им военной службы в рядах 138-го Волховского пехотного полка (1880 – 1885 гг.). Отметим, что в конце XIX века в петербургских императорских театрах работало целое семейство Кокиных (так, в приказе по петербургским императорским те-

Большая часть из оставшихся 20 членов ЦКГТ устанавливается по протоколам ЦКГТ, отложившимся в РГИА. Списки участников заседаний приведены трижды – при протоколах заседаний 14, 30 декабря и несостоявшегося заседания 23 декабря. В них упоминаются фамилии еще 18 человек (помимо уже установленных 17-ти). Это М.А. Безобразов, И. Бержанский¹, С.Ф. Виндашус, И.И. Голенев², В.Н. Горельцев³, С.К. Гренберг, Н.Е. Егоров⁴,

атрам от 21 октября 1899 г. упоминаются, наряду с Василием, маляры Павел, Иван и Григорий Кокины). В.М. Кокин как маляр был на хорошем счету у начальства: в частности, 7 января 1898 г. декоратор О.К. Аллегри, хлопоча о повышении Кокина в должности и окладе, отмечал его «усердную и безукоризненную службу», а заведующий Монтировочной частью А.Е. Молчанов (муж М.Г. Савиной, известный театральный деятель и меценат) приписал к рапорту Аллегри, что считает службу Кокина «действительно образцовой». После революции В.М. Кокин остался на службе в театрах (как минимум до октября 1927 г.). Он, насколько можно судить по документам личного дела, был награжден званием Героя труда; Дирекция ленинградских государственных академических театров ходатайствовала также о награждении Кокина званием «заслуженного работника сцены» (Там же. Оп. 13. Д. 502. ЛЛ. 2 – 9, 13, 51 – 57).

¹ Иван Бержанский (отчество установить не удалось) – театральный плотник, поступил на службу в императорские театры не позднее 1911 г., в 1915 г. был призван в действующую армию, вернулся на службу 27 ноября 1917 г. (Там же. Оп. 16. Д. 384. ЛЛ. 156 об. – 157, 182 об. – 183).

² Иван Иванович Голенев родился около 1881 г. (в документе 1922 г. указан его возраст – 41 год). Место рождения неизвестно. Состоял на службе в императорских театрах с 25 января 1917 г., первоначально сторожем при доме Дирекции театров, с 23 августа 1921 г. – привратником при том же доме. 13 марта 1923 г. скончался. Когда в ноябре 1917 г. члены месткома дома Управления государственных театров по Театральной улице выбрали пятерых делегатов в ЦКГТ, И.И. Голенев, будучи только кандидатом в члены месткома, в этот список не вошел, но впоследствии, видимо, был в него доизбран (местный комитет, выбрав в ЦКГТ пятерых человек с председателем месткома, тогда как, согласно «Временному положению», избирать следовало пятерых человек и председателя, как раз должен был направить в ЦКГТ еще одного делегата) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 789. ЛЛ. 1, 4, 9, 18, 20).

³ Василий Нилович Горельцев происходил из крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии (по крайней мере, его отец проживал там в 1918 г. в деревне Бережки Бокаревской волости). Дату рождения установить не удалось. Принят на службу в императорские театры в 1909 г. портным; в этой должности оставался вплоть до революции. По всей видимости, Горельцев был профессионалом своего дела, которого ценили артисты: в его личном деле сохранилось прошение, направленное 24 апреля 1914 г. на имя помощника управляющего Конторой, где Горельцев ходатайствует о предоставлении ему двухмесячного отпуска «для отъезда за границу с г. Шаляпиным». Во время войны Горельцев, надо полагать, был призван в армию; 13 сентября 1917 г. костюмер А. Павлов доносил начальству, что в этот день «явился на работу освобожденный от действительной военной службы портной Горельцев Василий». С 16 октября по 20 ноября 1917 г. был в отпуске, который был предоставлен Горельцеву решением месткома мастерских государственных театров. Вернувшись на службу (с некоторым опозданием – 22 ноября), активно включился в общественную работу, был избран в ЦКГТ от месткома мастерских. В марте 1918 г. получил от своего месткома еще один отпуск на месяц для поездки домой. Дальнейшую судьбу проследить не удалось (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 277. ЛЛ. 2, 4 – 8 об., 16, 27 – 29).

⁴ Николай Егорович Егоров родился около 1878 г. (в документе 1912 г. указан его возраст – 34 года) в деревне Старина Прягаевской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Из крестьян. В 1899 г. был призван в армию. Участник русско-японской войны,

А.В. Иванов¹, Г.С. Мазур², И.И. Меньшиков³, В.В. Митрофанов, Н.И. Носов⁴, М.П. Петров⁵, Д.М. Поляков¹, Д. Сидоров², М.А. Суренков³, И.Н. Федоров,

которую прошел в составе 146-го пехотного Царицынского полка. После демобилизации работал дворником в так называемом «Иезуитском доме» (Итальянская ул., д. 1). 9 июня 1909 г. обратился к управляющему Санкт-Петербургской конторой императорских театров с просьбой о принятии его «в качестве сторожа при Императорских театрах. А если не окажется свободной вакансии, то всепокорнейшее прошу Ваше Высочородие зачислить меня кандидатом». Егоров был зачислен в кандидаты и принят на службу (сторожем Михайловского театра) лишь три года спустя (15 июня 1912 г.). Во время Мировой войны снова призывался в армию; вернулся к исполнению своих обязанностей в театре 12 октября 1917 г. На январь 1918 г. все еще работал сторожем в Михайловском театре (Там же. Д. 353. ЛЛ. 1 – 2, 8 – 11).

¹ Андрей Варфоломеевич Иванов происходил из крестьян села Раменье Дубковской волости Осташковского уезда Тверской губернии. 19 декабря 1913 г. подал прошение в Санкт-Петербургскую контору императорских театров о принятии его на службу «в качестве монтера или установщика при электрической станции». Просьбу Иванова поддерживал заведующий электрической станцией Мариинского театра Ф.Ф. Семирадзкий, указавший, что Иванов ранее «работал в качестве поденного монтера при устройстве проводки в новом помещении для чистки бензином при красильной мастерской и обнаружил весьма основательное знание дела». В итоге Иванов был принят в декабре 1913 г. на службу в качестве установщика электрической станции с испытательным сроком в 1 месяц, а в 1914 г. был зачислен окончательно. После революции (1923 – 1924 гг.) он уже фигурирует в документах как заведующий электрической станцией (Там же. Д. 392. ЛЛ. 2 – 4, 6, 8, 10 – 11 об., 17 – 20).

² Григорий Савельевич Мазур (в документах послереволюционного времени чаще фигурирует вариант фамилии «Мазуров») родился в 1877 г. в деревне Орловой Троянской волости Балтовского уезда Каменец-Подольской губернии, в крестьянской семье. В 1898 – 1902 гг. был на военной службе (служил в л.-гв. Измайловском полку). С 1902 г. – в императорских театрах; служил плотником в Александринском театре (1902 – 1913 гг.), затем швейцаром (1913 – 1917 гг.) и сторожем (1917 – 1928 гг.) в Мариинском театре. В 1914 г. по болезни был освобожден от военной службы. В 1928 г. уволен по собственной просьбе, в связи с признанием его инвалидом II группы (Там же. Д. 626. ЛЛ. 1 – 4, 6, 9 – 10, 47, 50).

³ Иван Иванович Меньшиков, сверхсрочный фельдфебель 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка (проходил военную службу в 1894 – 1899 гг.) в октябре 1899 г. подал прошение о принятии его на службу в императорские театры «Капельдинером в какой-либо Театр или на какую-либо должность, подходящую мне». 1 февраля 1900 г. был принят на службу и зачислен театральным капельдинером в Михайловский театр; в 1903 г. переведен в контрольные капельдинеры. 1 марта 1920 г. скончался (Там же. Д. 677. ЛЛ. 1 – 3, 11).

⁴ Николай Иванович Носов происходил из крестьян деревни Климово Татарковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. Зачислен на службу в императорские театры 1 сентября 1898 г. разборщиком костюмов при мужском гардеробе Мариинского театра (до этого в течение нескольких лет работал там поденным рабочим). На сентябрь 1918 г. продолжал числиться в этой же должности (Там же. Д. 764. ЛЛ. 13, 59).

⁵ Инициалы имени и отчества в протоколах ЦКГТ не указаны. Среди членов местных комитетов упоминаются два Петрова – К.Т. Петров (секретарь месткома Михайловского театра первого состава) и М. Петров (член месткома мастерских первого и второго составов). Так как среди членов ЦКГТ достоверно устанавливается шесть (т. е. столько, сколько предписано «Временным положением») представителей месткома Михайловского театра (председатель А.Е. Крылов, члены месткома Н.Е. Егоров, И.И. Меньшиков, Д.М. Поляков, М.А. Суренков, И.Н. Федоров), следовательно, участие в нем К.Т. Петрова малове-

В.Я. Яковлев. Таким образом, лишь двух членов ЦКГТ пока что не удалось идентифицировать.

До конца 1917 г. состоялось четыре заседания ЦКГТ (14, 16, 18 и 30 декабря). На первом из них присутствовали 27 человек: П.А. Андреев, М.А. Безобразов, Н.К. Бордюг, Ф.Г. Бровкин, И.И. Голенев, В.Н. Горельцев, Ф.Л. Графф, С.К. Гренберг, Н.Е. Егоров, А.В. Иванов, Н.К. Иванов, А.Е. Крылов, Ф.Д. Кузин, М.А. Лембер, Г.С. Мазур, И.И. Меньшиков, Н.И. Носов, А.Ф.

роятно. Михаил Петрович Петров родился около 1883 г. (в документе 1913 г. указан его возраст – 30 лет) в деревне Липа Осьминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, в крестьянской семье. 15 апреля 1913 г. был определен на службу в красильную мастерскую императорских театров чистильщиком (до этого в течение какого-то времени работал «при Красильне по подписке»). В мае 1919 г. продолжал состоять при красильной мастерской (Там же. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 20, 22, 37; Оп. 13. Д. 802. ЛЛ. 2 – 3, 6, 8 – 10 об.).

¹ Дмитрий Михайлович Поляков происходил из мещан г. Порхова Псковской губернии. 26 октября 1895 г. начал службу в императорских театрах (при электрической станции Михайловского театра). 20 февраля 1908 г. назначен старшим машинистом этой станции. 14 апреля 1913 г. возведен в звание личного почетного гражданина. В рапорте от 12 декабря 1916 г., направленном в Петроградскую контору театров, начальник Д.М. Полякова Л.П. Медер ходатайствовал о пожаловании Полякову на Пасху следующего года звания потомственного почетного гражданина, отмечая, что Поляков «за все истекшее время исполнял возложенные на него обязанности самым усердным образом, неся бесценно ежедневные дежурства в течение круглого года и почти не пользуясь положенными отпусками. <...> проявляемая всегда Поляковым присущая ему находчивость и распорядительность давала возможность не чувствовать тех тяжелых условий, в которых приходится работать станции последние 2 – 3 года. <...> Поляков вполне заслужил вышеуказанную награду, как добросовестный и честный работник, обремененный к тому же большим семейством, состоящим из 9 человек детей, для которых пожалование их отцу звания потомственного почетного гражданина имело бы большое значение». Награждение это, по-видимому, так и не состоялось вследствие революции. 1 марта 1920 г. Д.М. Поляков был уволен от службы в театрах, согласно его собственной просьбе, «по крайне необходимым семейным обстоятельствам» (Там же. Оп. 6. Д. 5110. ЛЛ. 12 – 12 об.; Оп. 13. Д. 840. ЛЛ. 1 – 3, 5, 8).

² Даниил (в материалах личного дела чаще пишется Данила) Сидоров (отчество установить не удалось) состоял на службе в императорских театрах с 1888 г. Изначально служил плотником в Михайловском театре, с 1 апреля 1896 г. переведен в осветители того же театра. В последней должности находился как минимум до декабря 1916 г. Неоднократно подвергался взысканиям за упущения по службе и неподобающее поведение (в 1901, 1907, 1913 гг.) (Там же. Оп. 13. Д. 954. ЛЛ. 1, 5, 10 – 11, 38 – 39, 44).

³ Михаил Андреевич Суренков родился 14 ноября 1864 г., происходил из крестьян деревни Ново-Васильевской Столыпинской волости Зубцовского уезда Тверской губернии. В 1878 г. поступил в московский Большой театр на службу в качестве рабочего декорационно-машинной части, в 1885 г. уволился для отбытия воинской повинности; в 1893 г., уже как «отставной фельдфебель 2-й батареи 24-й артиллерийской бригады», вновь вернулся в театральное ведомство, теперь в Петербурге. В 1893 – 1903 и 1904 – 1905 гг. служил плотником в Мариинском театре, в 1903 – 1904 гг. – капельдинером в том же театре, в 1905 – 1908 гг. – вахтером декорационных складов в зданиях Дирекции. В феврале 1908 г. уволился, однако в апреле того же года вновь принят на службу (плотником в Михайловский театр). Находился на этом посту до революции. Скончался 26 июня 1920 г., в пребывая в должности старшего плотника машинно-декорационной части (Там же. Д. 1048. ЛЛ. 1 – 2, 17, 18 об., 100).

Павлова, М.П. Петров, Д.М. Поляков, А.О. Соков, М.А. Суренков, А.А. Тараканов, Е.Т. Терентьев, И.Н. Федоров, В.Я. Яковлев, И.Я. Яковлев. Вначале состоялись выборы президиума ЦКГТ: в итоге председателем был избран А.Е. Крылов, товарищем председателя – Ф.Г. Бровкин, секретарем – Ф.Л. Графф. Все трое были видными деятелями местных комитетов Михайловского, Александринского и Мариинского театров соответственно (а Крылов и Графф – председателями месткомов). Сообщение об избрании данных лиц было отправлено 15 декабря в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам и в тот же день Ф.Д. Батюшков поставил на нем резолюцию «утверждаю», хотя его утверждение, согласно «Временному положению», в данном случае и не требовалось (не были затронуты вопросы бюджета и охраны имущества, а в остальном постановления ЦКГТ не нуждались в санкционировании)¹.

На первом же заседании члены ЦКГТ приступили к текущим политическим делам. Было заслушано «письмо т. Луначарского»², вызвавшее дискуссию среди членов ЦКГТ. Первым выступил Яковлев³, предложивший «устроить сговор с отд[ельными] группами и выяснить, им угодно ли послать делегацию». Ему возразил плотник Михайловского театра М.А. Суренков, заявивший, что «артисты ведут старую политику и поддерживают старое правительство. Мы не можем идти рука об руку с артистами; он против предложения Яковлева». Суренкова поддержал М.П. Петров, предложивший «не ждать (судя по контексту – артистов – П.Г.) и послать делегацию», Яковлева – председатель месткома мастерских государственных театров Н.К. Бордюг, призвавший членов ЦКГТ «избрать делегацию и войти в контакт с артистами».

В итоге на голосование было поставлено компромиссное предложение об избрании из состава ЦКГТ делегации, которая «получив наказ, должна войти в контакт с труппами. Если труппы присоединятся к посылке делега-

¹ Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 45.

² Там же. Оп. 18. Д. 1187. Л. 3. Судя по контексту, имелось в виду письмо, опубликованное в «Театре и искусстве». В нем Луначарский, грозя чиновникам «Конторы» («Мне известно, что совершенно бесполезные для театра чиновники до сих пор безраздельно там господствуют, путем нелепых запугиваний стараются добиться от артистов государственных театров, хора, оркестра и технического персонала политических демонстраций против Рабочего и крестьянского правительства <...> Я предупреждаю, что контора и весь бюрократический персонал управления театрами, как органы чисто правительственные и не имеющие ничего общего с этими театрами, как культурными учреждениями, – будут на днях самым решительным образом реформированы»), приглашал «солистов и артистов петроградских театров, представителей хора, оркестра и технического персонала войти со мной в непосредственные сношения, для полного соглашения о дальнейшей судьбе театров». Нарком просвещения обещал «принять их делегации в любой день, в министерстве народного просвещения, от 2 до 4 ч., начиная со среды, 6 декабря» (Хроника // Театр и искусство. 1917. № 50. С. 830).

³ В протоколе заседания не указаны его инициалы, поэтому нельзя точно сказать, какой из двух Яковлевых – членов ЦКГТ имеется в виду. Учитывая, что В.Я. Яковлев занимал явно пробольшевистскую позицию (см. ниже), а данное предложение было, скорее, компромиссным, можно предположить, что его автором был И.Я. Яковлев.

ции к Луначарскому, пойти с ними вместе, если нет, пойти самостоятельно». Данное предложение было принято единогласно. Членами делегации были избраны три члена президиума ЦКГТ (Крылов, Бровкин, Графф).

Помимо него, на этом же заседании члены ЦКГТ приняли постановление насчет платы за выходные и праздничные дни: для тех категорий рабочих и служащих государственных театров, которые не имели возможности ввести у себя «систему очереди», так, чтобы часть персонала работала в воскресенье, было решено оплачивать работу в воскресный день в двойном размере; тем же, кто мог ввести такую систему, в двойном размере оплачивалась работа в воскресенье сверх восьми часов рабочего дня (в будние дни сверхурочную работу было решено оплачивать в полуторном размере). В субботу нормальный рабочий день был ограничен шестью часами. По заявлению рабочих Мариинского театра, было решено оплачивать работу в праздничные дни в полуторном размере за весь день. Проверку «правильности работ и записей» ЦКГТ возложил на местные комитеты.

Наконец, было принято решение и по беспокоившему всех театральным служащим вопросу выдачи жалованья. Особую актуальность он приобрел в данное время, в период бойкота государственным театрами власти большевиков. ЦКГТ постановил «послать письмо в Канцелярию и затребовать объяснения о дне выдачи жалованья и могут ли сборы государственных театров быть использованы на такую уплату»¹.

Следующее заседание ЦКГТ состоялось 16 декабря (список присутствующих в протоколе не обозначен). Первым вопросом повестки дня значилось: «Выборы делегации в Зимний дворец»². Решение ЦКГТ по этому вопросу кратко фиксируется протоколом: «Предоставлено Союзу служащих». Возможно, имелся в виду организовавшийся в ноябре – декабре 1917 г. «Союз служащих в учреждениях бывшего Министерства двора»³, от имени которого уже велись переговоры с большевиками; нельзя, однако, исключать и вариант, согласно которому здесь подразумевался упоминавшийся ранее

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. ЛЛ. 3 – 4. Это письмо, отправленное от имени председателя ЦКГТ А.Е. Крылова и контрассигнованное секретарем Ф.Л. Граффом, сохранилось в другом архивном деле: «Согласно постановлению Центрального комитета от 14 декабря прошу Канцелярию не отказать в делегировании лица на заседание Центрального комитета 16-го декабря в 2 ¼ ч. дня в Александринском театре, могущего дать необходимые разъяснения на предмет возможности произвести уплату жалованья служащим за декабрь месяц из вечерних сборов по театрам» (Там же. Оп. 6. Д. 5128. Л. 46). Таким образом, из письма мы узнаем, что заседания ЦКГТ (как минимум, одно из них) происходили в Александринском театре.

² Поскольку делегация к А.В. Луначарскому уже была избрана на предшествующем заседании, здесь, возможно, имелись в виду выборы делегатов для переговоров с В.А. Карелиным, левым эсером, в декабре 1917 – марте 1918 гг. занимавшим пост народного комиссара имуществ Республики (см. о нем: *Разгон А.И.* Карелин Владимир Александрович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 139 – 141).

³ См. о создании этого Союза и его уставе: РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 611. ЛЛ. 1 – 10 об., 21 – 22.

«Союз рабочих и служащих петроградских государственных театров» под председательством Ф.Г. Бровкина.

Вторым пунктом заседания ЦКГТ стал отчет представителя Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам графа Н.М. Ланского по вопросу о жаловании. Ланской зачитал членам ЦКГТ «выдержки из отчета бухгалтерии о количестве денег, жалований (так в тексте – П.Г.) служащим за декабрь месяц». Из отчета следовало, что всем служащим за декабрь полагается 374 070 руб., а также 50 479 руб. наградных. Денег же в Канцелярии, сообщил Ланской, «есть около 90 000 р., кои идут на уплату неотложных счетов. В настоящий момент в б[ывшем] К[абинете] е[го] в[еличества] идет совещание о раздаче жалованья за декабрь месяц». Услышав это, члены ЦКГТ постановили «немедленно пригласить г. управляющего Канцелярией для дачи более подробных объяснений». Однако отправленному от ЦКГТ делегату было заявлено, что управляющего Канцелярией Л.Д. Мещнера сейчас нет, после чего было решено «запросить Канцелярию письменно».

Третий вопрос, рассмотренный ЦКГТ 16 декабря, имел частный характер: было заслушано «заявление кузнеца Ефима Волкова о неправильности его увольнения» и решено «оставить на дальнейшей службе», так как «мотивы увольнения противоречат заявлению, сделанному Виндашусом»¹ (товарищем председателя месткома домов Канцелярии по Вознесенскому и Большой Подъяческой).

Третье заседание ЦКГТ, состоявшееся 18 декабря, в протоколе обозначено как экстренное (список присутствующих не дан). Прежде всего, члены ЦКГТ приступили к рассмотрению вопроса «о жалованиях за декабрь, согласно наказу, полученного делегатами из Зимнего дворца». Ниже этой записи в протоколе присутствует фраза, относящаяся, возможно, к сути полученного делегатами «наказа» (а возможно, являющаяся постановлением ЦКГТ): «Немедленно достать ведомости и талоны и представить их комиссару в Зимний дворец».

Затем перед членами ЦКГТ по тому же вопросу выступил управляющий Канцелярией главноуполномоченного по государственным театрам Л.Д. Мещнер, заявивший: «Жалованье, по всей вероятности, будет выдано в четверг, т. е. во второй половине недели. Если же Вам угодно деньги получить ранее, то можете взять талоны и ведомости на лицо, Вами уполномоченное, хотя бы даже сегодня и пойти к Карелину»². Именно этот вариант, не особенно желательный для поддерживавшей Ф.Д. Батюшкова и не признававшей власти большевиков Канцелярии, и был принят ЦКГТ, постановившим: «Уполномоченному Вас[илию] Яковлеву и делегатам Бровкину, Митрофанову, Федорову и Яковлеву немедленно, переделав талоны, получить деньги».

После этого ЦКГТ были делегированы, «согласно просьбе г. Батюшкова, на заседание 19-го декабря на его квартире председатель Крылов и чле-

¹ Там же. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. ЛЛ. 4 – 4 об.

² Там же. Л. 4 об.

ны Комитета Мельников и Тараканов»¹. На квартире главноуполномоченного предполагалось в этот день «заседание особого Совета при главноуполномоченном по делам театров»². Упомянутый «Совет по Управлению государственными театрами» был организован Ф.Д. Батюшковым на основании разрешения, данного и. о. комиссара над бывшим МИДв Н.Э. Рюдманом 2 декабря. В Совет, ведающий «общими делами всех государственных театров», должны были войти: главноуполномоченный, управляющие труппами, председатели художественно-репертуарных комитетов, по одному представителю от каждой труппы и каждого из центральных установлений Комиссариата Временного правительства над бывшим МИДв, а также председатель и два члена ЦКГТ³.

Радикальный характер носило выступление плотника Мариинского театра В.Я. Яковлева, поднявшего вопрос «о наложении ареста на суммы, имеющиеся в Канцелярии, во избежание их растраты». ЦКГТ, впрочем, при голосовании это предложение отверг большинством против десяти голосов, поданных «за». На вопрос же Яковлева⁴ президиуму «о выполнении поручения о поездке к Луначарскому», члены президиума ответили, что «поездка состоится в среду» (то есть 20 декабря).

Наконец, в самом конце заседания ЦКГТ постановил передать «Союзу рабочих» (надо полагать, тому, который организовался под председательством Ф.Г. Бровкина) «заготовить нормы будущих жалований, разбор служащих по категориям и списки представить на утверждение Центрального комитета»⁵. Любопытно, что ЦКГТ – официальный орган, возникший в соответствии с утвержденным Ф.Д. Батюшковым «Временным положением» и

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Оп. 6. Д. 5114. Л. 144. См. об этом заседании: *Золотницкий Д.И.* Академические театры на путях Октября. Л., 1982. С. 35.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 7. Д. 1. Л. 29. Создаваемый Батюшковым «Совет» вызвал резко негативную реакцию у большевиков. А.В. Луначарский в письме к Ф.Д. Батюшкову от 28 декабря 1917 г. писал: «Что касается затеянного Вами совета, то в глазах всех прогрессивных людей, всех, кому в действительности дорого искусство, он явится, конечно, черносотенной попыткой удержать театры в зависимости от театральной бюрократии и стать поперек дороги той широкой автономии, которую я предлагаю подлинным работникам государственных театров» (Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) / Подг. В.Д. Зельдович // Исторический архив. 1959. № 1. С. 59). Настроенный пробольшевистски В.Ф. Безпалов схожим образом аттестовал «Совет» в своих мемуарах: «Фокус заключался в том, что к верховному совету отходили все права и обязанности самого Батюшкова, между тем как Батюшков продолжал сохранять свой пост. Это был своеобразный маневр, переключивший представительство и ответственность на новых лиц и позволявший сохранить власть в старых руках» (Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 104).

⁴ Из сохранившегося протокола инициалы этого Яковлева не указаны, а потому не очевидно, о ком здесь идет речь – упоминавшимся выше В.Я. Яковлеве или его однофамильце И.Я. Яковлеве, также члене ЦКГТ. Поскольку вопрос о поездке к Луначарскому следует в протоколе сразу же после выступления В.Я. Яковлева, вероятно, Василий Яковлев и был его автором.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. Л. 5.

организовавшийся «снизу» бровкинский «Союз» здесь вступают в формальные, партнерские взаимоотношения.

Следующее заседание ЦКГТ могло бы пройти 23 декабря, однако, на него явилось только 20 человек (И. Бержанский, Ф.Л. Графф, Н.Е. Егоров, А.В. Иванов, Н.К. Иванов, В.М. Кокин, А.Е. Крылов, Ф.Д. Кузин, М.А. Лембер, Г.С. Мазур, И.И. Меньшиков, Н.И. Носов, М.П. Петров, Д.М. Поляков, С.Ф. Ратников, А.О. Соков, А.А. Тараканов, Е.Т. Терентьев, И.Н. Федоров, В.Я. Яковлев) и, за отсутствием кворума, заседание было признано не состоявшимся¹.

Четвертое (и последнее в 1917 г.) заседание ЦКГТ прошло 30 декабря. На нем присутствовали 25 членов комитета: М.А. Безобразов, И. Бержанский, Ф.Г. Бровкин, С.Ф. Виндашус, В.Н. Горельцев, Ф.Л. Графф, С.К. Гренберг, Н.Е. Егоров, Н.К. Иванов², В.М. Кокин, А.Е. Крылов, Ф.Д. Кузин, М.А. Лембер, Г.С. Мазур, И.И. Меньшиков, В.В. Митрофанов, Н.И. Носов, М.П. Петров, Д.М. Поляков, Д. Сидоров, А.О. Соков, А.А. Тараканов, Е.Т. Терентьев, В.Я. Яковлев, И.Я. Яковлев. В начале заседания члены ЦКГТ заслушали «доклад делегатов у Батюшкова о Верховном совете». Выступивший затем Яковлев³ предложил «не говорить по существу о предлагаемом г. главноупол[номоченным] Совете и ответить отрицательно». Какое-либо голосование по этому предложению протоколом не зафиксировано, но, судя по дальнейшим действиям ЦКГТ, с ним согласились.

Затем, отказав в поддержке Ф.Д. Батюшкову, члены ЦКГТ обратились к рассмотрению «постановлений и писем» его противника, наркома просвещения А.В. Луначарского⁴. В данном вопросе ЦКГТ повел себя противопо-

¹ Там же. Л. 5 об.

² Инициалы имени и отчества в протоколе не указаны, однако подпись совпадает с подписью Н.К. Иванова (см.: Там же. Оп. 13. Д. 410. Л. 4).

³ В протоколе заседания его инициалы не проставлены, в связи с чем мы вновь не можем точно определить, о каком из двух Яковлевых – членов ЦКГТ идет речь. Судя по пробольшевистскому содержанию данного выступления, возможно, автором его был радикально настроенный В.Я. Яковлев.

⁴ В декабре 1917 г. А.В. Луначарский неоднократно выступал в печати по тем или иным вопросам, связанным с государственными театрами (см. напр.: *Луначарский А.В.* 1) К инциденту в Александринском театре // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 декабря; 2) О задачах государственных театров. (От народного комиссара по просвещению) // Там же. 13 декабря; 3) О задачах государственных театров. (Продолжение) // Там же. 15 декабря; 4) О задачах государственных театров. (Окончание) // Там же. 17 декабря; 5) Всем артистам и служащим петроградских государственных театров // Там же. 22 декабря). Члены ЦКГТ, по всей видимости, обсуждали, прежде всего, «Распоряжение народного комиссара по просвещению о временном порядке управления Петроградских государственных театров» от 12 декабря, в котором Луначарский объявлял об упразднении «громоздкой, дорогой, бюрократической и корчащей из себя начальство» «Канторы государственных театров» (т. е. Канцелярии главноуполномоченного), а также о создании Ликвидационной комиссии (в которую должны были войти в том числе и два представителя от «комитета технического персонала») с целью «ревизии ее деятельности и приема дел». Кроме того, в распоряжении Луначарского говорилось о передаче всех функций «Канторы» и всего управления государственными театрами в Петрограде «Театральному совету в следующем составе: по

ложным образом: была «принята резолюция о ликвидации Канцелярии и солидарности с проектируемой формой Управления театрами в виде Театрального совета», затем «большинством голосов против одного голоса» в Ликвидационную комиссию (также, как и Театральный совет, учрежденную распоряжением Луначарского) были избраны Ф.Г. Бровкин и В.Я. Яковлев¹. На этом заседании завершилось.

Таким образом, 30 декабря ЦКГТ окончательно определил свою политическую позицию, перейдя на сторону большевиков. Это, несомненно, было серьезным ударом по позициям Батюшкова. Думается, не случайно, что через три дня после данного заседания, 2 января 1918 г. Луначарский и его окружение, наконец, решились на насильственное смещение Батюшкова и установление полного контроля над государственными театрами.

А.Е. Крылов и А.О. Соков: два председателя

Биография Александра Евгеньевича Крылова весьма необычна для председателя рабочего комитета в эпоху революции. Его отец, Евгений Тимофеевич Крылов, сделал блестящую военную карьеру. Выходец из петербургского дворянства, Е.Т. Крылов родился в 1824 г.; закончив в 1842 г. Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (которую восемью годами ранее закончил Лермонтов), Крылов был выпущен прапорщиком в л.-гв. Конно-гренадерский полк. Быстро поднимаясь по ступеням военной иерархии, в 1862 – 1868 гг. он уже командовал л.-гв. Уланским полком, в котором много позднее будет служить его сын. Е.Т. Крылов участвовал в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., а в 1886 г. был произведен в генералы от кавалерии и отправлен в отставку «с мундиром и пенсией». Скончался в 1894 г. У него было шестеро детей: от первого брака – Евгений (1855 г. р.), от второго (с Марией Романовной Соколовской, дочерью полковника) – Ольга (1861 г. р.), Сергей (1863 г. р.), Владимир (1871 г. р.), Михаил (1877 г. р.), а также Александр, родившийся 9 ноября 1869 г.² (по другим данным – 8 ноября)¹. О нем и пойдет речь далее.

два представителя от артистов драматического театра, от солистов оперного театра, от оркестра, хора и балета; по одному от хормейстеров, дирижеров, режиссеров и художников и шесть от технического персонала государственных театров». Председателем этого совета становился сам нарком просвещения, который призывал своих сторонников из числа театральных служащих к диалогу: «Личный разговор с какой бы то ни было категорией труженников государственных театров для меня всегда желателен, ибо, конечно, при личной беседе рассеются ядовитые туманы, которыми буржуазные политики стараются помешать сотрудничеству правительства трудовой демократии с артистами» (Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами. С. 56 – 57).

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. Л. 6. Интересно, что это единственное заседание ЦКГТ, под протоколом которого нет подписи председателя А.Е. Крылова (хотя он был в числе присутствующих); протокол подписан только секретарем Ф.Л. Граффом.

² История лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны полка / Сост. П.О. Бобровский. СПб., 1903. Приложения ко II тому. С. 48 –

Александр Крылов получил образование в элитном Пажеском корпусе². 10 августа 1890 г. камер-паж Крылов был выпущен корнетом в л.-гв. Уланский ее величества полк³, где прошел последовательно путь от корнета до ротмистра гвардии (произведен 6 декабря 1901 г.)⁴. В 1908 г. переведен на службу (с переименованием в армейского подполковника) в 20-й драгунский Финляндский полк, расквартированный в Вильманстранде⁵. 6 декабря 1911 г. произведен в полковники; к началу 1914 г. имел ордена св. Анны 3-й степени и св. Станислава 2-й степени⁶.

Участник Первой мировой войны (в 1914 – 1915 гг. – командир 20-го драгунского Финляндского полка). В мемуарах однополчан А.Е. Крылов, как начальник и боевой командир, предстает неоднозначной фигурой. Штаб-ротмистр В. Хороманский вспоминал, что Крылов «был строг и требователен»⁷. Полковник О. Баннер-Фохт, с началом мировой войны переведенный в стоявший в Петрограде маршевый батальон 20-го драгунского Финляндского полка, оставил со слов своего брата штаб-ротмистра М. Баннер-Фохта довольно неприглядное описание деятельности А.Е. Крылова как командира полка в боевых условиях: «принял полк полковник Крылов, который, в быт-

50; Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 729.

¹ Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. I. С. 1055.

² Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. / Собр. и изд. О. фон Фрейман. Фридрихсгамн, 1894 – 1897. С. 736; Пажеский его императорского величества корпус за сто лет / Сост. Д.М. Левшин. СПб., 1902. Т. II. С. 359.

³ История лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны полка. С. 419. В том же полку в 1897 – 1899 гг. служил его брат М.Е. Крылов (Там же. С. 427).

⁴ Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. I. С. 1055. В качестве офицера Уланского полка А.Е. Крылов был запечатлен А.А. Игнатьевым в его широко известных мемуарах (эпизод относится к началу русско-японской войны, на которую отправился Игнатьев, служивший ранее в Уланском полку): «Через полгода, сидя в китайской фанзе где-то в Суетуне, я получил письмо от своего преемника по командованию эскадрой и денежный перевод в сто двадцать три рубля. “Деньги эти, – писал мне Крылов, – представляют стоимость чарок водки за последние два месяца, так как уланы 3-го эскадрона собрались и вынесли решение отказаться от казенных винных порций. Они просят тебя покупать на эти деньги все, что сочтешь нужным для их собратьев – солдат Маньчжурии, которые гораздо несчастнее их”» (Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю: в 2-х т. М., 1955. Т. 1. С. 187).

⁵ Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909. С. 612; Состав офицеров 20-го драгунского Финляндского полка // Финляндские драгуны. (Воспоминания). Сан-Франциско, 1959. Страница без номера. Один из однополчан А.Е. Крылова вспоминал, что тот, перед окончательным переводом в полк, состоял в нем определенное время в качестве прикомандированного ([Рожин А.В.] Воспоминания полковника Рожина // Финляндские драгуны. (Воспоминания). С. 245).

⁶ Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. I. С. 1055; Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914. Ч. I. С. 666 (в последнем издании ошибочно указана дата производства А.Е. Крылова в полковники – 6 декабря 1910 г. вместо 6 декабря 1911 г.).

⁷ Хороманский В. Предисловие // Финляндские драгуны. (Воспоминания). С. 12.

ность свою помощником командира полка по строевой части, был в мирное время грозой полка, и все ожидали, что полковник Крылов будет образцовый командир полка. Но на деле оказалось другое. Это было ужасное и тяжелое время отступления. Командир полка все время молился, и был такой случай, что разведка донесла ему, что вблизи находится бригада немецкой кавалерии, расположившаяся на обед и без всякого охранения, и надо забрать ее голыми руками, пойдя в атаку. Но командир полка так долго молился, что, когда он вышел, бригада, пообедав, ушла восвояси»¹.

В ином свете виделась фигура А.Е. Крылова другому его сослуживцу, полковнику А.В. Рожину. «Он прокомандовал недолго», – вспоминал мемуарист об А.Е. Крылове. «В начале 1915 года он был отозван с фронта в Петербург вместе с командиром бригады, генерал-майором Химцем и командиром полка Офицерской кавалерийской школы, полковником Васильевым. В Петербурге он получил место коменданта Михайловского театра. О причине отозвания полковника Крылова не знаю ничего. Если полк в самом начале войны не проявил себя так, как мог проявить, объясняется не плохими распоряжениями его командира, а недостаточно энергичными приказаниями штаба бригады, в составе которой действовал полк. Во всяком случае, полагаю, что, кроме благодарности, чины полка ничего иметь к полковнику Крылову не могут, ибо он щадил полк, и потери при нем были самые незначительные. Это все же лучше, чем делать свою собственную карьеру на “шее” подчиненных»². Впрочем, на страницах мемуарного очерка А.В. Рожин пишет о своей многолетней дружбе с А.Е. Крыловым³, которая продолжалась и после ухода последнего с военной службы⁴, и могла, конечно, повлиять на оценку, данную Крылову мемуаристом.

Награжденный в кампанию 1915 г. орденом св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом⁵, А.Е. Крылов по невыясненным пока причинам вскоре покидает военную службу и переходит в придворное ведомство⁶. Уже 3 апреля 1915 г. директор императорских театров В.А. Теляковский направил в Кан-

¹ [Баннер-Фохт О.] Записки полковника Олега Баннер-Фохта // Там же. С. 215.

² [Рожин А.В.] Воспоминания полковника Рожина // Там же. С. 262 – 263.

³ «С полковником Крыловым я тоже был в самых дружеских отношениях, ибо знал его давно, когда еще не служил на военной службе и жил летом в Петергофе, где полковник Крылов служил в лейб-гвардии Уланском ее величества полку» (Там же. С. 304).

⁴ «Я часто бывал у своего командира полка (бывшего) полковника Крылова. Он теперь исполнял обязанности полицмейстера Михайловского театра. Квартира его находилась в здании театра» (Там же. С. 325).

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5110. Л. 20 об.

⁶ Одной из причин ухода из армии могло стать состояние здоровья А.Е. Крылова – в частности, в аттестате, выданном 18 июля 1915 г. Управлением Старорусского уездного воинского начальника «бывшему командиру 20-го драгунского Финляндского полка полковнику Крылову» говорится о том, что Крылов, «как эвакуированный с театра военных действий», получает соответствующее жалованье. В прошении А.Е. Крылова, поданном директору театров В.А. Теляковскому 23 июля того же года, полковник писал: «Имея необходимость, по предписанию свидетельствовавших меня врачей, в отдыхе после пройденного мною курса лечения в Старой Руссе, ходатайствую об увольнении меня в отпуск до конца Августа месяца 1915 г.» (Там же. Оп. 13. Д. 543 б. ЛЛ. 3, 6).

целярию МИДв «прошение полковника Александра Крылова о назначении его на должность полицмейстера императорских петроградских театров»¹. Вопрос решился для А.Е. Крылова положительно – приказом по МИДв от 17 июня 1915 г. он был назначен полицмейстером Михайловского театра (с 24 мая того же года)². В жизни полковника Крылова наступил новый этап, связанный с императорскими театрами, в которых ему предстояло прослужить следующие 9 лет.

В.А. Теляковский довольно быстро оценил своего нового подчиненного. 29 декабря 1916 г. он писал управляющему Кабинетом его величества Е.Н. Волкову о том, что, в связи с призывом ряда чиновников Петроградской конторы императорских театров в армию, «явилась необходимость пригласить еще одного служащего», но, «так как найти подходящее лицо со стороны не удалось», директор театров «предложил Полицеймейстеру Императорского Михайловского театра полковнику Крылову взять на себя труды по занятиям в Распорядительном отделении Конторы за указанное вознаграждение. Приступив к занятиям 3-го октября 1916 года, полковник Крылов успешно выполнил порученное ему дело. Так как я получил возможность перевести в ближайшем будущем двух чиновников из Москвы, то предполагаю освободить полковника Крылова от занятий в Конторе с начала Января и вместе с тем покорнейше прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать разрешение на выдачу ему по расчету за три месяца занятий – единовременно пятьсот пятьдесят рублей. Выдачу эту я признаю вполне справедливой, так как в данном случае Дирекция использовала труд служащего, весьма слабо обеспеченного, и притом ни по роду своей прежней службы, ни по ныне занимаемой должности непричастного к канцелярским занятиям. Кроме того, я считаю весьма полезным иметь в настоящее время в своем распоряжении лицо, уже присмотревшееся к занятиям в отделении Конторы – на случай возможных замен»³. Последняя фраза оказалась почти что пророческой – А.Е. Крылову в будущем действительно предстояла немалая административно-канцелярская работа, хотя и при совершенно других обстоятельствах, нежели чем то предполагал директор императорских театров.

Первым последствием Февральской революции для А.Е. Крылова стало переименование его должности – старорежимно звучащее слово «полицеймейстер» в начале марта приказом комиссара над Дирекцией театров Н.Н. Львова за № 26 было заменено на «заведующий зданием» театра⁴. В те

¹ Там же. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. ЛЛ. 19 об. – 20.

⁴ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 30. Дату приказа пока установить не удалось (обнаруженная нами в РГАЛИ копия приказа не датирована). Предыдущий датированный приказ (№ 22) был издан Н.Н. Львовым 6 марта (Там же. Л. 34). В то же время, 12 марта распоряжение Н.Н. Львова уже появилось в печати (см.: Упразднение должности полицмейстеров театров // Новое время. 1917. 12 марта; Новая должность «заведывающих театрами» // Петроградская газета. 1917. 12 марта). С.Л. Бертенсон писал в своих мемуарах о лицах, занимавших эту должность: «Наименование “полицеймейстер” на самом деле совершенно не отвечало характеру их работы, потому что никаких полицейских обязанностей они не

же мартовские дни на Крылова падают совершенно новые хлопоты и обязанности, к которым этот человек, выросший в придворно-гвардейской среде, был, надо полагать, не вполне готов. Так, В.А. Теляковский записал 9 марта в своем дневнике о звонке А.Е. Крылова, которому, в свою очередь, «комендант Думы» просил «разрешить дать на завтра вечер Михайловский театр для рабочих» (директор театров дал на это разрешение)¹.

По всей видимости, революционные события измотали А.Е. Крылова, так как в апреле 1917 г.² он обратился к В.А. Теляковскому с просьбой о предоставлении ему отпуска на четыре месяца (с 20 мая по 20 сентября). Ему, однако, был предоставлен лишь двухмесячный отпуск³. Ближе к его завершению, Крылов обратился с рапортом к главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову, а также с личным письмом к управляющему Канцелярией Л.Д. Мецнеру с просьбой о продлении ему отдыха на две недели⁴. Мецнеру он писал: «Я только что окончил курс лечения, после которого чувствую себя настолько разбитым и слабым, что еле двигаюсь и к 23-му июля, ко дню истечения разрешенного мне отпуска, вернуться по болезни не в состоянии»⁵. Продление отпуска было разрешено комиссаром Ф.А. Головиным; Крылов вернулся на службу 1 августа⁶.

Некоторым напоминанием о прошлой жизни, протекавшей в придворно-гвардейской среде, стала для Крылова история (относящаяся к памявному октябрю 1917 года) с несостоявшейся дуэлью между двумя артистами французской труппы Михайловского театра (главным режиссером Ш. Домри и актером К. Бером). Крылов был одним из двух секундантов, выбранных Бером. Благодаря усилиям секундантов, поединок в итоге не состоялся (дуэлянты принесли друг другу извинения). Поскольку, как выяснилось, оба артиста толком не умели стрелять, их коллеги по театру беспокоились, как бы во время дуэли не пристрелили по ошибке секундантов; А.Е. Крылов даже рассказал сотруднику «Петроградской газеты» о подобном случае, бывшем некогда в Гродненском гусарском полку⁷.

несли, а лишь наблюдали за внешним порядком театральных зданий и заведовали всем персоналом, не касавшимся сцены, как капельдинеры, сторожа, истопники, уборщицы и пр. После переворота слово “полицеймейстер” было, конечно, изгнано из обихода и заменено более подходящим “заведующий зданием”» (*Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 212 – 213*).

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 55 об.

² Документ не датирован, однако на нем стоит штамп В.А. Теляковского с датой 29 апреля 1917 г.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 543 б. Л. 23.

⁴ Там же. ЛЛ. 27 – 28 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 28 – 28 об. Отпуск по болезни в то время просили многие служащие бывшего МИДв, не знавшие, как продолжать работу в новых условиях, однако прошение Крылова, подкрепленное личным письмом к Мецнеру, отличается, как нам представляется, своей искренностью и заставляет предполагать у полковника наличие реальных проблем со здоровьем.

⁶ Там же. ЛЛ. 30 – 31.

⁷ Вызов режиссером артиста на дуэль. Г. Домри вызвал на дуэль г. Бера // Петроградская газета. 1917. 10 октября; Поединок удалось ликвидировать // Там же. 14 октября; На несо-

Об активной общественной деятельности выпускника Пажеского корпуса и бывшего гвардейца А.Е. Крылова и в местном Михайловском театре, и в ЦКГТ уже говорилось выше¹. Однако, весной 1918 г. Крылов уходит от общественной работы. Последний подписанный им, в качестве председателя, протокол заседания ЦКГТ относится к 22 апреля 1918 г.² На следующем протоколе (от 13 мая) вообще нет подписи председателя³, а в протоколе заседания ЦКГТ от 20 мая уже рассматривалось «заявление председателя Центрального комитета А.Е.⁴ Крылова о сложении обязанности председателя Центрального комитета государственных театров, в виду предстоящего ему лечения, требующего, по предписанию пользующего им⁵ врача, абсолютного покоя». В итоге члены ЦК постановили считать А.Е. Крылова выбывшим из состава комитета⁶. Практически в то же время, 18 апреля 1918 г., Крылов сложил с себя и обязанности председателя местного Михайловского театра и вышел из его состава⁷.

Оставив местные комитеты, А.Е. Крылов продолжил службу в качестве заведующего зданием Михайловского театра (с 1 августа 1919 г., как и заведующие зданиями других бывших императорских театров, переименован в коменданта театра⁸). Эту должность он в начале 1920-х гг. совмещал с работой в Северном военно-топографическом отделе Главного штаба⁹. Кажется, что этому выходцу из элитной военно-придворной касты старого режима удалось практически невозможное – найти свое место и в Советской России, притом сразу в двух сферах – театральной и военной. Но бдительное око рабоче-крестьянской власти не дремало и натолкнулось в итоге на один любопытный факт из прошлого А.Е. Крылова.

В завершающей части личного дела последнего хранится важный документ под названием «Постановление об устранении от занимаемой должности». Ниже мы приводим его целиком: «1924 года марта месяца 29 дня, я, уполномоченный КРО Ланге, в связи с привлечением Крылова Александра Евгеньевича в качестве обвиняемого по делу об участии его в подавлении освободительного движения, в бытность его в карательной экспедиции генерала Орлова, по ст. 67 Уголовного Кодекса, в порядке ст. 142 Уголовно-

стоящейся дуэли между артистом и режиссером мог быть убит... секундант // Там же. 15 октября.

¹ Она, по всей видимости, занимала у А.Е. Крылова немало времени, отвлекая от других занятий. Возможно, с этим связан поданный им 5 сентября рапорт Ф.Д. Батюшкову, в котором Крылов просил «об освобождении меня от обязанностей члена хозяйственного комитета при канцелярии Петроградских театров», на что Батюшков дал свое согласие (РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1528. Л. 180).

² Там же. Оп. 18. Д. 1187. ЛЛ. 16 – 16 об.

³ Там же. ЛЛ. 16 об. – 17 об.

⁴ В тексте ошибочно: «Е.А.».

⁵ Так в тексте.

⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1187. ЛЛ. 18 – 18 об.

⁷ Там же. Оп. 13. Д. 543 б. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 41.

Процессуального Кодекса, обсудив вопрос о возможности оставления Крылова в занимавшейся им до ареста должности коменданта Михайловского театра на время состояния его под следствием в качестве обвиняемого и принимая во внимание важность преступления и что виновность Крылова вполне доказана постановил: Крылова, Александра Евгеньевича на время состояния его под следствием в качестве обвиняемого, от занимаемой им должности отстранить, о¹ чем сообщить по месту его службы. Уполномоченный: А. Ланге. Согласен: Пом. начальника К.-р. Отделения Шаров. Утверждаю: Зам. начальника К.-р. отдела Толли»².

«Экспедиция» генерал-майора А.А. Орлова, целью которой было усмирение охваченных революцией прибалтийских губерний, проходила по ним зимой 1905 – 1906 гг.³ А.А. Орлов в то время командовал л.-гв. Уланским полком⁴, в котором протекала служба А.Е. Крылова, так что участие последнего в этом не стяжавшем славы походе было вполне понятным. В свое время оно было отмечено властями – 9 мая 1906 г. А.Е. Крылов вместе с некоторыми другими офицерами – уланами (ротмистром С.А. Дробязгиным, штабс-ротмистрами графом В.Э. Шуленбургом и Ф.В. Винбергом, известным впоследствии политиком и публицистом монархического направления) был награжден орденом св. Анны 3 степени⁵. В этот же день тем же орденом был пожалован и будущий вождь Белого движения барон П.Н. Врангель, в Уланском полку не служивший, но прикомандированный к отряду А.А. Орлова⁶. Причиной этих однотипных пожалований, как представляется, могла быть только деятельность названных офицеров в отряде А.А. Орлова.

Дальнейшую судьбу А.Е. Крылова можно установить лишь предположительно. В Интернете есть упоминание о том, что в апреле 1924 г. прошли аресты ряда бывших офицеров Уланского полка по делу об участии в экспедиции А.А. Орлова, причем как минимум один из них, М.Е. Маслов, был приговорен к высылке в Калугу⁷. Не приходится сомневаться, что и приговор Крылову был обвинительным. В книге памяти «Возвращенные имена» А.Е.

¹ В тексте: «в чем».

² РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 543 б. ЛЛ. 42 – 42 об.

³ См. некоторые материалы о деятельности отряда Орлова: Революция 1905 – 1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906 – 1907 годы. М., 1959. Кн. 2. Ч. 1. С. 481 – 482, 490 – 491, 495 – 496, 524, 526 – 527.

⁴ Список генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 4-е июля 1907 г. СПб., 1907. С. 739.

⁵ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 244. ЛЛ. 443 об. – 444, 469 об. – 470.

⁶ Там же. ЛЛ. 469 об. – 470; *Соколов Б.В.* Врангель. М., 2009. С. 25 – 26. В книге Б.В. Соколова речь идет о генерале А.Н. [правильно – А.А.] Орлове, отряд которого действует почему-то в Сибири.

⁷ Маслов, Михаил Евгеньевич [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F1%EB%E2,%D0%F5%D0%EB_%D2%E3%ED%FC%D2%E8%F7

Крылов значится в списке репрессированных (к сожалению, более подробной информации о нем книга не содержит)¹.

Символично, что председателем собрания РКК (расценочно-конфликтной комиссии) государственных академических театров от 7 апреля 1924 г., на котором, на основании постановления КРО об аресте А.Е. Крылова, было решено «выплатить содержание коменданту Малегата² А.Е. Крылову по 29-ое марта на основании указанного постановления, отстранив с указанного числа от занимаемой должности», был именно А.О. Соков³. Последний, будучи всего лишь на 9 лет младше Крылова, представлял собой совершенно иное поколение театральных деятелей (насколько их обоих вообще можно отнести к «театральным» деятелям), вышедшее из иных социальных слоев и находящееся в иных отношениях с советской властью. Если пребывание бывшего полковника Крылова во главе ЦКГТ – исторический курьез, то смена его Соковым, наоборот, закономерна. Очерк примечательного во многих отношениях жизненного пути Сокова мы приводим ниже.

Бутафор Александринского театра Алексей Осипович Соков являлся, несомненно, одной из центральных фигур профсоюзного движения в бывших императорских театрах – не только в 1917 г., но и в течение многих лет после революции. Его личность и карьера, между тем, до сих пор не попадали в поле зрения исследователей⁴; единственное упоминание о Сокове удалось встретить в статье К.Н. Державина, вышедшей еще при жизни Алексея Осиповича – там опубликована его фотография с подписью: «А.О. Соков. Первый⁵ председатель месткома Госдрамы, впоследствии помощник управляющего театром»⁶. На фотографии – коротко стриженный человек с усами, но без бороды, с грубоватыми чертами лица, лукаво улыбается зрителю.

Биография А.О. Сокова может быть достаточно подробно реконструирована в том числе потому, что в его личном деле, наряду с обязательными для советских служащих анкетами, сохранилась (и это большая удача для исследователя) и автобиография, написанная 13 марта 1926 г. Позволим себе процитировать из нее обширный фрагмент, относящейся к дореволюционному периоду жизни А.О. Сокова: «Родился в 1878 году, 12-го Февраля в деревне Курково, Павловской волости, Вязниковского уезда, Владимирской гу-

¹ Электронная Книга памяти «Возвращенные имена» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://visz.nlr.ru/search/lists/vi/234_6.html

² В документах 1920-х гг., относящихся к бывшему Михайловскому театру, встречаются аббревиатуры МАЛЕГАТ (Малый ленинградский государственный академический театр) и МАЛЕГОТ (Малый [академический] ленинградский государственный оперный театр). Мы при цитировании приводим ту аббревиатуру, которая содержится в источнике.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 543 б. Л. 44.

⁴ Так, весьма информативное и любопытное личное дело А.О. Сокова, хранящееся в фонде Дирекции театров в РГИА, вплоть до автора этих строк, ознакомившегося с ним в 2012 г., не было (судя по «листу использования документа») просмотрено ни одним исследователем (Там же. Д. 995. ЛЛ. 1 – 91).

⁵ Ошибка К.Н. Державина: как уже говорилось выше, председателем месткома Александринского театра первого состава был машинист-механик М.А. Филиппов.

⁶ Державин К.Н. Февраль и Октябрь в театре. С. 390.

бернии. С 8-ми лет начал обучаться грамоте в приходской школе, которая была открыта 1 год в нашей волости. Летом отправлялся на поденную работу, получая по 5 коп. в день, последующие годы отправлялся со старшим братом на летние работы, пилить дрова, заработок увеличился от¹ 15-20 коп. в день. По окончании школы с отцом занимался перевозкой дров на фабрики г. Шуи и Кохма, Владимирской губ., работал почти круглые сутки. С 1891 года пошел учиться плотничным работам, получая 1 р. 25 коп. в неделю, на хлебах подрядчика. В 1895 году поступил поденным ремонтным рабочим службы пути Нижегородской жел[езной] дороги, впоследствии был зачислен дополнительным и штатным рабочим. В сравнении с работой в лесу, казалось сплошным блаженством. В 1897 году перешел на службу тем же ремонтным рабочим на Рязанско-Уральскую жел[езной] дор[оги], где проработал до октября 1899 г., вплоть до призыва на военную службу, зачислен был в гвардейский кавалерийский² полк, в котором прослужил полных пять лет. В 1904 году во время русско-японской войны, как знакомый с железнодорожными порядками, был командирован сопровождать эшалон³ с интендантскими вещами на Дальний Восток, был в Мукдене и дальше 40 – 50 верст на позициях. С 1-го Февраля 1905 года поступил на службу в бывш[ий] Александринский театр в качестве бутафора-реквизитора, служил на этой должности до Великой Октябрьской революции, борясь с произволом, имея за спиной жену и 6-ть малолетних детей, был кандидатом к увольнению»⁴.

Документы личного дела позволяют дополнить и уточнить ряд сведений, приводимых в автобиографии. 11 февраля 1905 г. «запасной каптенармус» л.-гв. Конного полка А.О. Соков подал прошение в Санкт-Петербургскую Контору императорских театров об определении его «на вакандную⁵ должность бутафора Александринского Театра», приложив к прошению «письменный⁶ вид» и другие официальные бумаги⁷. 22 февраля распоряжением В.А. Теляковского Соков был зачислен на неклассную должность бутафора Александринского театра (с 1 февраля 1905 г.)⁸.

Потекли годы службы, за время которой Соков, действительно, не раз подвергался взысканиям, однако из сохранившихся в личном деле документов нельзя сделать вывод, что они были как-то связаны с политикой. Так, например, в сентябре 1911 г. помощник заведующего постановками А.А. Браун пожаловался на работу Сокова, поставившего во время репетиции пьесы «Живой труп» постель, которая надломилась, когда на нее сели артисты⁹.

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду лейб-гвардии Конный полк; согласно анкете, Соков служил в нем в 1900 – 1904 гг. (РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. Л. 2). Судя по автобиографии, военная служба могла начаться и раньше, в конце 1899 г.

³ Так в тексте.

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. Л. 5.

⁵ Так в тексте.

⁶ Так в тексте.

⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 22.

Различным взысканиям (выговорам и штрафам) за подобные упущения Соков подвергался и ранее: в 1907 (дважды), 1908 (дважды) и 1910 гг.¹

Неприглядная история произошла с Соковым в 1914 г. 14 октября этого года арендатор буфета при Александринском театре Ф. Гриневич донес полицеймейстеру театра, что 15 сентября, накануне открытия спектаклей, он «был приглашен к бутафору того же театра, который предложил мне за 2 рубля 75 коп. за каждый спектакль и 2 руб. за генеральную репетицию взять на себя доставку на сцену предметов, требуемых от арендатора буфета. При чем сказал, что, если я, т. е. арендатор буфета, буду доставлять требуемые предметы сам, то мне будет много хлопот и неприятности вплоть до протоколов». Поскольку подобные неприятности уже были у предшественника Гриневича, то он, желая избежать подобной участи, заплатил, но с 1 октября все же решил отпускать продукты сам – после чего «действительно, слова бутафора оправдались и с первого вечера стали возникать недоразумения². Предметы, посланные мною, отсылались обратно по несколько³ раз. Объяснить обо всем очень трудно. Так, например, 1-го октября был праздник⁴, требование было мне вручено тоже 1-го и требовалось купить настоящего красного вина, но достать в воскресенье не было возможности и только после обращения моего к господину Лаврентьеву, который и объяснил, что можно заменить чем-нибудь подходящим. Все продукты, подаваемые в большом количестве, назад не возвращают, несмотря на то, что на сцене они не использованы. Причем во время подачи предметов самим бутафором много предметов заменялось искусственными, от меня требуют все настоящее»⁵.

Бутафором, чья фамилия в донесении Ф. Гриневича не называлась, оказался А.О. Соков, которому пришлось 17 октября давать по этому поводу объяснения. В рапорте, поданном на имя помощника управляющего Петроградской конторы императорских театров по Постановочной части, Соков пояснил, что, действительно, «за день до начала сезона содержатель буфета был вызван в кладовую для передачи ему требования и ознакомления с порядком подачи нужных продуктов на сцену, в разговоре о том, что он не успел ознакомиться с порядками сцены, он предложил мне подавать нужные по требованию продукты и напитки за условленную по спектакльную⁶ плату, как это практикуется содержателем буфета Мариинского театра, желая избежать хотя некоторое время тех недоразумений, кои чуть не ежедневно имели место при бывшем содержателе буфета. В виде опыта я согласился провести два репертуара по 1-е октября, при этом предупредил его, что в любой день я волен отказаться, что и сделал 30 сентября, предупредив, что с 1-го октября он должен подавать по утвержденным требованиям и что в обще⁷

¹ Там же. Л. 22 об.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

⁴ Покров Богородицы.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. ЛЛ. 40 – 40 об.

⁶ Так в тексте.

⁷ Так в тексте.

на себя взять этого больше не могу. <...> Предупреждений о том, что будут недоразумения, я никаких не делал. Случаи возвращения для обмена не доброкачественных продуктов были, например возвращались гнилые яблоки, сухие пирожные, разрезанные пополам так, чтобы одно считалось за два, корка от сыра вместо ½ фун[та] сыра, совершенно ломаное печенье и т. д., в этих случаях я неуклонно руководствовался преподанными мне Вашим Высоко-родием указаниями»¹.

Объяснения Сокова, как нам представляется, не выглядят достаточно убедительными. В отличие от заявления Гриневича, в котором была подробно прописана нелегальная схема обогащения, применяемая бутафором, Соков лишь отрицал истинность сообщаемых Гриневичем сведений, не разъясняя при этом, какие причины могли бы сподвигнуть последнего на подачу ложного доноса. К такому выводу, по всей видимости, пришел и управляющий Петроградской конторой императорских театров барон В.А. Кусов, наложивший на рапорт Сокова резолюцию: «Оштрафовать на 5 рублей»².

Таким образом, ко времени Февральской революции А.О. Соков, прослуживший в театрах уже 12 лет, имел далеко не безупречную репутацию. Но Февраль перечеркнул все прошлое, и карьера малограмотного бутафора стремительно пошла вверх. Своеобразным трамплином для подобного возвышения стала общественная деятельность Алексея Осиповича и, прежде всего, его работа в местных комитетах, о которой уже говорилось выше.

Перечисление должностей, которые занимал А.О. Соков после революции, показывает, какого служебного положения смог достигнуть обычный представитель технического персонала театров в необычных исторических условиях. Позволим себе вновь процитировать его автобиографию: «После Октябрьской революции был избран председателем месткома и как умел налаживал профессиональную работу, забирая постепенно все управление в руки комитета³. В 1918 году, оставаясь в месткоме, был назначен заведывающим мужским гардеробом, из всех месткомов государственных в то время театров был организован Центральный комитет, верховный в то время орган управления, в котором я был председателем до дня его расформирования⁴. В

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. ЛЛ. 39 – 39 об.

² Там же. Л. 39.

³ Согласно анкете, заполненной Соковым 12 марта 1926 г., он был председателем месткома Александринского театра в 1917 – 1925 гг. (Там же. Л. 4 об.) В личном деле Сокова сохранился любопытный документ, составленный 6 июня 1923 г. и озаглавленный «От Юбилейной комиссии». В нем говорится: «В воскресенье 10-го июня 1923 года, по случаю пятилетия работы в месткоме Гатедра – А.О. Сокова (так в тексте, правильно – шестилетия – П.Г.), после 7-ой картины пьесы “Маскарад” (около 9 ½ час. вечера), в фойэ артистов Александринского театра состоится поднесение ему адреса и подарка от всех коллективов, объединяемых месткомом Гатедра». В связи с этим Юбилейная комиссия просила членов упомянутых коллективов «сделать подписку» на приобретение подарка (Там же. Л. 61).

⁴ А.О. Соков был избран председателем ЦК государственных театров на заседании ЦК, состоявшемся 23 мая 1918 г., после отказа А.Е. Крылова от этой должности (Там же. Оп. 18. Д. 1187. Л. 19).

сентябре 1918 года единогласно всеми работниками театра был избран комендантом Театра и дома № 2 по Улице Зодчего Росси (б[ывшая] Театральная улица), также единогласно избирался членом Директории и впоследствии Дирекции, работая по всем комиссиям, кои только создавались при Управлении государственных академических театров¹. С основания Союза работников искусств принимал активное участие в работе Союза, оставаясь более семи лет несменяемым председателем месткома. На губконференциях неоднократно избирался членом Правления Союза и Правлением – членом Президиума². В июне 1921 года был назначен заведывающим Губернским театральным отделом, пробыв на этой должности более года и оставил службу по настоятельной просьбе и с согласия Союза. В мае месяце 1922 года был назначен администратором б[ывшего] Александринского театра³. Был председателем Административно-хозяйственного комитета Актеров. Состою членом Совета Дома Красной Армии и Флота. Бессменный член Художественного Совета Акдрамы⁴. С основания Музея Актеатров состою членом Совета Музея. С июня 1923 года состою председателем культшефской комиссии Сорабиса. Более пяти лет был председателем кооператива Актеатров и столько же лет состоял членом Ленинградского Совета р[абочих] и к[рестьянских] д[епутатов]⁵. Два года состоял членом Пленума Губпрофсовета. Два года был членом Ревизионной комиссии Ц[ентрального] к[омитета] Сорабиса. Состоял членом Шефского совета Л[енинградского] в[оенного] о[круга]⁶. В 1923 году

¹ В тексте: «театрах».

² Членом Правления СОРАБИСа А.О. Соков состоял с 1920 г. (Там же. Оп. 13. Д. 995. Л. 4 об.).

³ Соков, согласно упоминавшейся выше анкете от 12 марта 1926 г., состоял комендантом, а затем – администратором Александринского театра с 1918 г. по момент составления анкеты (Там же. Л. 4).

⁴ В анкете Соков указывал, что он состоял членом Худсовета ГАТЕДРа в 1919 – 1925 гг. (Там же. Л. 4 об.), однако, имеющееся в автобиографии указание на «бессменность» входит с этим в некоторое противоречие. Так или иначе, сам факт того, что человек, пишущий «в обще», «письменный» и проч., имеющий «нисшее» (Там же. Л. 1) образование, много лет состоял членом Художественного (!) совета старейшего драматического театра России, является, может быть, наиболее поразительным в его биографии.

⁵ Председателем правления кооператива академических театров Соков состоял в 1919 – 1924 гг., членом Ленсовета – в 1920 – 1925 гг. (Там же. Л. 4 об.).

⁶ Шефской работой А.О. Соков продолжал заниматься и после составления автобиографии. Так, 28 апреля 1928 г. Реввоенсовет Ленинградского военного округа отметил «чуткое и внимательное отношение и большое участие в культшефской работе» председателя «Культшефской комиссии СОРАБИСа» А.О. Сокова, «бессменно руководящего этой работой в течение 5 лет, с начала принятия культшефства», и постановил наградить его «комплектom обмундирования» (Там же. Л. 90). Спустя два дня к Сокову официально обратился Президиум Ленинградского областного отдела ВСЕРАБИСа. Празднуя пятилетие начала шефства над Красной армией и флотом, Президиум, говорилось в документе, «с особенным удовлетворением отмечает Ваши громадные заслуги в деле организации и проведения в жизнь этой почетной и чрезвычайно ответственной задачи. С первых дней шефства и до настоящего времени, Вы совершенно безвозмездно несете эту работу с присущей Вам энергией, чрезвычайной добросовестностью, любовью к делу, организаторским и административным опытом. Благодаря Вашим усилиям дело культурного шефства

награжден званием Героя труда¹. В 1925 году избран почетным членом Дома Красной Армии и Флота. Неоднократно избирался на Всесоюзные съезды профсоюзов и Всерабиса»².

Оперный певец С.Ю. Левик вспоминал об уникальной роли, которую занимал А.О. Соков в театрах в 1920-е гг.: «В общении же с рабочими сцены Экскузовичу³ оказывал большую помощь рабочий бывш[его] Александрийского театра Алексей Осипович Соков, председатель местного комитета своего театра, много раз выбиравшийся в члены правления Облрабиса, человек на редкость тактичный и глубоко преданный новой власти, чистокровный пролетарий, не очень грамотный, но чрезвычайно любознательный и по характеру политик дальнего прицела, пользовавшийся доверием и уважением не только рабочих, но и художественного персонала, а это в те годы было делом далеко не маловажным»⁴.

Отметим, что в конце 1910-х – первой половине 1920-х гг. в академических (бывших императорских) театрах работал уже целый клан родственников А.О. Сокова. Один из его сыновей, Павел Соков, в 1922 – 1924 гг. занимал должности помощника коменданта и временно исполняющего должность коменданта ГАТЕДРа и МАЛЕГОТа, а также «заведывающего охраной зданий и имущества госактеатров»⁵. Дочь Валентина работала в «актеатрах» с 1919 г., на 1924 г. – «журналисткой месткома Гатедра» (возглавляемого ее отцом)⁶. Другая дочь, Александра, упоминается в документах 1919 г. как сотрудница Александринского театра⁷.

было широко развернуто по Ленинграду и поставлено на должную высоту, что неоднократно отмечалось на союзных съездах и в приказах по Ленинградскому военному округу. Переход на областные формы ставит перед Шефской комиссией Рабиса новые задачи расширения масштаба ее работы и привлечения в шефство новых кадров работников искусств, но Президиум не сомневается, что и эту усложненную задачу Союзу удастся разрешить полностью, при Вашем непременно участии и товарищеской помощи. Подводя итоги проделанной Вами за пять лет работы, Президиум Областного отдела Союза работников искусств надеется еще долго видеть Вас, дорогой Алексей Осипович, на посту председателя Культшефской комиссии нашего Союза» (Там же. Л. 91).

¹ 24 марта 1923 г. постановлением Петроградского губисполкома Сокову был награжден званием Героя труда. Два года спустя последовала еще одна высокая награда – 29 июня 1925 г. распоряжением А.В. Луначарского А.О. Сокову было присвоено звание «Заслуженного работника сцены Актеатров» (Там же. ЛЛ. 72 – 73, 86).

² Там же. ЛЛ. 5 – 5 об. Любопытно, что при столь активной общественной деятельности, Соков и в 1926 г. оставался беспартийным (Там же. Л. 1).

³ Иван Васильевич Экскузович – управляющий ленинградскими академическими театрами (1918 – 1924 гг.), затем – академическими театрами Москвы и Ленинграда (1924 – 1928 гг.) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 3992. ЛЛ. 1, 12, 28).

⁴ Левик С.Ю. Четверть века в опере. М., 1970. С. 145 – 146.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 3245. ЛЛ. 1 – 9, 15; РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. Л. 60.

⁶ ЦГАЛИ. Ф. 260. Оп. 3. Д. 3246. ЛЛ. 1 – 4.

⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 995. Л. 51. В документе 1926 г. эта дочь значится как домохозяйка (Там же. Л. 3).

Что касается самого Алексея Осиповича, то в начале 1930-х гг. он значится в справочниках уже как помощник управляющего ГАТЕДРом¹, затем – как персональный пенсионер, проживающий по ул. Зодчего Росси, дом 2 (в здании бывшей Дирекции императорских театров)². Последнее обнаруженное нами упоминание об А.О. Сокове содержится в справочнике абонентов ленинградской телефонной сети за 1937 г.³

Заключение

Собранные в данной работе биографические сведения о членах президиумов местных комитетов и членах ЦКГТ позволяют составить обобщенный портрет⁴ деятеля месткомов государственных театров в 1917 г.⁵ Это мужчина (из 46 членов президиумов «рабочих» месткомов и членов ЦКГТ, установленных нами, только пятеро женщин⁶) сорока с половиной лет (всего возраст установлен у 22 деятелей, старейший из них – В.М. Кокин (58 лет), самая молодая – И.Н. Рюмина (28 лет)), по происхождению – крестьянин (из 30 человек, чья сословная принадлежность точно установлена, крестьян – 20, мещан – 6⁷, почетных граждан – 2⁸ и дворян – 2⁹). В области образования уже наблюдается большой разброс: из 13 человек, в чьих личных делах имеется информация об учебных заведениях, в которых они воспитывались, пятеро¹⁰ имели за своими плечами церковно-приходские (сельские) школы, двое¹¹ – 3 – 4 класса училища, шестеро¹² – полное среднее или высшее образование. Невелик, но разнообразен список профессий деятелей месткомов до их поступления на службу в театры – от столяра (Ф.Г. Бровкин) до офицера (полковник А.Е. Крылов) и городского (М.И. Шляпников). Последнему, кстати, его прошлая служба никак не мешала заседать в радикальном месткоме дома Управления по Театральной улице, члены которого особенно активно препи-

¹ Весь Ленинград. Адресная и справочная книга на 1931 год. [Л., 1931]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 436.

² Весь Ленинград на 1933 год. Адресная и справочная книга. Л., 1933. Отд. XV. С. 356.

³ Список абонентов ленинградских телефонных станций. 1937. [Л., 1937]. С. 158.

⁴ С поправкой на то, что в президиумы и в ЦКГТ вероятно, попали несколько более образованные рабочие и служащие, сравнительно с рядовыми членами месткомов.

⁵ В приведенных ниже статистических экзерсисах мы не учитывали членов президиума месткома служащих Канцелярии главноуполномоченного, так как их социальное положение, уровень образования и др. весьма существенно отличались от тех же показателей у рабочих и младших служащих.

⁶ С.К. Гренберг, А.Ф. Павлова, О.В. Роговская, И.Н. Рюмина, А.Д. Харкевич.

⁷ Ф.Л. Графф, С.К. Гренберг, М.А. Лембер, К.Т. Петров, Н.А. Печатников, И.С. Степанов.

⁸ Д.М. Поляков и А.Б. Сальников.

⁹ А.Е. Крылов и Н.Г. Менгден.

¹⁰ П.А. Андреев, Ф.Г. Бровкин, Ф.Д. Кузин, А.О. Соков, М.И. Шляпников.

¹¹ Ф.Л. Графф, К.Т. Петров.

¹² С.К. Гренберг, А.Е. Крылов, Н.Г. Менгден, Н.А. Печатников, О.В. Роговская, И.Н. Рюмина.

рались с Ф.Д. Батюшковым – в отличие от них, находившимся при старом режиме под судом за свои политические убеждения¹.

Возникновение после Февральской революции органов самоуправления технического персонала государственных театров было в той или иной форме неизбежным. Подобные структуры создавались в то время в самых разных коллективах по всей России. Оценки деятельности местных комитетов, равно как и движения технического персонала государственных театров в целом, начали формироваться у современников уже на рубеже 1917 – 1918 гг. В значительной степени они определялись политической позицией оценивающего, его отношением к Октябрьской революции и установившейся после нее большевистской власти. Так, Ф.Д. Батюшков, непримиримый противник большевиков, не жаловал и месткомовских деятелей, особенно тех, кто приветствовал наступление новых порядков в театре. «Сегодня “выгнали” на работу <...> Мецнера, Чагина, Ланского, Менгдена, а Ратниковы и Таракановы злорадствуют» – писал он 11 января 1918 г., спустя девять дней после своего «свержения», бывшему директору театров В.А. Теляковскому. «Но никакая работа сама по себе не унижительна. Говорю это в утешение страстотерпцам, но, конечно, разделение труда должно быть и курьезно бы посмотреть на Ратникова с виолончелью в квартете вместо Менгдена»².

Ф.Д. Батюшкову вторил и его помощник (также уволенный большевиками) С.Л. Бертенсон, отмечавший много позднее в своих мемуарах: «по настроению, которое я наблюдал среди наших рабочих и мастеровых, вполне отчетливо ощущалось, что большевистская пропаганда все шире и глубже захватывала рабочие массы. О войне говорили иронически, идеи братанья с немцами и поражения, лозунги “война войне”, “мир хижинам, война дворцам” встречали большое сочувствие. Многие правительственные распоряжения даже в нашем скромном театральном мире все чаще вызывали серьезные возражения и требования обсуждения их на митингах. Наши местные комитеты все больше поднимали голову и постоянно вмешивались в решения администрации. Самые простые распоряжения, касавшиеся рабочего персонала, прежде чем проводиться в жизнь, должны были рассматриваться комитетами и оспаривались. Благодаря хорошим моим личным отношениям с представителями этих комитетов, относившихся ко мне с доверием, я по большей части добивался нужных мне результатов, но вечное лавирование, выискивание компромиссов и проволочки утомляли и раздражали своей нелепостью»³. Слова Бертенсона о «хороших личных отношениях» с представителями месткомов подтверждаются приведенными в настоящей работе

¹ См.: Муратова К.Д. Архив Ф.Д. Батюшкова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л., 1974. С. 42.

² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 13. Л. 1 об.

³ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 228 – 229. Данный фрагмент мемуаров С.Л. Бертенсона хронологически относится к концу лета 1917 г. (он помещен между описанием июльского кризиса (3 – 5 июля) и открытия нового театрального сезона 30 августа). В действительности же, хотя ряд местных комитетов и был избран во второй половине августа, начало их сколько-нибудь заметной деятельности относится уже к осени 1917 года.

фактами – в тех случаях, когда с местными от имени театральной администрации вел дело Бертенсон, конфликтные ситуации возникали реже, нежели чем у более резкого и непреклонного Батюшкова.

Бывший комендант петроградских государственных театров В.Ф. Безпалов, считавшийся в 1917 г. «левым», дал в своих изданных в СССР мемуарах ожидаемо высокую оценку рабочему движению в театрах во время революции: «Должен помянуть добрым словом технический персонал и рабочих сцены, для которых весенний революционный сезон 1917 года был особенно тяжел. <...> О нормальной работе нечего было и думать. Рабочие и технический персонал совершенно не успевали отдохнуть. Даже машины электрических станций, обслуживающих государственные театры, были настолько перегружены работой, что иногда, совершенно не к стати, ломалась какая-нибудь часть и машина останавливалась. Но проходило несколько минут и она снова оживала, потому что технический персонал и рабочие, получившие в этот период право голоса и право гражданства, как бы в ответ на это держали себя на исключительной высоте»¹.

Высокая оценка, данная Безпаловым работе технического персонала государственных театров в 1917 г., не подтверждается всеми остальными имеющимися в нашем распоряжении источниками. Выше уже отмечалось, что представители театральной администрации при создании местных комитетов надеялись таким образом поднять дисциплину в среде рабочих. Этого, однако, не произошло. Отдельные категории технического персонала продолжали, как и весной 1917 г., игнорировать свои служебные обязанности. В конце сентября в прессе активно обсуждался отказ плотников Мариинского театра участвовать в постановке балета «Дон-Кихот», ввиду ее сложности². Не отставали и их коллеги в Александринском театре – так, писательница С.И. Смирнова-Сазонова, мать актрисы Л.Н. Шуваловой, записала 30 ноября в своем дневнике: «Долж[ен] б[ыл] идти «Живой труп», но по нежеланию театральных плотников ставить декорации, его сняли с афиши <...> Раньше это делалось только по болезни артистов, теперь плотники меняют репертуар. Они не желают два дня подряд работать в сложн[ых] постановках, это их утомляет»³. 21 декабря Смирнова-Сазонова зафиксировала еще один харак-

¹ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 52 – 53.

² Требования плотников и абоненты // Петроградская газета. 1917. 27 сентября; Плотники согласились ставить «Дон-Кихота» // Там же. 29 сентября.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 67. Л. 70. Согласно воспоминаниям С.Л. Бертенсона, рабочие Мариинского театра добились таки осенью 1917 г. «права предварительной цензуры» на сложные постановки: «стал осложняться вопрос с выпуском недельного репертуара, т. к. рабочие вечно поднимали ропот против загруженности работой, если во время нескольких вечеров сряду, или дневного и вечернего спектакля в один и тот же день, шли громоздкие постановки, требовавшие больших и напряженных декорационных перемен на сцене. Зилоти немедленно же предложил мне составлять свой оперный репертуар не иначе, как по соглашению со мною. Иначе говоря, он сперва присылал мне проект репертуара и я обговаривал его с машинистом сцены. Если встречались возможности затруднений со стороны рабочих, то я вносил в него желательные изменения, сообщал их Зилоти, и только тогда

терный эпизод: «Там [в государственных театрах – П. Г.] теперь начнут хозяйничать низш[ие] служащие. Батюшков напр[имер] разрешил взять казен[ные] костюмы для спектаклей Александрин[ской] труппы в Народ[ном] доме, а старш[ий] бутафор¹ запретил»².

Общее падение трудовой дисциплины в среде технического персонала порой проявлялось даже во время спектаклей. С.Л. Бертенсон вспоминал об инциденте, произошедшем в Мариинском театре 27 ноября. В этот день давали «Руслана и Людмилу»; спектакль носил юбилейный, торжественный характер: ровно 75 лет назад состоялась премьера знаменитой оперы Глинки. Балетмейстер М.М. Фокин уговорил управляющего оперной труппой А.И. Зилоти и дирижера А. Коутса, чтобы перед самым сложным номером («Маршем Черномора») «опустить занавес на несколько минут, чего обыкновенно не делали, и, не давая света в зал, устроить маленький антракт, с тем, чтобы использовать этот коротенький перерыв на тихую репетицию танца без музыки. Марш шел со специальными световыми эффектами, для которых один из осветителей спускался с колосников на небольшом балкончике, называвшемся на профессиональном языке “люлькой”. С этой “люльки” осветитель манипулировал лучом света, двигая им в разных направлениях. В то время наши театры не были еще оборудованы специальными прожекторами. За подобную работу полагалось дополнительное поспектакльное вознаграждение, и рабочие обыкновенно охотно ее исполняли, т. к. имели возможность увеличить свой заработок. Но находившийся в тот вечер в “люльке” осветитель почему то оказался не в духе и, в самый разгар последних режиссерских штрихов Фокина, шепотом отдававшего распоряжения артистам, репетировавшим марш, громко закричал: “Эй, вы там, довольно уж повторять одно и то же! Мне надоело висеть тут, спускайте меня скорее вниз!” Рабочие исполнили его желание и спустили его вниз. К счастью, публика ничего не слышала из-за спущенного занавеса. И Фокин, и артисты были глубоко возмущены таким грубым вмешательством в их работу. На Фокина этот случай произвел громадное впечатление, и, как он мне рассказал много лет позднее, под его влиянием в нем сложилось окончательное решение покинуть Мариинский театр и родину. Для Фокина весь интерес жизни заключался в творческой работе. Работать же в обстановке, где художественное творчество находилось в плену у рабочей силы, он не мог»³.

В то же время, как и весной 1917 г., в осеннем сезоне театральные рабочие весьма агрессивно требовали причитающиеся им денежные средства. Уже упоминавшийся С.Л. Бертенсон вспоминал о том, как представители рабочих, ожидавших с нетерпением выплаты им так называемых «плехановских прибавок», вызвали его за кулисы прямо во время спектакля. «Я поспешил туда, где меня ждали, где-то в самой глубине задней части сцены, за

репертуар выпускался для опубликования» (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 232 – 233).

¹ Вероятно, имеется в виду бутафор Александринского театра А.О. Соков.

² РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 67. Л. 130.

³ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 239 – 240.

снежными сугробами, окружавшими мельницу, у которой должны были стреляться Ленский и Онегин. Под звуки арии Ленского рабочие, через своего выборного представителя, сообщили мне, что если я теперь же не назначу им определенного дня, когда прибавки будут выданы, то они перережут веревки на декорационных подъемах, не дожидаясь конца действия. Я постарался объяснить им спокойно и вразумительно, что ждать уже осталось недолго и что выдача произойдет в ближайшие дни. Тогда рабочий представитель сказал мне, что мне лично они доверяют и относятся ко мне с уважением, но что терпение их истощено и что крайний срок их ожидания завтра». Бертенсон, «видя по их угрюмой решительности, что слова их не пустая угроза», отправился на следующий день к заведующему Контролем бывшего МИДв В.С. Федорову и с большим трудом добился выдачи денег¹.

В мемуарах С.Л. Бертенсона поражает бессилие театральной администрации перед все возраставшими требованиями рабочих. Единственная действенная в таких случаях мера – локаут – была невозможна по целому ряду причин (в основном, политического толка). Не оправдалась и надежда на то, что выбранные самим рабочими органы (местные комитеты) сумеют укрепить начало дисциплины среди своих избирателей. Реакцию месткомов на данные инциденты установить не удалось (неизвестно даже, имела ли она место), но были случаи, когда и постановления месткомов игнорировались рабочими и младшими служащими театров и на защиту их авторитета приходилось вставать театральной администрации (см. выше, параграф «Деятельность местных комитетов»). Таким образом, и с этой стороны местные комитеты ничем не поддержали Управление государственных театров.

Лишь некоторые второстепенные административные функции были переняты местными органами более или менее успешно – например, обязанность расследовать случаи участвовавшего в театрах воровства. Так, председатель местного комитета Александринского театра А.О. Соков совместно с членами месткома расследовал в декабре 1917 г. целых два дела: о похищении костюмов из мужского гардероба театра в период с 11 по 16 декабря (в этом случае расследование было напрямую возложено на А.О. Сокова управляющим Канцелярией главноуполномоченного по государственным театрам Л.Д. Мещнером) и о похищении 19 декабря, во время генеральной репетиции спектакля «Кукушкины слезы», из уборной артиста К.Н. Вертышева золотых часов с цепочкой².

Политическая позиция технического персонала театров осенью – в начале зимы 1917 г. была подвержена определенным колебаниям. В протоколах заседаний местных комитетов чисто политические вопросы, как правило, не отражались (за исключением заседаний ЦКГТ). В то же время, полностью отгородиться от происходивших в то время в стране событий было невоз-

¹ Там же. С. 233 – 234. Описываемые С.Л. Бертенсоном события, как несложно установить, происходили между 30 августа (день открытия театрального сезона) и 30 сентября (в этот день В.С. Федоров был оставлен за штатом, а должность его упразднена (Указы Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 7 октября)).

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 6. Д. 1. ЛЛ. 14 – 16 об.; РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5130. Л. 6.

можно. К примеру, на общем собрании всех трупп государственных театров, происходившем 5 ноября в Мариинском театре и вынесшем резолюцию с осуждением начавшейся «братоубийственной войны», «дикой расправы насильников, уничтожения художественных сокровищ», а также постановившем в знак траура прекратить на три дня спектакли, выступил (от рабочих Мариинского театра) М.А. Безобразов (в недалеком будущем – товарищ председателя месткома Мариинского театра второго состава) с заявлением о том, что «рабочие и служащие Мариинского театра присоединяются к резолюции»¹. В те же дни, однако (31 октября) «Союз рабочих и служащих петроградских государственных театров» принимает противоположную по смыслу резолюцию, скорее игравшую на руку большевикам. Этот «Союз» во главе со своим председателем Ф.Г. Бровкиным вообще был в авангарде большевистского наступления на государственные театры. Позднее, в декабре, на заседаниях ЦКГТ, позиция делегатов от театральных рабочих и младших служащих приобретает все более просоветскую направленность. С.Л. Бертенсон в своих мемуарах привел характерный случай, относящийся к концу 1917 г.: «Пропаганда делала свое дело и постепенно все больше проникала в среду наших рабочих и низших служащих. Никогда не забуду, как однажды, в самый разгар заседания у Батюшкова по делам оперно-балетного сезона, во время оживленного обмена мнениями между художником Головиным, Зилоти, Фокиным и Карсавиной, в кабинет ворвались один из капельдинеров и младший швейцар нашего казенного дома² и крикнули: “Не о чем вам больше заседать. Товарищи уже признали новую власть и решат, что им нужно делать”... Сообщение это касалось одного из бесчисленных митингов, шедших между рабочим персоналом по вопросу – признавать или не признавать новую власть? На самом деле никакого определенного решения принято еще не было, и мы выгнали нахальных нарушителей порядка»³.

Отметим, что революционный настрой театральных рабочих и младших служащих отнюдь не выходил за известные пределы. Характерно, например, что представители технического персонала государственных театров вплоть до самого конца 1917 г. не ставили под сомнение законность пребывания Ф.Д. Батюшкова в должности главноуполномоченного (так, в протоколе заседания ЦКГТ от 30 декабря говорится о «г. главноуполномоченном»), тогда как распоряжением советского правительства от 12 декабря 1917 г. за подписями Ленина и Луначарского Батюшков был от этой должно-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. Л. 6. В опубликованном позднее в «Вестнике Канцелярии» пересказе постановлений собрания оговаривалось, что «к резолюции артистов присоединились служащие по Постановочной части при Мариинском театре и представители нескольких групп рабочих того же театра» (Там же. Л. 7). По-видимому, какие-то группы рабочих к данной (антибольшевистской по своей направленности) резолюции присоединиться не захотели.

² Возможно, речь идет о помощнике швейцара дома Управления государственными театрами по Театральной ул. С.Ф. Ратникове.

³ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 238.

сти уволен¹. Если в экономической области театральные рабочие действовали уверенно и агрессивно с самых первых дней Февральской революции, требуя повышения жалованья, если в сфере трудовой дисциплины они, не разбираясь в средствах, добивались для себя более легких условий работы (отказываясь работать на спектаклях с «тяжелыми» декорациями и т. д.), то в политических вопросах они скорее, шли за победителями, которыми к рубежу 1917 – 1918 гг. оказались большевики.

В это переломное время изменяется статус местных комитетов. К началу 1918 г. они, все прочнее вращаясь в ткань административно-управленческого состава государственных театров, обзаводятся своими канцеляриями и канцеляристами. Так, 15 января 1918 г. в «Канцелярию местного комитета Мариинского театра» был командирован «с положенным содержанием» некто В.С. Златоустов; 4 марта 1918 г. «секретарем местного комитета Александринского театра» был назначен Н. Калугин «с содержанием 5400 руб. в год»² (ранее, в 1917 г., должности членов президиума месткомов, равно как и рядовых членов, не оплачивались³). Так постепенно местные комитеты становились неотъемлемой частью советской профсоюзной системы, навсегда при этом потеряв ту независимость от администрации, которой они пользовались в 1917 году.

Бажанов Д.А.

«Свободу нам проповедуя...»: свобода как категория мировоззрения балтийских моряков весной – летом 1917 г. (на материалах периодической печати Гельсингфорса)

Революционные события 1917 г. привели не только к трансформациям на уровне макроформ, т.е. политической системы государства, общества, но и на уровне микроформ, т.е. к изменению человека, норм поведения. Кроме того, этот процесс обоюдный, т.е. изменения на макроуровне влекут за собой изменения на микроуровне и наоборот. Интерес к подобной проблематике в контексте связи «общество-культура» был обозначен еще в работах Э. Шилза, затем продолжен одним из основоположников традиционалистики Ш. Ай-

¹ Политика Коммунистической партии и Советского правительства в области театрального искусства / Введ., сост. и прим. Э.С. Капитайкина и Г.В. Титовой // Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1917 – 1921. Л., 1968. С. 24.

² РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1235. Л. 1 об.

³ По крайней мере, ни в одном из просмотренных нами документов за 1917 г. сведения о каком-либо жаловании членам месткомов (кроме того, какое они получали как рабочие и служащие театров) нам не встретились.

зенштадтом¹. Значительным и, порой, весьма быстрым трансформациям подвергалось в это время мировоззрение и мировосприятие. Вероятно, революционные периоды вообще можно отождествить с глубоким кризисом, переживаемым основными понятиями и категориями, входящими, в соответствии с терминами культурологии или этнологии, в так называемое «культурное ядро» или «центральную зону культуры». Происходит изменение взгляда на окружающий мир и на себя, как часть этого мира. Трансформируются восприятия современности, т.е. «образ мира», зла («образ врага») и добра «образ себя». При этом наиболее динамично эти изменения охватывают сферу общения, т.е. выражаются в данных языка².

Для анализа мировоззренческих представлений основное значение имеют, по нашему мнению, источники личного происхождения и публицистические. При этом приоритетна роль именно материалов современных революционным событиям, т.к. воспоминания, особенно составленные через значительные промежутки времени, лишаются остроты восприятия, свойственной первому типу. При явном дефиците дневников и личных писем за рассматриваемый период основную роль в данной реконструкции играют материалы, отправлявшиеся в периодические издания, т.е. публицистические статьи и письма в редакции. При отборе мы руководствовались двумя основными критериями: во-первых, авторами должны быть моряки или их группы и, во-вторых, в них должны затрагиваться вопросы, связанные с характеристикой настоящего и/или прошлого.

Одной из существенных черт, определяющих мировоззрение революционного периода, является, по нашему мнению, особое восприятие современности. Его особенность заключается в том, что оно не существует безотносительно, т.е. настоящее, «сегодня» должно сравниваться. Необходимость сопоставления обусловлена стремлением к оцениванию. В этом процессе индивид выражает также свои пожелания к современности и устремления в нем. Начавшаяся революция, ликвидировав традиционные институты, своим фактом разделила время и все с ним связанное на две части: «до» и «после».

Осознание этого «поворота» отразилось в различных публицистических материалах довольно быстро. При этом процесс распространения шел «сверху» «вниз», т.е. от официальных, публичных высказываний к частным, получившим отражение в публицистических статьях и заметках, а также письмах. Это и неудивительно, т.к. публичные оценки задавали направление частным, давая своеобразную санкцию. Так, Исполнительный комитет местного Совета на заседании 5 марта охарактеризовал произошедшее как «осво-

¹ См. подробн.: *Айзенштадт Ш.* Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. № 2. С. 207 – 208.

² См. подробн.: *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1998. С. 221.

бодительный переворот»¹. О «великих событиях», изменивших страну, в своем письме в адрес судового комитета миноносца «Инженер-механик Зверев» писали М. Наддачина и Н. Сафронова, жены корабельных офицеров². Дважды в течение весны встретилось такое обозначение, как «новый строй». Однажды такая оценка была использована в постановлении комитета «Императора Павла I» от 20 марта³. Также 21 апреля в «Волне» было опубликовано единственное стихотворение Г. Светличного с того же корабля, написанное под псевдонимом. В нем он, иронизируя, писал:

«В чем сказалась перемена
 Нам со строем новым?
 В дружбе сэра Бьюкенена
 С сэром Милюковым»⁴.

В данном случае использование этого сочетания, по-видимому, констатировало его распространенность в языке и положительную маркировку.

В первые послереволюционные недели переход к новому, по-видимому, под впечатлением от вспышки насилия 3 – 5 марта, воспринимался и как переход к периоду мести, «расплаты». Публичное проявление подобного отношения мы обнаружили всего одно. Моряк С. Волынский призвал в своих стихах «поднять нож» на тех, «кто рвал с голодного, измученного брата Последний грош»⁵. Вероятно, подобные призывы все же старались не печатать. В то же время несколько упоминаний о присутствии такого восприятия настоящего в частных письмах было обнаружено. Так, 6 марта члены Совета постановили отправить «на некоторые корабли и части» воззвания с призывом «успокоить всех товарищей, кондукторов – отправить в крепость, но не убивать»⁶. В варианте этого постановления, опубликованного в «Известиях», одна часть была указана – батарея № 25 Приморского фронта крепости Императора Петра Великого⁷. 13 марта на заседании Исполкома Гельсингфорского Совета выступал председатель военной цензурной комиссии, сообщивший о появлении большого количества писем со стороны матросов и солдат «восхваляющих убийства во время революции и, в частности, убийства офицеров». По итогам обсуждения члены ИК решили такие письма уничтожать. Показательным является и постановление полкового комитета 2-го

¹ [Б/а] Деятельность Исполнительного комитета за 5 – 6 марта в здании Гельсингфорского Морского собрания // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее – Известия Гельсингфорского Совета). 1917. 9 марта.

² Наддачина Н., Сафронова М. [Б/н] / Письма в редакцию // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 16 марта.

³ Заседание судового комитета линейного корабля «Император Павел I» 20 марта // Там же. 25 марта.

⁴ Мужик Вредный. [Светличный Г.А.] Народная примета // Волна. 1917. 4 мая/21 апреля;

⁵ Волынский С. [Б/н] // Там же. 12 мая/29 апреля.

⁶ РГАВМФ. Ф. р-2063. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁷ [Б/а. Б/н] // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 марта.

Свеабургского крепостного артиллерийского полка, опубликованное накануне, о недопустимости подобных писем¹.

Наиболее распространенной характеристикой «нового времени» в публикациях первых месяцев стала категория свободы. Т.к. мы имеем дело, большей частью, с материалами публицистическими или несущими определенную пропагандистскую нагрузку, т.е. стремящимися увлечь определенными идеями, то ни малейшей попытки научного анализа свободы мы не обнаруживаем. Это вообще не входило в задачу авторов. Тем более, что тематика затрагивает отдельные стороны обновленного бытия, не всегда касаясь его целиком. Поэтому для анализа изменений в мировосприятии моряков необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, кто или что является, по мнению авторов «хозяином» свободы? Во-вторых, в чем авторы усматривали ее признаки? В-третьих, какие требования (к поведению, чувствам) эти новые свойство реальности предъявлялись?

Чаще всего – в 8 случаях – авторы статей и писем, затрагивавшие свободу как категорию новой жизни, воспринимали ее как принадлежащую всей стране (России, Родине, Отчизне) целиком². Несколько уступило такой интерпретации – 6 случаев – восприятие свободы как принадлежности народа (граждан)³. В общем-то, эти два «владельца» свободы непротиворечивы, на что указывает и их одновременное использование в «Воззвании» моряка Вершинина. Еще одной, единожды упомянутой, «хозяйкой», соединявшей предыдущие подходы, была «народная власть»⁴. Однако заметно, что у выступавших и писавших о свободе в первые революционные месяцы присутствовало стремление объединить в сознании всех соотечественников, показать, что наступила новая жизнь для всех и для всего в стране, что все желающие могут пожинать ее плоды.

Отличия свободы, как нового наступившего состояния изображались моряками двумя способами. О признаках нового времени можно судить «от противного», т.е. на материалах образов прошлого, того, которое, выражаясь словами воззвания команды «Императора Павла I» от 6 марта «не может вер-

¹ Резолюция полкового комитета II Свеабургского артиллерийского крепостного полка // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 21 марта; Протокол № 10 заседания Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеабургского порта // Там же. 22 марта.

² *Наддачина Н., Сафронова М.* [Б/н] / Письма в редакцию // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 16 марта; [Б/а] В единении – сила! // Там же. 19 марта; [Б/а] В память товарищей // Там же. 22 марта; *Фролов В.* К детям родины // Там же. 20 апреля; *Шишко П.* Кто чем теперь занимается? // Там же. 26 апреля/9 мая; *Вершинин.* Воззвание // Там же; *Хряпов [Н.]*. [Б/н] / Письмо в редакцию // Волна. 24/11 мая; *Сальников И.М.* Товарищам матросам // Моряк. 1917. № 1. С. 11.

³ [Б/а] От команды линейного корабля «Император Павел I» // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 марта; Протокол № 4 общего собрания депутатов армии, флота и рабочих Свеабургского порта // Там же. 12 марта; Выступление А.Ф. Сакмана / [Б/а] Парад революционных войск 4 апреля // Там же. 9 апреля; Выступление С.А. Гарина / *То же* // Там же; *Харламцев М.* Пора! // Волна. 1917. 16 апреля; *Вершинин.* Воззвание // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 26 апреля/9 мая.

⁴ Воззвание л.к. «Республика» // Волна. 1917. 13 мая/30 апреля.

нутья»¹. Наиболее многочисленная группа претензий указывала на социальное и правовое неравенство. Так, 22 марта неизвестный матрос, участник недавних похорон «жертв революции» в стихотворении «В память товарищей» характеризовал старую власть как «власть кровавого тирана», о том же писали и М. Харлампиев с миноносца «Ретивый», и Г.А. Светличный с «Императора Павла I» («Республики»), и председатель судового комитета миноносца «Достойный» Вершинин в конце апреля². Однако речь шла не столько о системе управления, сколько об очень упрощенно-символическом понимании «тирана» как имеющего максимально возможное количество прав и возможностей и «тирании» как системе, где эти права и возможности есть у ограниченного круга лиц. В соответствии с логикой публицистики на другом «полюсе», к которому себя относили и моряки, необходимо было поместить символ бесправия. Таким и стало понятие «раб». Обозначение таким образом большей части населения совмещало не менее двух контекстов. Первый контекст довольно традиционен. Рабы – это бесправные и несвободные. Именно в таком значении их обозначили матрос-заграждатель с «Наровы» В. Фролов, писавший о «днях цепей и оков», матросы Н. Михайлов, изображавший прошлую жизнь как «беспросветную и бесправную жизнь рабов»³. В то же время раб – это «работающий», т.е. трудящийся. Служивший тогда на «Петропавловске» И. Новик представлял себе это так: «Свобода... звала нас к жизни, где нет... ни тиранов, ни работающих на них рабов»⁴. Неприязнь демонстрировалась и к несправедливости старой власти, ее насилию. Ключом для обозначения стало понятие «угнетение». К борьбе с «оставшимися угнетателями старого строя» призывала в конце апреля команда линкора «Республика»⁵. О «беспросветной угнетенной жизни» до революции писал Н. Михайлов, «угнетенным фиктивной романовской династией» считал народ в своем письме член судового комитета «Гангута» Н. Хряпов⁶. Подобное отношение давало возможность некоторым авторам характеризовать прежнюю власть как «драконовскую»⁷.

Полагаем, таким образом, что отмеченное как черты «старого» позволяет говорить о «новом» как о времени, где не должно быть неравноправия и

¹ [Б/а] От команды линейного корабля «Император Павел I» // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 марта.

² [Б/а] В память товарищей // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 22 марта; Харлампиев М. Пора! // Волна. 1917. №15. 29/16 апреля; Светличный Г.[А.] Где же правда и равенство? // Там же. 4 мая/21апреля; Вершинин. Воззвание // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 26 апреля /9 мая

³ Фролов В. К детям родины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 апреля; Михайлов Н. Проснитесь! // Волна. 1917. 16/3 мая

⁴ Новик [И.]. Товарищи, опомнитесь! // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 31/18 мая.

⁵ Резолюция о.с. команды л.к. «Республика» // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 29 апреля/12 мая.

⁶ Михайлов Н. Проснитесь! // Волна. 1917. 16/3 мая; Хряпов [Н.]. [Б/н] / Письмо в редакцию // Там же. №34. 24/11 мая.

⁷ Панасюк Д. О законе народовластия // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 27 апреля/10 мая; Богомолов А. [Б/н] // Моряк. 1917. № 1. С. 1.

власти-принуждения. Возможность использования такого противопоставления подтверждает противопоставление образное, прямо используемое авторами для пояснения своей позиции. Особенно яркими в этом смысле являлись материалы В. Фролова, Н. Михайлова и письмо Н. Хряпова. В. Фролов «дням цепей и оков» противопоставил «светлую жизнь под флагом Свободы»¹. У Н. Михайлова оппозиция, несмотря на прозаический жанр, выражена еще сильнее. Прошлое он изобразил «темным и мрачным кораблем, которым правила подлая рука Кровавого Николая и его продажных, жаждущих нашей крови “штурманов”», шедшим «к мраку и полной неминуемой гибели», а настоящее, соответственно, «широким свободным горизонтом», на котором «показалась заря Свободы, заря Мира, заря счастья и лучшего будущего»². Н. Хряпов пошел тем же путем и представил дореволюционное время как «грязный и шаткий помост», а наступившие перемены – как «чистую и крепкую дорогу, ведущую к счастью»³.

Другим способом были ожидания, которые уже свершились или еще должны произойти. Однако и в этом случае мы увидим схожую картину. Так, в публичных выступлениях, авторы которых апеллировали к революционным традициям, своеобразным «кодом» становилось использование триады «свободы, равенства и братства». Депутат Гельсингфорского Совета, член экипажа линкора «Полтава» А.Ф. Сакман, выступая перед собравшимися на параде революционными войсками 4 апреля с поздравлениями, в качестве одного из главных символов назвал «революционное знамя “Свобода, Равенство и Братство”». Аналогичный прием использовал и председатель Совета мичман С.А. Гарин⁴. Этот лозунг использовали в своих резолюциях и воззваниях, принимаемых на общих собраниях экипажей, команды «Дианы», «Республики»⁵. Но использование «революционной триады» происходило и в публицистических материалах. В. Фролов обозначил новое время как состояние, когда люди «навсегда все братья», о свободе и равенстве спрашивали читателей Г.А. Светличный и Н. Хряпов⁶. Образно представил похожее понимание признаков новой жизни И. Новик: «Свобода в ярко-красном наряде с улыбкой на устах зовет нас к жизни, к счастью... К жизни, где нет ни богатых, ни бедных, где нет ни царей, ни рабов, к жизни новой – братства и любви»⁷.

¹ Фролов В. К детям родины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 апреля.

² Михайлов Н. Проснитесь! // Волна. 1917. 16/3 мая.

³ Хряпов [Н.]. [Б/н] / Письмо в редакцию // Там же. 24/11 мая.

⁴ Выступления А.Ф. Сакмана и С.А. Гарина / [Б/а] Парад революционных войск 4 апреля // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 апреля.

⁵ Резолюция о.с. команды л.к. «Республика» // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 29 апреля/12 мая; Воззвание л.к. «Республика» // Волна. 1917. 13 мая/30 апреля.

⁶ Фролов В. К детям родины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 апреля; Светличный Г.[А.] Где же правда и равенство? // Волна. 1917. 4 мая/21 апреля; Хряпов [Н.]. Б/н / Письмо в редакцию // Там же. №34. 24/11 мая.

⁷ Новик [И.]. Товарищи, опомнитесь! // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 31/18 мая.

Еще одним проявлением свободы, отмеченным авторами, стало появление прав у тех, кто их раньше не имел. Для характеристики этой новой ситуации использовались в различных сочетаниях понятия «права» и «гражданин». Изначально эта терминология использовалась в уже упоминавшихся публичных выступлениях, как это было, например, в приветствии команды «Павла I» к начавшему работу Совету или в речах А.Ф. Сакмана и С.А. Гарина 4 апреля. «Павловцы» прямо оценили появление и деятельность нового революционного органа власти как «проявления признанных прав граждан»¹. Начиная с апреля, в постановлениях и резолюциях органов самоуправления моряков стало появляться характерное обращение к экипажам «товарищи-граждане»². Вопрос о соблюдении или подтверждении прав стал обсуждаться также в весенние месяцы. Если поначалу понятие «право», как это видно на примере резолюции «Павла» первых мартовских дней, пытались представить как право избирать, то уже спустя месяц С.А. Гарин в своем выступлении, пожалуй, впервые обозначил проблему, которая вскоре себя начнет активно проявлять в повседневном взаимодействии моряков друг с другом и представителями иных групп. В частности председатель Гельсингфорского Совета сказал: «Быть свободным, товарищи-граждане, это не значит иметь право делать то, что я хочу, но что хочет большинство»³. 26 апреля там же была опубликована заметка члена Совета от миноносца «Достойный» П.И. Шишко, который призвал относиться с «полным порицанием» к тем, кто «помнит про свои права, но охотно нарушает чужие», сделавшись «левыми слепыми хулиганами в свободной стране»⁴. По сути этой же проблеме, но в русле права на высказывание мнения по политическим вопросам, посвящено неопубликованное письмо в редакцию «Известий» Я. Карклина, члена судового комитета «Петропавловска». В ней он возмутился тем, что 25 апреля на общем собрании Гельсингфорского комитета РСДРП последовали «возражения некоторых товарищей-граждан против оратора, по форме армейского офицера», сопровождавшиеся «выкриками вроде “давай, кончай” и свистом». По мнению автора, такое поведение являлось недопустимым, т.к. «не подходит к званию граждан»⁵. Т.е. уже в конце апреля некоторые моряки задались вопросом, а где же проходит «граница» прав, что означало постепенное осознание различия категорий «право» и «возможность». Упомянувшийся уже унтер-офицер Вершинин охарактеризовал нарушения по службе и на берегу, проходящие «под лозунгом свободы» как ее «дикое понимание»⁶. Однако, судя по увеличению количества различных нарушений, имевших место на

¹ [Б/а] От команды линейного корабля «Император Павел I» // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 марта.

² См., напр.: РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. ЛЛ. 23, 25.

³ Выступление С.А. Гарина / [Б/а] Парад революционных войск 4 апреля // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 апреля.

⁴ Шишко П.[И.] Кто чем теперь занимается? // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 26 апреля/9 мая.

⁵ РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 6 – 7.

⁶ Вершинин. Воззвание // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 26 апреля/9 мая.

берегу, первичным значением права для многих моряков все же оставалась возможность.

Летом 1917 г. моряки по-прежнему охотно высказывали свое мнение о нынешнем и прошлом. Обнаружено значительно большее количество публикаций и писем, касавшихся этих проблем. По нашим подсчетам, оно увеличилось практически в 3 раза (с 14 до 38).

Наиболее часто встречающейся характеристикой настоящего для авторов оставалась свобода (из 38 публикаций в 29)¹. В оставшихся случаях для обозначения «особости» ситуации использовалась категория революции. Полагаем, что выбор зависел от степени «партийности» взгляда. Показательными в этом смысле представляется признание К. Малаховского: «Хочется иногда верить, беспредельно верить, что прошло же, наконец, старое... время... Свобода, равенство и братство... а там хоть трава не расти, что после будет», а также строки стихотворения Э. Андрига («Свободу добыли...») и В. Фролова («Коль скоро в дни святой свободы»)². На этом фоне абсолютно по-другому звучали слова Г.А. Светличного: «Демократичность! Несутся эти святые слова вдоль и поперек матушки России... А со временем в делах таким монархизмом несет...». Далее он прямо писал, что «на этом пути буржуазия ставит нам палки в колеса»³. Похожую смысловую нагрузку нес и образ, использованный матросом Щербаковым, сравнившим революционный процесс с рекой, преодолевающей на своем пути «заторы», главный из которых – Временное правительство⁴. Им вторил и З. Васильев, отметивший вскоре после июльских событий в Петрограде: «Мы чувствуем, что над революцией и Петроградом снова собирается гроза»⁵. Полагаем, таким образом, что «рево-

¹ *Белевич Б.* [Б/н] // Моряк. 1917. № 2. С. 33; *Малаховский К.* Идиллия и политика // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 8/21 июня; *Андриг Э.* Марка и рубль // Там же. 11/24 июня; *Фролов В.* 1) Капитал // Там же; 2) Наши сны // Там же. 14/27 июня; *Панасюк Д.* Опомнитесь // Там же. 16/29 июня; *Агапитов В.* [Б/н] / Письмо в редакцию // Там же. №77. 17/30 июня; *Лебедев А.* Опровержение лжи // Волна. 1917. 30/17 июня; *Прохоров.* Несознательным // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 21 июня/4 июля; *Кокин.* [Б/н] / Письмо в редакцию // Волна. 1917. 5 июля/22 июня; *Сиппельгас А.Я.* В защиту женщины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 23 июня/6 июля; *Андриг Э.* За Свободу // Там же. 27 июня/10 июля; *Куликов Я.* [Б/н] / Письма в редакцию // Там же. 1/14 июля; *Гротгус [Л.Ю.]* Из дневника // Там же. 1917. 5/18 июля; *Платонов С.* Грустное явление // Там же. 9/22 июля; *Гладков А.* [Б/н] / Письма в редакцию // Прибой. 1917. 17/4 августа; *Андриг Э.* Карпатские коммунисты // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 6/19 августа; Резолюция общего собрания 31 июля на линейном корабле «ХХХ» [«Республика»] // Прибой. 1917. 19/6 августа; *Фролов В.* Во имя света // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 13/26 августа; *Швецов.* [Б/н] // Прибой. 1917. 28/15 августа; *Гротгус Л.Ю.* [Б/н] // Моряк. 1917. № 10. С. 233; РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 23 – 30, 35 – 38, 41, 89.

² *Малаховский К.* Идиллия и политика // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 8/21 июня; *Андриг Э.* Марка и рубль // Там же. 11/24 июня; *Фролов В.* Наши сны // Там же. 14/27 июня

³ *Светличный Г.[А.]* Все демократично // Волна. 1917. 5 июля/22 июня.

⁴ *Щербаков.* Заторы революции // Там же. 11 июля/28 июня.

⁵ *Васильев З.* О событиях с точки зрения Гельсингфорского матроса // Социалист-революционер. 1917. 12/25 июля.

люцией», т.е. неким незавершенным состоянием, воспринимали современность авторы материалов, публиковавшихся в наиболее радикальных изданиях Гельсингфорса – большевистских «Волне» и, после ее закрытия, «Прибое», а также близком по многим вопросам интернационалистском «Социалисте-революционере». Тем самым реализовывалась мысль о необходимости продолжать «углубление революции». Неизвестный моряк (возможно, ставший редактором после ареста П.П. Прошьяна и А.М. Устинова Д.И. Попов) сформулировал квинтэссенцию этого понимания в «Социалисте-революционере». «В чем же заключается революция? – писал он, – в борьбе, только в борьбе. Отказ от борьбы уже оставление революции»¹.

Вообще, в публикациях августа, появлявшихся после перерыва, связанного, по-видимому, с арестами видных представителей радикальных кругов и закрытием большевистской «Волны» общим было настроение неудовлетворенности, ощущение отхода от цели. Однако мотивы различались. Авторы, публиковавшиеся в «Известиях», беспокоились, как и в июне, неподобающим поведением, вредящим «делу Свободы». Э. Андринг, например, опубликовал свой стихотворный фельетон «Карпатские коммунисты», где иронизировал и сокрушался по поводу азартных игр, пьянства и торговли продуктами, как формы времяпровождения:

«Так Свобода процветает
И не только первый год
Стонет, плачет и страдает
Наш доверчивый народ»².

В. Фролов бил тревогу по поводу малого количества моряков, посещающих лекции и другие просветительские мероприятия³. Статьи моряков в «Прибое» представляли происходящее как революцию, «сходящую на нет», как «наступление контрреволюции» или «контрреволюционной буржуазии»⁴. Вывод напрашивался тот же – бороться за революцию. Как писал, обращаясь к «врагам революции» моряк, подписавшийся «К.Я.»: «Придет гневный час, когда вы все поплатитесь. И мы должны его приблизить!»⁵.

Изменилось и понимание «хозяина» добытой свободы. Значительно чаще авторы стали указывать «народ», «людей» или «граждан». И большинство считало, что народ свободу именно завоевал. Сочетания «завоеванная нами свобода» или «добытая свобода» встретились в статьях А. Лебедева с «Петропавловска» и моряка Прохорова, в письмах моряка Кокина и Рышкова

¹ [Б/а] Гельсингфорс, 16 августа // Социалист-революционер. 1917. 4/17 августа.

² Андринг Э. Карпатские коммунисты // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 6/19 августа

³ Фролов В. Во имя света // Там же. 13/26 августа.

⁴ Светличный Г.[А.] 1) Контрреволюция и объединение демократии // Прибой. 1917. 17/4 августа; 2) Европа накануне революции // Там же. 19/6 августа; Михайлов [Н.]. Контрреволюция в Гельсингфорсе // Там же. 26/13 августа.

⁵ К.Я. На злобу дня // Там же. 6 сентября/24 августа.

с дредноутов.¹ А.Я. Сиппельгас, моряк, член редколлегии журнала «Моряк», прямо связал понятия «свобода» и «народ» таким образом: «свобода – это дар революции, великая жертва русского народа».² Полагаем, таким образом, что это свидетельствует о постепенном изменении отношения к роли человека в произошедших событиях. Если в весенние месяцы моряки больше воспринимали «простых людей», и себя в том числе, как объект воздействия новой жизни, то летом они больше считали «народ» субъектом действий. Т.е. возрастала их уверенность в осознании и своей роли творцов настоящего.

Что касается выявления характерных черт представляемой окружающей действительности, то основным отличием летних месяцев стало значительное уменьшение использования метода характеристики от противного. Авторы практически перестали упоминать прошлое, дореволюционное время в качестве носителя определенных правовых, общественных черт. Некоторые исключения встречались. Однако этот прием для пояснения своих мыслей использовали, в основном, те, кто писал в первый раз. Например, матрос К. Малаховский, служивший на одном из крейсеров 2-й бригады, употребил для изображения привычные образы. «Прошло, – писал он в статье-фельетоне «Идиллия и политика», – старое, гнилое, отжившее время. Царя-вампира нет со всей его коллекцией вакханальщиков с Распутиным во главе»³. Употребление обозначения «вампир», т.е. кровосос, на наш взгляд, кроме inferнальности, свойственной для обозначения «чужих образов», мало отличается от прежних⁴. Полагаем, что «высасывание» подразумевало «выкачивание» для себя и «вакханальщиков» без адекватной замены. Таким образом, оно представляется сходным с упреком в адрес прошлого в весенние месяцы в «тирании», т.е. в системе, где одни имеют все, что захотят, а также право забирать, а другие – ничего. Подобный подход, в частности, использовал некий «А.Б.», который 16 марта в статье «Вопросы дня» указал в качестве оправдания недавнего кровопролития в Гельсингфорсе на то, что «Царское правительство высосало из народа все соки, выпило и пролило море крови»⁵.

Словами-спутниками, использованными авторами для характеристики состояния свободы, являлись «единство», «право» и «гражданин». Пожалуй, именно в эти месяцы наблюдалось наибольшее количество материалов, связывавших наступившую «свободу», ее сохранение с объединением. Однако единства в самой интерпретации понятия «единство» не было. Авторы рассматривали его в нескольких плоскостях. Если в предыдущие месяцы единство выступало, скорее, как общественная характеристика, т.е. свобода объ-

¹ Лебедев А. Опровержение лжи // Волна. 1917. 30/17 июня; Прохоров. Несознательным // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 21 июня/4 июля; Кокин. [Б/н] / Письмо в редакцию // Волна. 1917. 5 июля/22 июня; РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 35.

² Сиппельгас А.Я. В защиту женщины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 23 июня/6 июля.

³ Малаховский К. Идиллия и политика // Там же. 1917. 8/21 июня.

⁴ См. об образах «чужого», напр.: Дубровская Е.Ю. Общественные настроения российских военнослужащих в Финляндии весной – летом 1917 г. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2005/2006 / Гл. ред и сост. Е.С. Сенявская. М., 2006. С. 221.

⁵ А.Б. Вопросы дня // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 16 марта.

единяла социальную группу «народ» или «трудовой народ», то летом на первый план вышло, скорее, политическое понимание. Конфликтные политические ситуации, будь то замена командующего флотом вице-адмирала А.С. Максимова или арест балтийской делегации в июле, наводили авторов на мысли о необходимости совместных политических действий, независимо от партийных пристрастий или принадлежности. Э. Андринг, например, констатировал:

«Свободу добыли и русский народ
До наивности стал забываться.
Чтоб двигаться твердо и дружно вперед
На митингах начал ругаться
Скандалят и спорят, порой слышен крик
И много подобных примеров:
Один говорит: “я в душе большевик”
Другой защищает эсеров»¹.

Моряк с сетевого заградителя «Шексна», написавший под псевдонимом «Егор» фельетон «Сны», иронично представлял стереотипы поведения и восприятия своих «партийных» товарищей: «Спят два дюжих матроса: большевик и меньшевик. Одному чудится, что встал он у власти с народом[,] и сгинули его партийные враги. И в ожидании победной речи к толпе двинул так своего соседа меньшевика, что последний, вскочив, закричал во всю силу своих легких: “Верю!”, продолжая и наяву еще видеть во сне картину доверия»². Таким образом, автор не только сатирически изображал неприемлемую, по его мнению, картину межпартийной розни, но и пытался донести мысль о невозможности достичь успеха путем победы одного взгляда кроме как во сне.

Июльские события в Петрограде не оставили равнодушными С. Платонова, служившего на заградителе «Нарова». 9 июля в «Известиях Гельсингфорского Совета» была напечатана его статья «Грустное явление», начинавшаяся словами: «События последних дней ясно показали, до какого ужасного размера разросся партийный антагонизм...». Далее он резко отрицательно высказался по поводу ареста в столице делегации Центробалта и командующего флотом Д.Н. Вердеревского, однако констатировал, что «благодаря деятельности отдельных партий Правительство имело на это право». В то же время он призвал все партии объединиться, чтобы отстоять своих товарищей. Завершил он так: «Долой раздор! Протянем друг другу руки, друзья народа! В единении – сила, в силе – свобода!»³. Моряк Рышков, служивший на дредноутах, в своем неопубликованном письме, присланном в июле в редакцию «Известий», также весьма конкретно назвал виновника разъединения моряков. Он обвинил в «партийной травле» печатный орган гельсингфорских большевиков – «Волну», заявив, что целью этой «газетки» «не есть цель

¹ Андринг Э. Марка и рубль // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 11/24 июня.

² Егор. Сны // Там же. 1917. 27 июня/10 июля.

³ Платонов С. Грустное явление // Там же. 9/22 июля.

нашей свободы и закрепления завоеванного, а ясно проскальзывает цель противоположная – разъединения»¹.

По-иному на вопрос смотрели партийные издания. Идея политического единства как условия сохранения свободы (или революции) не была чуждой и для них. Однако те авторы, которые входили в партийные организации и публиковались постоянно, представляли единство вокруг своих партий. Так, А. Лебедев главную причину «превращения свободы в миф» видел в следовании «за лжесоциалистами», т.е. за правительством. Критерием истинности социалиста автор считал отношение к войне и согласие с необходимостью поставить «товарищей-министров» под контроль². П.И. Шишко 12 июля, задавшись вопросом, кто такие большевики, ответил так: «“Большевики” – это не партия, не фракция. Это все, кто иначе мыслит. “Речь” и Львов называют большевиками Чернова и всех министров-социалистов. Министр В. Чернов называет большевиками украинцев. Правительство социалистов-революционеров называет большевиками левых». Исходя из такого понимания, он полагал, что «мы все должны стать большевиками», чтобы «создать справедливое общество»³. Не были в этом смысле исключением и умеренные социалисты-революционеры. Г. Удалов с блокшива № 9 заявлял, что «только объединившись вокруг знамени “Земля и воля” мы защитим истинную свободу»⁴. Тот же образ «революционного знамени “Земля и воля”», на котором «флот поклялся умереть», как символ политического единства и гаранта революции использовал и эсер-интернационалист З. Васильев⁵. Подобным же образом рассуждали некоторые авторы и позднее. После возобновления в августе издания печатного органа Гельсингфорского комитета РСДРП(б), на этот раз под названием «Прибой», на его страницах, как и раньше на страницах «Волны», выходили статьи с призывами «ко всем политически здравомыслящим» объединиться. В таком ключе была, например, написана статья Г.А. Светличного «Контрреволюция и объединение демократии». В ней автор для характеристики политически объединенной силы использовал термин «революционная демократия». Об «объединенной демократии истинных революционеров» как способе борьбы с попытками восстановить прошлое писал и моряк Н. Михайлов⁶. Сам по себе этот термин не был нов: он возник на страницах печати еще в апреле. Однако тогда ему придавалось, скорее, значение характеристики, признака нового строя⁷.

¹ РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 37 – 38.

² Лебедев А. Проснитесь, спящие! Прозрейте, слепцы! // Волна. 1917. 12 июля/30 июня.

³ [Шишко П.И.] Гельсингфорс, 12 июля // Социалист-революционер. 1917. 12/25 июля.

⁴ Удалов Г. За свободу // Народная нива. 1917. 14/27 июля.

⁵ Васильев З. О событиях с точки зрения Гельсингфорского матроса // Социалист-революционер. 1917. 12/25 июля.

⁶ Светличный Г.[А.] Контрреволюция и объединение демократии // Прибой. 1917. 17/4 августа; Михайлов [Н.]. Контрреволюция в Гельсингфорсе // Там же. 26/13 августа.

⁷ См., напр.: Панасюк Д. О законе народовластия // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 27 апреля/10 мая; Силин Г.[И.] Революционность Временного правительства // Волна. 1917. 11 мая/28 апреля; Богомолов А. [Б/н] // Моряк № 1. С. 1; Прохоров. Несознательным // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 21 июня/4 июля.

С аналогичных позиций стала рассматриваться проблема права и связанной с ней статус гражданина. В летние месяцы процесс распространения маргинальных форм самоорганизации своего свободного времени стремительно распространялся в среде русских военных. Касалось это и моряков. Прямым следствием этого стала попытка воздействовать на «несознательных». 16 июня Д. Панасюк с эскадренного миноносца «Гайдамак» прямо связал проблему поведения, статуса гражданина и свободы. В своей заметке с характерным призывом, вынесенным в заголовок «Опомнитесь» он писал, что «во время, когда Отечество и свобода в опасности, свободный гражданин не имеет права вести себя как некоторые несознательные». Под таким поведением Д. Панасюк подразумевал «беспутный образ жизни», к которому, по мнению автора, относились «пьянство, игра в карты на “Карпатах”, непристойное поведение на улицах, роскошь», унижающие свободного гражданина¹. Схожее отношение проявилось в письмах В. Агапитова и А. Новикова в редакцию «Известий». Оба призывали не истолковывать права как свои возможности. В. Агапитов, отмечавший грязь на улицах столицы Финляндии, спрашивал: «Неужели мы для того получили свободу и ее права, чтобы могли безнаказанно нарушать права, чистоту и порядок свободной Финляндии?»². А. Новиков, обращавший внимание на поведение моряков по отношению к местным жительницам, призывал «выполнить долг гражданина и не нарушать гражданские права». Завершил он свое письмо так: «Мы теперь свободные граждане, не угнетаем под буржуазной властью, и теперь сами должны соблюдать порядок, уважать права свои и чужие»³. О взаимосвязи понятия «право» и поведения на берегу в отношении женщин писал и А.Я. Сиппельгас⁴. Проблема искаженного восприятия прав и звания «гражданин» отмечена в фельетоне «Егора» «Маленькие заметки». В нем он показал как в «кривом зеркале» открывшийся «остров свободы», т.е. притон. Все описание тамошней атмосферы буквально пропитано иронией к такому пониманию новых прав и ценностей: «управление там чисто демократическое, товарищеский суд, полный отдых и труд по желанию». В заключение автор призывал внимательнее следить за такими «гражданами», которые, реализуя свои права, мешают их реализовывать другим⁵.

Однако стоит отметить и другой «глас народа», парадоксальным, на первый взгляд, образом объединивший секретаря судового комитета «Республики» А. Лебедева и двух анонимных авторов-моряков. Суть публикаций тем или иным способом оправдывала существовавшее положение вещей. Так, первый из них, подписавшийся «Б.», в неопубликованном письме в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета» словно спорил с А.Я. Сиппельгасом и А. Новиковым. Его основным аргументом была идея, что в

¹ Панасюк Д. Опомнитесь // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 16/29 июня.

² Агапитов В. [Б/н] / Письмо в редакцию // Там же. 17/30 июня.

³ РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 29, 30.

⁴ Сиппельгас А.Я. В защиту женщины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 23 июня/6 июля.

⁵ Егор. Маленькие заметки // Там же. 17/30 июня.

настоящее время знакомиться с женщинами запрещать нельзя, т.к. это «прямое нарушение наших прав». Более того, он полагал, что, если «некоторые дамы обижаются», то «честным женщинам нужно одеть опознавательный знак, например, белую ленту», а газеты Гельсингфорса должны оповестить об этом читателей. С его точки зрения, это было бы полезно и для сохранения здоровья, т.к. в городе «проституток развелось очень много»¹. Другой в стихотворении «Картинки наблюдателя», посвященном демонстрации 18 июня ставил эффектную одобрительную точку, противопоставляя участников «мародерам-богачам», фразой «Вкусно семечки хрустят», сделав их таким же революционным символом событий 18 июня как флаги или «мерный шаг» участников². А. Лебедев в письме, посвященном недостаткам быта в Гельсингфорсе, отметил как тревожный симптом появление на Торговой площади «ряда тележек с фруктами, семечками, различными, самыми заманчивыми сладостями и папиросами». Что же встревожило автора? Его не устроили цены, которые установили хозяева – «мелкие кулачки из Ярославской и Тверской губерний». А. Лебедев считал, что такие цены, которые способствовали «набиванию карманов жульническим способом», являлись «прямым нарушением революционных прав граждан» и призывал не упускать из виду «мелких кровососов»³. То есть, не только на практике, но и на страницах газет в этот период стали раздаваться призывы к соблюдению прав одних за счет других.

Таким образом, именно категория свободы в весенние и летние месяцы 1917 г. являлась наиболее распространенной характеристикой «новой» жизни со стороны военных моряков Гельсингфорса. Именно она синтезировала в себе как признаки наступившего времени – появление равенства, прав и, через это, обретение статуса гражданина. В то же время были поставлены вопросы о нормах поведения, характере занятий. Уже в мае 1917 г. авторы начали констатировать, что свобода понимается многими как безнаказанность, что в целом подвергалось порицанию и моральному осуждению.

В летние месяцы категория свободы оставалась главной характеристикой современности, однако стала появляться и другая – революция. Отличие состояло в отношении этих понятий. Если свобода обозначала некое достигнутое состояние, то революция сохраняла значение незавершенного процесса. Таким образом, налицо определенный успех леворадикальной прессы, настойчиво внушавшей мысль морякам о дальнейшем «углублении». Эта тенденция усилилась в августе 1917 г.

¹ РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 33 – 34.

² Д.Н. Картинки наблюдателя // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 июня/3 июля.

³ Лебедев А. [Б/н] /Письма в редакцию // Волна. 1917. 17/4 июля.

Михайлова Е.М.
Региональные правоконсервативные партии и
организации и их лидеры в «новой» России
(на примере Поволжья)¹

Стихийная, стремительная Февральская революция 1917 г. и отречение императора радикально изменили политическую систему, поставив вчерашних защитников самодержавия в неопределенные условия. В новой политической конфигурации правые партии, более десяти лет защищавшие самодержавные принципы, оказались перед сложным вопросом – какие устои и принципы защищать и каковы место и роль правоконсервативных сил в февральской политической организации.

Представлявшие в период первой русской революции значительную политическую силу, правые партии как в столице, так и на местах подошли к кануну Февральской революции с разрозненными силами и не имевшими реального потенциала как идеологически, так и организационно. Если в лучшие времена политической активности в рядах правомонархических организаций Поволжья состояло до 38 тыс. человек² (для сравнения: численность эсеров в регионе в этот период составляла более 4800 чел., кадетов – более 3400 чел., октябристов – более 2500 чел., социал-демократов – более 5800 чел.³), то в конце 1915 – начале 1916 гг. в Астраханской губернии правые организации насчитывали 3160 человек⁴, Казанской – 2700⁵, Саратовской – 1584⁶. В остальных трех губерниях региона – Самарской, Симбирской и Пензенской – отделы правых были еще малочисленнее и, по отчетам в МВД, «влачили жалкое существование». В частности, из существовавших в 1916 г. в Симбирской губернии Сызранском отделе СРН числилось 125 членов, в Симбирском отделе Всероссийского национального союза – 128⁷. К концу 1915 г.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект №12-11-21010а «Правоконсервативное движение начала XX века в Поволжье в контексте модернизационных процессов»).

² Выведено по: Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы: в 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 610 – 625.

³ Подсчитано по: Политические партии России в период революции 1905 – 1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 28 – 41, 61 – 83, 116 – 126, 158 – 166, 208 – 228. См. также: Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг.: Автореф. дисс. ... д. ист. н. Саратов, 2010. С. 27.

⁴ См.: Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 139 – 140; Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905 – 1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 32 – 33.

⁵ См.: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1025. ЛЛ. 3 – 33; ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 442. ЛЛ. 13 – 26; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 149 – 150.

⁶ См.: Правые партии. Т. 2. С. 698 – 707; Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 32 – 33.

⁷ См.: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1298. Л. 14, 17.

число правых монархистов в Пензенской губернии сократилось более чем в 10 раз, составив 145 человек¹.

Одиночная политическая борьба правых за сохранение самодержавия и с набравшим темп либерально-революционным движением тонула в потоке политической суеты, не приводя к реальным результатам. Среди подобных правоконсервативных лидеров в эти дни заметно выделялся председатель Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий, о котором Департамент полиции в эти дни писал, что он «в дело партии ушел весь, в ущерб своим торговым делам»². Председатель АНМП многократно отправлял Николаю II и в органы власти телеграммы с требованиями «ужесточить» власть, «обуздать» Прогрессивный блок, левую печать, распустить Думу, рассылал губернаторам письма с призывом помочь правым в их борьбе против «революционных выступлений». Н.Н. Тиханович-Савицкий установил регулярную переписку с руководителями правых организаций, прежде всего, провинциальных, для объединения действий правых сил. В 1916 г., когда в печати появились статьи, порочащие императрицу и обвинявшие за «немецкие» корни, выступил в ее защиту³. В конце 1916 г. Н.Н. Тиханович-Савицкий предпринял поездку в Петроград, где был принят царицей, а также встречался с министром иностранных дел А.Д. Протопоповым, министром юстиции Н.А. Добровольским, обер-прокурором Н.П. Раевым, председателем Государственного совета И.Г. Щегловитовым и другими сановными лицами⁴.

Однако интенсивные телеграммы Н.Н. Тиханович-Савицкого в столицу – 15 февраля 1917 г. председателю ВДСРН А.И. Дубровину, 18 февраля – министрам, членам Государственного совета, Государственной Думе, редакциям газет, начальнику Петроградского военного округа С.С. Хабалову, председателю Государственного совета И.Г. Щегловитову, 20 февраля – Николаю II, министру земледелия А.А. Риттиху, 21 февраля – министру внутренних дел А.Д. Протопопову⁵ с призывами спасти Россию от надвигающейся революции звучали одиноко. 23 февраля 1917 г. он послал на имя А.Д. Протопопова с припиской об отправке ее копии председателю Государственного совета и министрам последнюю телеграмму, зарегистрированную в

¹ См.: *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С. 32.

² Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914 – 1917 годах // *Вопросы истории.* 1996. № 7. С. 126.

³ В соответствии с решением собрания АНМП от 4 декабря, Н.Н. Тиханович-Савицкий отправил царице телеграмму: «...Не огорчайся, Матушка-Царица, происходящим. Внешние враги России в союзе с внутренними ненавистниками Царя видят в Тебе, умной и сильной, мощную поддержку Государю и непреодолимую преграду для достижения гнусной цели их: первых – поколебания, а вторых – захвата в свои нечестные руки царской власти, этой опоры могущества России...». В ответ от Александры Федоровны Н.Н. Тихановичу-Савицкому поступила телеграмма следующего содержания: «Я с вами скорблю и с вами плачу. Ваше страданье и Мое сливаются вместе. Твердо верю, Господь поможет искоренить врага. Горячо благодарю за чувства ваши и любовь ко мне» (ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 7. Л. 8).

⁴ См.: *Правые партии.* Т. 2. С. 616 – 617.

⁵ См.: ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 115 – 116 об.; *Правые партии.* Т. 2. С. 642 – 645.

Особом отделе Департамента полиции МВД 25 февраля, где писал: «Революционеры захватывают кооперативы в свои руки, надеясь при помощи их, во-первых, сплотить население для противодействия власти с целью государственного переворота, во-вторых – проникнуть в выборные сельские и городские управления и, в-третьих, воспользоваться ими для выборов в Государственную думу...». Требовал предпринять немедленные меры для приостановки подобного и закончил телеграмму словами: «Сейчас получил из Саратова известие, что там творится то же. Это положительное несчастье России»¹.

Могла ли рассчитывать самодержавная власть на победу правомонархических сил в избирательной кампании в V Государственную думу? В феврале 1916 г. МВД составило записку с прогнозом выборов в Государственную думу пятого созыва. В ней указывалось, что в Казанской губернии «имеется консервативное дворянство... можно надеяться, что энергичный губернатор П.М. Боярский, поддерживающий хорошие отношения с дворянством и земством, сумеет провести более правых»; в Пензенской губернии «...возможно, при посредстве губернатора, образование умеренно-правого большинства»; Симбирская губерния «обладает сплоченным дворянством, в массе своей консервативным»; в Самарской губернии «очень сильна партия октябристов...»; в Саратовской губернии «левые элементы очень сильны»; в Астраханской губернии «сильное влияние имеет кадетская партия... Губернатор И.Н. Соколовский враждует с патриотическими организациями»².

Прогнозы по выборам в V Государственную думу свидетельствовали о потере правыми партиями и организациями поддержки масс и об отсутствии у правых партий и организаций электоральной базы. Единичные голоса лидеров правых партий в политической системе Февраля не были услышаны.

Судьба активистов правомонархического движения Поволжья, довольно активного и авторитетного в свое время, сложилась по-разному.

3 марта 1917 г. по распоряжению Астраханского губернского исполнительного комитета (АГИК) без предъявления официального обвинения был арестован председатель наиболее известной и активной правоконсервативной Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий. Арестованный несколько раз обращался в Исполнительный комитет и Совет солдатских депутатов астраханского гарнизона с заверениями отсутствия с его стороны контрреволюционной пропаганды³. Н.Н. Тиханович-Савицкий заявлял, что «опасаться пропаганды контрреволюции с моей стороны нет основания, т.к. считаю преступным учинение смуты в то время, когда все помыслы населения должны быть сосредоточены на победе над Германией, против смуты во время войны я усиленно боролся все время», и что контрре-

¹ ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 3. Л. 106; Правые партии. Т. 2. С. 646. См. также подробн. об этих телеграммах: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001. С. 293 – 295.

² См.: Правые партии. Т. 2. С. 671 – 676.

³ См.: ГААО. Ф. 1093. Оп. 1 Д. 28. ЛЛ. 1 – 2, 10 – 11, 13, 16.

волюцию следует ожидать не в провинции, а «из столиц или фронта»¹. В начале мая 1917 г. его жена Л. Тиханович-Савицкая обратилась с письмом к военному и морскому министру А.Ф. Керенскому с просьбой об освобождении мужа, где писала: «Третьего дня исполнилось три месяца, как мой муж... сидит в заключении, арестованный Астраханским исполнительным комитетом... По словам Комитета... никакого обвинения к мужу предъявлено быть не может, отпустить же его не хотят, опасаясь, что он, будучи видным монархическим деятелем..., поведет контрреволюционную пропаганду. Муж указывает Комитету на неосновательность этих опасений, так как считает преступным заводить смуты во время войны; он все время боролся против этого, а теперь, говорит, и подавно, когда Государство стоит на краю развала... Невозможно лишать человека свободы, держать его, больного, в духоте, в пыли, на сквозняке, в обстановке, угнетающей морально..., лишь на основании одних предположений о его дальнейшей деятельности, к тому же это подрывает провозглашенные принципы свободы и законности и становится похожим на партийную месть. Ленинцев, проповедующих измену Родине, оставляют свободными, а монархистов, беззаветных патриотов, держат взаперти, на основании одних предположений... Кроме того, муж говорит, правительству следует принять во внимание, что в непродолжительном времени власть перейдет к толпе и солдатам, сторонникам Ленина, и политические заключенные могут подвергнуться смертельной опасности»². Без согласия Губернского исполнительного комитета, который в отношении прокурора Саратовского суда в АГИК сделал приписку: «Бюро высказывается за невозможность в настоящее время освобождения Т. Савицкого», в конце июня решением Саратовской судебной палаты Н.Н. Тиханович-Савицкий был освобожден из-под ареста вследствие нездоровья. В июле он получил разрешение на выезд на Кавказские минеральные воды на лечение с обязательным уведомлением АГИК о местопребывании. Последнюю информацию о местонахождении Н.Н. Тихановича-Савицкого АГИК получил первого августа 1917 г. из г. Нальчика³. Дальнейшая его судьба неизвестна⁴.

Активное до Первой мировой войны благодаря авторитету своего неутомимого лидера профессора Казанского университета В.Ф. Залеского Казанское Царско-народное русское общество в предреволюционный период практически отошло от политической деятельности, сосредоточившись на хозяйственной и благотворительной работе. Вскоре после февральских событий 4 марта 1917 г. В.Ф. Залеский заявил в прессе о приостановке деятельности ЦНРО: «Небольшая группа правых, объединяющаяся вокруг портнов-

¹ См.: ГААО. Ф. 1093. Оп. 1 Д. 28. ЛЛ. 1, 6, 11.

² Цит. по: *Чхартушвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 136.

³ См.: ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 17, 19, 22, 24, 27 – 30, 33.

⁴ По данным О. Платонова, Н.Н. Тиханович-Савицкий был замучен большевиками осенью 1917 г. на Кавказе (см.: *Платонов О.* Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://safety.spbstu.ru/book/hrono/hrono/biograf/bio_t/tihanvich.html).

ской школы (давно уже работающей на оборону), заранее решила воздерживаться от политических выступлений впредь до окончательной победы над внешними врагами и полного внутреннего успокоения. С восстановлением нормальной политической жизни члены этой группы воспользуются принадлежащим всякому русскому гражданину правом примкнуть к тем легализованным политическим партиям, программы которых будут соответствовать их убеждениям»¹. 5 марта 1917 г. на заседании Совета Казанского университета он выступил с заявлением, что правых организаций в Казани нет, и что он признает «новый строй». 17 – 19 марта В.Ф. Залеский подвергся аресту, после которого вынужден был вновь доказывать свою лояльность новым властям. После Октябрьской революции он продолжал работать в Казанском университете. Согласно постановлению Совета Казанского университета от 14 декабря 1918 г. В.Ф. Залеский был признан отчисленным из него с 1 января 1919 г. как выбывший из Казани «по обстоятельствам гражданской войны». Предполагалось, что он покинул город во время массового ухода из него перед приходом частей Красной Армии². По некоторым сведениям, Залеский поддерживал Белое движение³. В 1919 г. работал в Томском университете. В.Ф. Залеский умер, по неподтвержденным данным, в 1922 г.⁴

Организатором и бессменным руководителем ряда отделов СРН в Казани и Казанской губернии, а также Казанского отдела Русского собрания (КО РС) был известный за пределами Казанской губернии общественно-политический деятель, педагог А.Т. Соловьев. Одновременно А.Т. Соловьев в течение 25 лет руководил Казанским Обществом трезвости (КОТ), являясь родоначальником трезвеннического движения в Российской империи. Во время Первой мировой войны он был одним из активных организаторов помощи раненым и беженцам⁵.

После Февральской революции, когда деятельность КО РС была запрещена, А.Т. Соловьев прилагал определенные усилия для продолжения деятельности Казанского Общества трезвости. На заседании КОТ 12 марта 1917 г. состоялись выборы руководства Общества, председателем вновь был избран А.Т. Соловьев. Согласно обнаруженным недавно казанским историком И.Е. Алексеевым сведениям, 17 марта 1917 г. А.Т. Соловьев по постановлению Исполнительного комитета общественной безопасности в г. Казани «в видах общественной безопасности на основании поступивших в Комитет сведений о вредной противоправительственной деятельности г. [А.Т.] Соло-

¹ Камско-Волжская речь. 1917. 4 марта; *Алексеев И.Е.* «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был...» // *Воинство Святого Георгия*. СПб., 2006. С. 414.

² См.: *Мальшева С.* «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2003. №1/2 (30/31). С. 87 – 92.

³ См.: *Алексеев И.Е.* Залеский (Залесский) Владислав Францович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века*. М., 2010. С. 186.

⁴ См.: *Алексеев И.Е.* 1) «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был...» // *Воинство Святого Георгия*. С. 416; 2) «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был...» // *На страже Империи*. Вып. I. Казань, 2006. С. 30; *Долгов Е.Б.* Залеский (Залесский) Владислав Францевич // *Татарская энциклопедия*. Казань, 2005. Т. 2. С. 424.

⁵ *Алексеев И.Е.* Соловьев Александр Титович // *Русский консерватизм*. С. 474.

вьева» был арестован и заключен в одиночную камеру. Задержание его происходило с применением физической силы, в квартире произведен обыск и изъяты документы руководимых им организаций и частная переписка¹. 19 марта он был освобожден.

Несмотря на тяжелую социально-политическую ситуацию, КОТ пыталось заниматься благотворительностью. Издавался и журнал «Деятель», печатный орган Общества трезвости, который до мая 1917 г. редактировал А.Т. Соловьев. В газете «Голос Казани» от 28 марта 1917 г. было помещено объявление, что КОТ постановило «в первые дни Светлова Христова Воскресения для всех неимущих жителей Казани устроить обеды». Однако в апреле 1917 г. решением Исполнительного комитета общественной безопасности «в виду крайне нежелательного направления» Казанское Общество трезвости было запрещено. Чайные КОТ, занимавшиеся просветительской деятельностью, были закрыты. После этого А.Т. Соловьев отошел от общественно-политической деятельности. Умер он 3 декабря 1918 г.²

Известным по всей России православным духовным лидером являлся епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Г.Е. Долганов), стоявший во главе созданного им в 1908 г. Православного всероссийского братского союза русского народа. Попав в опалу в 1912 г., епископ Гермоген был уволен от присутствия в Святейшем Синоде и сослан в Жировицкий монастырь, где оставался вплоть до Первой мировой войны. В августе 1915 г. он был переведен в Николо-Угрешский монастырь Московской епархии, 8 марта 1917 г. назначен епископом Тобольской кафедры. Отношение к Февральской революции епископ Гермоген выразил так: «Я не благословляю случившегося переворота, не праздную мнимой еще «пасхи» (вернее же мучительнейшей Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душой духовенства и народа, не лобызая туманное и «бурное» лицо «революции», ни в дружбу и единение с ней не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией завтра... А сложившуюся (или «народившуюся») «в бурю революции» власть Временного правительства считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти и правительстве молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви»³. Октябрьская революция застала Гермогена в Москве, где он с августа по декабрь 1917 г. принимал участие в работе Поместного собора Православной российской церкви, выступал за восстановление патриаршества. Епископ не скрывал своего отношения к

¹ См.: *Алексеев И.Е.* На страже Империи. Казань, 2011. Вып. IV. С. 182.

² См.: *Алексеев И.Е.* Соловьев Александр Титович // *Русский консерватизм.* С. 475. В сентябре 2005 г. Казанское отделение Международной независимой ассоциации трезвости начало сбор подписей за присвоение одной из улиц Казани имени А.Т. Соловьева.

³ Цит. по: *Игумен Дамаскин (Орловский).* Епископ Гермоген (Долганев). М., 2010. С. 180 – 181.

большевикам¹. «С тяжелым сердцем я выехал из Москвы и, доехав с трудом до Тобольска, отдался здесь целиком борьбе с большевизмом. И должен ... признаться, что последний сильнее моей проповеди. Я с ужасом вижу, как эта зараза распространяется по краю»², – говорил он в начале 1918 г. Призывал Тобольскую паству «сохранить верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами... революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом»³.

По опыту организованных им в бытность в Саратовской епархии религиозно-нравственных бесед в Тобольской епархии регулярно проводились церковные беседы. По его инициативе был произведен сбор на солдатские нужды, для помощи возвращавшимся с фронта солдатам по его же инициативе при Иоанно-Дмитриевском братстве был организован особый отдел. Попавший в свое время в немилость Николая II, епископ Гермоген остался верноподданным монарху, пытался оказать помощь сосланной в Тобольск царской семье. В январе 1918 г. бывшая императрица Александра Федоровна писала А. Вырубовой: «Гермоген каждый день служит молебен у себя для папы и мамы (для Николая II и Александры Федоровны – *Е.М.*)»⁴.

После издания 23 января 1918 г. декрета Совнаркома об отделении церкви от государства и обращения 27 января Священного собора с воззванием защиты православной веры епископ Гермоген обратился к своей пастве словами: «Поднимите ваш голос в защиту церковной апостольской веры, церковных святынь, церковного достоинства. Оберегайте святыню вашей души, свободу вашей совести! Никакая власть не может требовать от вас того, что противно вашей вере, вашей религиозной совести!»⁵. Отпечатанные с обращением листки были розданы по храмам. Несмотря на запрет властей, в Вербное воскресенье 28 (15 по ст. стилю) апреля 1918 г. провел в Тобольске крестный ход, после чего «по соображениям политического характера и ... целью охранения общественной тишины и порядка» по решению тобольского исполкома был арестован и в ночь на 29 апреля отправлен в Тюмень, затем в Екатеринбург. Находясь в екатеринбургской тюрьме, епископ Гермоген в посланиях, отправленных на имя Патриарха и в Уральский Совет, называл выдвинутые против него обвинения необоснованными. В местную власть для выкупа епископа из тюрьмы обратилась депутация духовенства и мирян из Тобольской епархии, хотя сам владыка считал это ненужным. Большевики запросили колоссальную по тем временам сумму в 100 тыс. руб-

¹ См.: *Коганицкий И.* 1917 – 1918 гг. в Тобольске: Николай Романов. Гермогеновщина // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 9.

² *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1868 – 1918). Саратов, 2006. С. 324 – 325.

³ *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Указ. соч. С. 188.

⁴ Цит. по: *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 217.

⁵ *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Указ. соч. С. 190.

лей, сниженную после переговоров до 10 тыс. Однако после уплаты члены делегации были сами арестованы.

Владыка оставался в заточении в екатеринбургской тюрьме. В День Святого Духа 24 июня епископу Гермогену было разрешено отслужить молебен. Вечером 25 июня вместе с другими арестованными, человек 8–9, епископа Гермогена увезли из тюрьмы, ночью 26 июня их доставили в Тюмень на пароход «Ермак». Вечером следующего дня пароход прибыл к селу Покровское, где арестованных, кроме владыки и священника с. Каменское Екатеринбургской епархии П. Корелина, перевели на пароход «Ока», затем высадили на берег и расстреляли.

28 июня в 10 часов вчера епископа вместе с П. Корелиным посадили на пароход «Ока», который направился в сторону Тобольска. Около полуночи красноармейцы священника Корелина с привязанными гранитными камнями сбросили в воду. В половине первого ночи на нос парохода был выведен епископ Гермоген, к нему привязали камень и столкнули в реку Тобол. До самого последнего момента владыка непрестанно молился и благословлял своих убийц¹. Последовательный в своих монархических убеждениях и преданный православной вере, епископ Гермоген остался таким до последних дней своей жизни.

Иначе сложилась судьба другого активного деятеля правоконсервативного движения в г. Царицын Саратовской губернии в 1908 – 1911 гг. – иеромонаха Илиодора (С.М. Труфанов), собиравшего благодаря ораторскому таланту и большому влиянию на паству многотысячную толпу на свои проповеди и выступления. За резкие выпады против власти и непримиримые для духовного лица действия отправленный по постановлению Синода в 1912 г. был во Флорищеву пустынь Владимирской епархии Илиодор отрекся от церкви, был расстрижен и лишен сана. Уехав на родину на Дон, женился, стал проповедовать новую религию «разума и солнца». Близ станицы Мариинской основал религиозную общину «Новая Галилея», начал строительство «Храма Солнца». За богохульство и оскорбление монарха и монаршей семьи был привлечен к дознанию, но, не дождавшись окончания следствия, эмигрировал. За границей издал ряд книг, порочащих императорскую семью. В 1917 г. вышли его книги о Распутине «Святой чорт» и «Григорий Распутин. Из его жизни и походов» (последний – в соавторстве с В.М. Пуришкевичем), а также «Тайны дома Романовых». Накануне революции жил в Норвегии. С. Труфанов принял Октябрьскую революцию. После 1917 г. он вернулся в Царицын, возобновил проповедническую деятельность, здесь создал «мистическую коммуну», объявил себя «русским папой» и «патриархом живой христовой церкви». Некоторое время сотрудничал с Ф.Э. Дзержинским в пропаганде атеизма. В 1921 г. председателю СНК РСФСР В.И. Ленину от-

¹ См.: Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 21; Степанов А.Д. «Вы в подвиге, Господь благословляет Вас» // Воинство святого Георгия. С. 187 – 197; Мраморнов А.И. Указ. соч. С. 331 – 332; Михайлова Е.М. Гермоген // Русский консерватизм. С. 110 – 111; Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 204 – 205.

правил письмо с предложением о сотрудничестве, где писал: «Революция началась без санкции центральной Советской власти. Чтоб поправить дело и двинуть его по более правильному пути, я обращаюсь к Вам и кратко поясню следующее: церковная революция имеет целью разрушить поповское царство, отнять у народных масс искаженное христианство и утвердить их религиозное сознание на основах истинного христианства или религии человечности. А все эти достижения церковной революции должны привести к одному: к примирению народных масс с коммунистическим устройством жизни...»¹. Просил В.И. Ленина принять его для обсуждения вопроса «о церковной русской революции». В 1922 г. бывший иеромонах был выслан из России за границу. Жил в Берлине, затем в США, где обошел едва ли не все известные церкви и секты, не исключая ку-клукс-клана. Вся эмиграция без различия политических направлений осудила его как двойного отступника. Умер С. Труфанов в 1952 г. швейцаром третьеразрядного отеля².

Правомонархическое движение, столь активное и многочисленное в начальный период своего оформления, практически без единого реального массового выступления в защиту самодержавия, ушло с политической сцены в феврале – марте 1917 г. Февральская революция ускорила процесс его ухода, predetermined всем ходом политической борьбы в так и не институционализированной многопартийности 1905 – 1917 гг. По мере падения авторитета самодержавной власти правоконсервативное движение в провинции, впрочем, как и по всей стране, все дальше отходило от нее, слабо вписываясь в парламентскую систему поздней Российской империи. Отречение монарха от власти сделало политическую борьбу бывших защитников самодержавия, как пишет известный петербургский историк А.А. Иванов, «лишенной смысла»³. Февральская политическая система отвергла правый консерватизм как ненужную и мешающую силу. Нараставшее революционное движение и настроения свободы оттеснили с политической арены правые силы с их консервативными принципами защиты ценностей самодержавия и православной веры.

¹ «Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину» / Публ. подг. Е.В. Булюлина, И.В. Гарскова // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 120.

² Михайлова Е.М. 1) Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство. С. 108 – 109; 2) Илиодор // Русский консерватизм. С. 194–195; Воинство святого Георгия. С. 802 – 803; Варламов А. Илиодор // ТОПОС. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/5288/printed>.

³ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. 1914 – 1917. М.; СПб., 2013. С. 423.

Соколов А.В.
«Захват» дома экзарха Грузинского в Тифлисе
23 августа 1917 года

В начале XIX века Грузинская православная церковь была включена в состав Православной российской церкви в качестве экзархата. Вопрос о необходимости восстановления ее автокефалии начал активно обсуждаться с 1905 года, но вплоть до 1917 года никаких реальных шагов в этом направлении не предпринималось. Сразу после Февральской революции, 12 марта 1917 года на соборе в Мцхете часть духовенства экзархата в одностороннем порядке провозгласила независимость Грузинской церкви и объявила о выходе из подчинения Синоду. Это событие разделило духовенство и верующих по национальному признаку: негрузинские приходы отказались признавать власть избранных в Мцхете местоблюстителя католикоса епископа Гурийско-Мингрельского Леонида (Окропиридзе) и Временного управления Грузинской церкви (далее – ВУГЦ). Обе стороны обратились в Особый Закавказский комитет Временного правительства (ОЗАКОМ) с просьбой о посредничестве. Действующий экзарх архиепископ Платон (Рождественский) заявил ВУГЦ, что не сложит полномочий без соответствующего решения Святейшего Синода.

Указом от 27 марта 1917 года Временное правительство признало существование самостоятельной Грузинской церкви, а ВУГЦ поручили составить проект ее правового положения в России. При этом оговаривалось, что до утверждения документа правительством церковное управление должно осуществляться действующим экзархом Платоном (Рождественским) и синодальной конторой. Но самым печальным для грузин являлось то, что автокефалия признавалась не в территориальных границах, а национальная. Это означало, что русские приходы со своим управлением в Грузии сохранялись, и предстоял раздел духовных учреждений и имущества¹. С 11 апреля по начало июня 1917 года в Тифлисе находился уполномоченный Временного правительства профессор В.Н. Бенешевич. Под его руководством ВУГЦ подготовило и направило в Петроград законопроект о Грузинской церкви, а потом прошли заседания «согласительной комиссии» с представителями русских, осетинских и греческих приходов. В результате был составлен перечень храмов, монастырей и других духовных учреждений с их предварительным распределением между Синодом и ВУГЦ. Прошедший в конце мая 1917 года Русский закавказский церковный собор избрал свой Исполнительный комитет русского духовенства и мирян и заявил о том, что русские приходы остаются в подчинении у Синода и экзарха Платона².

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. СПб., 1917. Вып. 1. С. 306.

² См. подробн.: Соколов А.В. Временное правительство и Православная церковь на Кавказе (февраль – октябрь 1917 года) // Каптеревские чтения – 10. Сб. ст. М., 2012. С. 339 – 358.

В ожидании решения Временного правительства духовенство и паства в Тифлисе стали группироваться по национальному признаку вокруг храмов и духовных учреждений, стараясь «выдавить» из них оппонентов. Настоятелем кафедрального Сионского собора состоял грузин, поэтому уже с марта 1917 года местоблюститель католикоса епископ Леонид обосновался там. Экзарх Платон переместился в принадлежавший военному духовенству Александро-Невский собор, посещаемый, главным образом, русскими солдатами. Здание Грузино-Имеретинской синодальной конторы по умолчанию использовалось и для заседаний ВУГЦ, несмотря на то, что грузины отказались от присутствия в ней. И конечно, особое значение приобрел вопрос о судьбе дома экзарха в Тифлисе, являвшегося символом церковной власти на Кавказе.

Долгое время чуть ли не единственным специальным исследованием по теме церковного конфликта на территории Грузинского экзархата в 1917 году оставалась брошюра очевидца событий священника В.Н. Егорова¹, и именно на нее как на первоисточник опирались другие авторы². Работа священника представляет собой подготовленный для Поместного собора и опубликованный в октябре 1917 года подробный доклад, при написании которого автор использовал, в том числе, делопроизводственные документы Синода³. Среди них одним из наиболее важных является рапорт эконома дома экзарха в Тифлисе иеромонаха Серафима «с братиею», датированный 28 августа 1917 года⁴. Вместе с тем, вне поля зрения историков до сих пор оставались другие документы, также хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и посвященные дому Грузинского экзарха в 1917 году: переписка министра исповеданий с главой ОЗАКОМ В.А. Харламовым и епископом Леонидом (Окропиридзе), рапорт начальника милиции Тифлиса Качухова, отчеты Исполнительного комитета русского духовенства и мирян и др.⁵

Впервые о своем желании занять дом экзарха ВУГЦ заявило весной 1917 года уполномоченному Временного правительства В.Н. Бенешевичу. 18 апреля в связи с приглашением экзарха Платона в столицу для участия в ра-

¹ Егоров В.Н., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., 1917.

² Скурат К.Е. История поместных православных церквей: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 51 – 63.

³ В настоящее время эти документы скомпонованы в одном деле: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 281.

⁴ Там же. ЛЛ. 95 – 97 об.

⁵ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47 (Проект положения об автономии Грузинской церкви и переписка об его утверждении); Ф. 1579. Оп.1. Д. 163 (Материалы об аресте группы духовных лиц и захвате дома экзарха и церкви грузинами); Д. 172 (Материалы о ненормальностях в работе Синодальной конторы и крайне обострившихся отношениях на национальной почве среди русского и грузинского духовенства); Д. 173 (Материалы об образовании особой комиссии для выработки правил об устройстве русско-грузинских дел на Кавказе и определении церковью Грузинских, Русских, осетинских и смешанных в связи с объявлением автокефалии Грузинской церкви).

ботах Синода, ВУГЦ попросило уполномоченного правительства передать «освобождающееся» здание местоблюстителю католикоса-патриарха. По версии грузинской стороны, Бенешевич сначала согласился, однако вскоре сам перебрался из гостиницы в дом экзарха, что было расценено грузинами как откровенный переход «посредника» на сторону защиты русских интересов¹. Профессор объяснил свой переезд, тем, что «в гостинице промучился 7 дней и ночей от шума, а во дворце наместника помещения не оказалось». В письме же обер-прокурору он признался, что действительно «грузины хотели бы по отъезде экзарха влезть в его дом, а при мне это труднее»². Платон выехал в Петроград 3 мая 1917, а после него в доме поселился его заместитель, епископ Бакинский Григорий (Яцковский). Это обеспечивало до поры «неприкосновенность» здания, так как идти на открытый скандал с изгнанием преосвященного грузины не хотели.

В начале июня 1917 года Тифлис покинул и сам В.Н. Бенешевич. После его отъезда ВУГЦ направило в Петроград делегацию во главе с епископом Горийским Антонием (Георгадзе), привезшим обер-прокурору Синода В.Н. Львову пространное представление от епископа Леонида. Местоблюститель католикоса жаловался, что вынужден «ютиться» на частной квартире и просил издать следующие распоряжения: 1) «Освободить» для местоблюстителя католикоса-патриарха покои «бывших экзархов»; 2) Передать в ведение ВУГЦ помещения и штаты экзаршей канцелярии, Синодальной конторы и архива; 3) Отпустить на содержание католикоса жалование, «соответствующее его высокому чину»³. Реакции на обращение Леонида в тот момент не последовало.

Только 25 июля Временное правительство издало выработанные ВУГЦ, но кардинально отредактированные Юридическим совещанием «Временные правила о положении Грузинской Православной Церкви в Российском государстве»⁴. При этом оговаривалось, что для выработки предложений по разделу церковного имущества и кредитов на Кавказе между грузинскими и русскими приходами будет создана Особая комиссия, заключения которой впоследствии пойдут на рассмотрение Временного правительства⁵. Впрочем, ни состав, ни дата начала работ комиссии не назывались. Думается, имел место расчет на то, что положение церковных дел на Кавказе обсудит открывающийся 15 августа 1917 года в Москве Поместный собор, и его веское слово поможет примирению русского и грузинского духовенства.

Надежды не оправдались. Грузины не только не приехали на Всероссийский Собор, но стали готовить свой собственный. В середине августа собравшиеся в Тифлисе делегаты грузинского предсоборного присутствия единогласно избрали митрополитом Тифлиским и заместителем католикоса

¹ РГИА. Ф. 797. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 269 об.

² Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 12.

³ Там же. ЛЛ. 19 – 20.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4-х т. М., 2004. Т. 3. С. 155.

⁵ Там же.

епископа Гурийско-мингрельского Леонида (Окропиридзе)¹. Кроме того, грузины истолковали постановление Временного правительства от 25 июля в выгодном для себя смысле, объявив, что экзархат полностью упразднен. Из этого следовало требование о передаче в полное распоряжение ВУГЦ местных учреждений духовного ведомства, Грузино-имеретинской синодальной конторы и канцелярии экзарха с архивами и всеми кредитами. При этом ВУГЦ заявило о необходимости установления резиденции для русского иерарха вне пределов Грузии – во Владикавказе или Баку – с запретом Платону приезжать в Тифлис и требовало не именовать русских иерархов теми же титулами, что носят грузинские².

Далее, получив своего «законно» избранного архиерея, члены автокефальной церкви посчитали более невозможным для себя мириться с наличием в Тифлисе резиденции «бывшего» русского экзарха. Дождавшись временного отъезда епископа Бакинского Григория (Яцковского), 23 августа митрополит Леонид составил предписание эконому экзаршеского дома иеромонаху Серафиму «сдать здание». При этом оговаривалось, что первый этаж отводится пока для проживания русских «насельников»³. Около 5 часов вечера с этой бумагой к дому митрополита Платона прибыла группа грузин (около 30 человек) во главе с бывшим помощником экзаршей канцелярии Д. Давидовили. По свидетельству Серафима, в числе подошедших имелся слесарь-мирянин с ящиком инструментов для взлома⁴. Дверь им открыли, но на требование сдать ключи от всех комнат ответили отказом. Тогда грузины ушли, но вскоре вернулись в сопровождении помощника начальника тифлисской милиции А.И. Татиева (также грузина по национальности) и рядовых милиционеров. В это же время приехали иерархи Грузинской церкви во главе с митрополитом Леонидом. Епископы разместились на балконе, ожидая завершения «реквизиции», а все остальные «расползлись» по зданию. Татиев обратился к эконому Серафиму со следующими словами: «Я, как помощник начальника милиции революционной власти, предлагаю Вам сдать все церковное и экономическое имущество экзаршеского дома со всеми документами и капиталами представителям грузинской церкви». На это Серафим ответил, что без разрешения экзарха, «также утвержденного революционным правительством митрополитом Тифлиским и экзархом Кавказским»⁵, ничего делать не будет, тем более, что и так все двери уже взломаны. Тогда Татиев потребовал у эконома опись всего имущества, это Серафим выполнил. Далее помощник начальника милиции попросил указать личные вещи Платона, и они с экономом направились в покои экзарха. Однако, выяснилось, что ведущие туда двери уже взломаны и по вещам кто-то «лазал». Татиев грозно

¹ Свободный народ. 1917. 17 августа.

² Егоров. В.Н. Указ. соч. С. 30.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 52 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 83 – 83 об.

⁵ 19 августа 1917 года Временное правительство действительно утвердило определение Синода «о бытии» архиепископу Платону (Рождественскому) митрополитом Тифлиским, экзархом Кавказским (см.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 307).

спросил у присутствовавших, кто открыл дверь, но ответа не получил. Тогда, не углубляясь в разбирательство, он предложил Серафиму принять на хранение личное имущество митрополита. Эконом ответил, что не может этого сделать, так как не ручается, что что-нибудь не пропало. Татиев велел снять со стены висевшие там портреты и присовокупить их к вещам Платона для последующего возврата преосвященному. Отметим, что в рапорте Серафима не говорится, о каких именно портретах шла речь¹. Следующим шагом Татиева стала попытка выяснить у эконома, какое имущество являлось церковным. Получив отказ, он удалился на некоторое время на балкон посоветоваться с грузинскими епископами. Вернувшись, он приказал опечатать все двери, а от Серафима потребовал указать, где находятся деньги и документы дома. Эконом отказался, а Татиев снова отправился советоваться к епископам. Всех задержанных в здании свели в одну комнату, среди них оказались пришедшие в гости к проживающим в доме, а также несколько молельщиков из домово́й церкви. События не остались незамеченными в городе: вскоре по распоряжению коменданта Тифлиса в дом экзарха приехал помощник коменданта с приказом выяснить, в чем дело. Однако, переговорив с А.И. Татиевым, он посчитал наилучшим для себя удалиться. Помощник коменданта заявил, что он «ни русский, ни грузин, а армянин», но перед уходом все же приказал выпустить задержанных молельщиков. Остальных освободили только в 2 часа ночи 24 августа. Эконом оказался арестованным на несколько суток, так как отказался передать грузинским милиционерам ключи от кассы, заблаговременно оставленные им в ИК закавказского русского духовенства и мирян. Когда на следующий день Серафима под конвоем доставили в Исполнительный комитет, его члены также не отдали ключей².

24 августа председатель Тифлисского церковно-епископского совета протоиерей Иоанн Михайловский (он же – председатель ИК закавказского русского духовенства и мирян) обратился к председателю ОЗАКОМ В.А. Харламову с просьбой принять меры к «восстановлению права собственности» на захваченное имущество, «принадлежащее Святейшему Синоду, экзарху»³. Михайловский сообщил, что в 11 часов утра 24 августа к нему явился рассыльный канцелярии экзарха М.М. Немцев, рассказал о захвате, а также о том, что «все прежние обитатели экзаршеского дома и пришедшие сегодня на службу задержаны и не выпускаются на улицу». Сам Немцев как-то сумел выбраться «тайком». В 12 часов к Михайловскому явился эконом иеромонах Серафим, отпущенный на два часа для доклада своему духовному начальству. Серафим подтвердил, что он вместе с другими обитателями экзаршеского дома находился под арестом⁴. ИК составил некий сводный опрос очевидцев, акцентируя внимание на действиях милиции, из которого следовало, что «масса милиционеров и вольных, вооруженных револьверами и

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. ЛЛ. 95 – 96.

² Там же. ЛЛ. 96 об. – 97 об. Эконом, в том числе, отказался передать милиции приходно-расходные книги экзаршеского дома. Возможно, они тоже хранились в кассе.

³ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. ЛЛ. 4 – 4 об.

⁴ Там же.

шашками оцепили кругом весь дом и арестованных не выпускали». На просьбу предъявить обвинения, представители власти отвечали, что «это не арест, а так нужно, и Вы не должны оказывать никакого сопротивления, в противном случае Вам хуже будет». Арестованных отпустили только около 10 вечера 23 августа. Обращение с ними было грубое, а «некто Давыдов – грузин, грозил иеромонаху Ираклию кулаком говоря: «смотри, много не рассуждай, а то так и заеду в морду»¹.

Глава ОЗАКОМ В.А. Харламов, пытаясь хоть как-то урегулировать последствия произошедшего «захвата», предложил 24 августа, чтобы очередная согласительная комиссия из представителей обеих церквей провела опись имущества дома, но ИК русского духовенства и мирян отказался в ней участвовать². 25 августа представители митрополита Леонида взломали каретный сарай экзарха и забрали себе его экипаж³.

Проведенное Харламовым изучение обстоятельств случившегося практически ничего не принесло. Глава ОЗАКОМ дважды пересылал в Петроград собранные им материалы: 31 августа – протоколы ИК русского духовенства и мирян и рапорт начальника городской милиции Тифлиса Качухова⁴, а 8 сентября копию «сношения» с митрополитом Леонидом⁵. Местоблюститель католикоса объяснял, что «никакого беззакония не было», епископ Григорий выехал в Москву, дом пустовал, и грузины заняли его по праву, так как Грузинского экзархата больше не существует. «Вселение» произошло в присутствии милиции, двери не взламывали, и «никаких эксцессов и арестов, как о сем писалось в газетах» не было⁶. Начальник милиции Качухов в своем рапорте от 24 августа 1917 года на имя члена ОЗАКОМ А.И. Чхенкели заявил, что накануне к нему обратился митрополит Леонид с просьбой командировать «правомочное лицо» для описи имущества дома «бывшего» экзарха, а также «прислать достаточную для ограждения живущих ныне в этом доме лиц охрану». Ссылаясь на принятые Временным правительством «Основные начала правового положения Грузинской церкви в Российском государстве»⁷, Леонид заявил, что теперь «должность экзархов Грузии упразднена», здание освободилось и фактически, и юридически, и, как приобретенное в 1849 году на средства Грузинского церковного казначейства, переходит к ВУГЦ для размещения будущего католикоса-патриарха. На нижнем этаже, по мнению местоблюстителя, можно временно поселить и представителя русской церкви

¹ Там же. Д. 172. ЛЛ. 49 – 51. Документ именовался «Подробное изложение очевидцев насильственного занятия экзаршеского дома грузинским духовенством и мирян с участием чинов городской милиции и помощника начальника милиции», подписал «писарь Басов».

² Там же. Д. 163. Л. 3.

³ Там же. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 97 об.

⁴ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. ЛЛ. 39, 50.

⁶ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. ЛЛ. 56 – 57.

⁷ Так в документе. На самом деле правила именовались «Временными», а не «Основными» (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 140).

до тех пор, пока не закончится распределение церковного имущества¹. Как писал Качухов, в 5 часов вечера того же дня он командировал в дом экзарха одного из своих помощников, «уведомив предварительно об этом председателя Краевого центра советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и «уполномоченного члена Особого закавказского комитета» (кого именно – не уточнялось). Прибыв на место, милиция приняла следующие меры: «в целях охранения имущества, впредь до размежевания русско-грузинских церковных интересов, опечатала Крестовую церковь при Экзаршем доме, в коей хранятся драгоценности, привела в известность все имущество, принадлежащее лично бывшему экзарху Грузии Платону, сложила таковое в отдельную комнату и также опечатала». Опечатали, в том числе и комнату со всей документацией и несгораемым сундуком, так как эконом Серафим «категорически отказался указать имущество, принадлежащее дому, приходно-расходные книги и кассу с деньгами и ценными бумагами». Далее Качухов в своем рапорте принялся всячески сгущать краски, перечисляя сведения, очерняющие обитателей здания. Во-первых, по словам Качухова, иеромонах Серафим «покушался положить себе в карман два больших свертка с деньгами», вынутых им из несгораемого сундука², но был вовремя замечен. Ввиду этого над ним установили «особо бдительный надзор, в целях предупреждения расхищения церковного имущества». Во-вторых, имелось характерное для 1917 года обвинение в промонархических симпатиях прежнего владельца здания, так как на стенах гостиной и других комнат «обнаружено» 5 портретов представителей дома Романовых (Александра III, Марии Федоровны, Николая II, царевича Алексея и Николая Николаевича). И наконец начальник милиции отметил, что в момент появления его сотрудников в гостях у иеромонаха Серафима находились «два гражданина и две монашки Момкадского монастыря. Указанные лица сидели за столом и вместе с монахами распивали вино»³. Подобное описание моральной нечистоплотности жителей дома, конечно же, не может не наводить на мысль, что действия милиционеров все же не были вполне законными, раз их понадобилось подкреплять таким образом. А сообщение Качухова о том, что 23 августа никто в доме экзарха не арестовывался, и всем, находившимся в здании, предоставили свободный выход, опровергается данными других источников, и, скорее всего, совершенно не соответствовало действительности⁴. Начальник милиции также добавил, что по сообщению митрополита Леонида в архиве Синодальной конторы «замечается хищение ценных документов», поэтому милиция приняла меры к их охране. При этом служащим «беспрепятственно вы-

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. ЛЛ. 1 – 2.

² Согласно отчету Серафима, ключи от кассы он заблаговременно оставил в Исполнительном комитете закавказского русского духовенства и мирян. Если так, он не мог открыть несгораемого сундука и вынуть деньги (см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 281. ЛЛ. 95 – 97 об).

³ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. ЛЛ. 2 – 2 об.

⁴ Там же. Л. 3.

даются нужные документы по особой расписке»¹. В заключение Качухов упомянул и распоряжение Харламова от 24 августа об оказании содействия к проведению описи имущества дома согласительной комиссией духовенства (как уже упоминалось, русские отказались в ней участвовать). Последняя фраза рапорта звучит следующим образом: «Принятие милицией мер к составлению описи имущества санкционировано председателем Особого закавказского комитета В.А. Харламовым»². Этим, видимо, подразумевалось, что всякая дальнейшая ответственность за эксцессы межцерковного конфликта перекладывалась с милиции на вышестоящее руководство.

Комментируя произошедшее, грузинские газеты представляли ситуацию, как будто ничего особенного не случилось, и просто информировали читателей о переселении митрополита Леонида. При этом они дружно пересказывали сюжет о застигнутых в экзаршем доме монахинях и портретах Романовых на стенах в покоях Платона³. «Кавказское слово» вообще перевернуло все с ног на голову, сделав основной акцент именно на «контрреволюционности» экзарха: по сообщению издания после доноса об этом со стороны грузинского духовенства ОЗАКОМ командировал для «производства дознания» некоего З.К. Линдена⁴.

Сам митрополит Леонид отправил в Петроград министру исповеданий А.В. Карташеву длинную объяснительную телеграмму. По версии митрополита, «произошло вступление законного владельца в принадлежащий ему пустующий дом в присутствии законной власти с соблюдением необходимых формальностей. Дом этот куплен на средства грузинской церкви для проживания в нем экзархов Грузии. Раз после утверждения грузинской автокефалии экзархов Грузии больше не существует, он естественно должен отойти к тому, кто отныне будет заменять экзархов...» Далее Леонид просил скорейшей присылки в Тифлис правительственной разграничительной комиссии⁵.

Очевидно, органы Временного правительства оказались не в состоянии воспрепятствовать произошедшему «захвату», поскольку ВУГЦ поддерживала часть представителей власти и местное население. Более того, грузины, по всей видимости, воспользовались разногласиями внутри самого ОЗАКОМ: Качухов упоминал, что один из членов Комитета был проинформирован о готовящейся акции. Возможно, речь шла о самом адресате рапорта – сочувствовавшем ВУГЦ А.И. Чхенкели. Еще 20 мая 1917 года уполномоченный В.Н. Бенешевич писал обер-прокурору Синода: «Трудно иметь дело с грузинами, а особенно еще и потому, что их руку держит А.И. Чхенкели, за которым должен идти и весь Закавказский комитет. Выходит теперь так, что я веду дело, а меня ведут грузины. Особого толку от этого я не жду, и его не

¹ Там же. ЛЛ. 2 об. – 3.

² Там же. Л. 3.

³ Республика. 1917. 25 августа; Возрождение. 1917. 25 августа; Тифлисский листок. 1917. 25 августа.

⁴ Кавказское слово. 1917. 25 августа.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 55 об.

вышло до сих пор»¹. 11 июля 1917 года, когда епископ Бакинский Григорий (Яцковский) попытался не пустить членов ВУГЦ на их заседание в помещение Синодальной конторы, именно А.И. Чхенкели позвонил епископу и потребовал выдать грузинам ключ².

С другой стороны, юридически статус дома экзарха являлся неопределенным, его еще должна была рассмотреть правительственная разделительная комиссия. И хотя события 23 августа носили характер произвола со стороны грузин, тем не менее, русское духовенство также не имело оснований считать здание исключительно своим. Возможно, в том числе и это удерживало правительство от принятия каких-либо решительных мер. 25 августа митрополит Платон (Рождественский) выступил на Поместном соборе, заявив, что «мы не имеем права уступить никому и ничего из имущества, принадлежащего православной церкви на Кавказе». На это товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский ответил, что такие методы грузин недопустимы и Министерство исповеданий примет все возможные меры, чтобы не допустить подобных происшествий в будущем. Однако Котляревский добавил, что делить имущество все-таки необходимо, для чего в скорейшем времени будет создана согласительная комиссия³.

Вскоре выяснилось, что события 23 августа являли собой лишь первый шаг в начатой ВУГЦ церковной «национализации». В последних числах месяца заместитель местоблюстителя католикоса епископ Антоний Горийский (Георгадзе) направил в духовно-учебные заведения (Тифлисскую духовную семинарию, Тифлисское мужское духовное училище, Тифлисское епархиальное женское училище и церковно-учительскую школу при Бодбийском монастыре) предписание «немедленно приступить к работам по национализации». Там сообщалось, что обер-прокурору уже направлена телеграмма об «отозвании» из католикосата всех русских преподавателей, не знающих грузинского языка. При этом, в Тифлиском епархиальном женском училище постановлением ВУГЦ оказались уволены председатель педагогического совета осетин протоиерей Христофор Джигоев (владевший грузинским языком) и член педсовета священник Иоанн Соломонов⁴. Предполагалось провести подобную «национализацию» и среди учащихся. По подсчетам ИК закавказского русского духовенства и мирян в результате этого на улице могли оказаться 25 % воспитанниц епархиального женского училища, 55 % воспитанников мужского училища и 65 % обучаемых в Бодбийской церковно-учительской школе. Исполнительный комитет заявлял, что русская прислуга тоже теряет рабочие места в учебных заведениях, и что «такой националистический шовинизм... выступает за пределы государственной терпимости даже в рамках самых широких демократических свобод»⁵. Безапелляционные действия грузин вызывали шум даже там, где, казалось бы, все уже было ре-

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. ЛЛ. 59 об. – 60 об.

³ День. 1917. 26 августа; Ростовская речь. 1917. 27 августа.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.

⁵ Там же. ЛЛ. 6 – 6 об.

шено. Так, в Бодбийский женский монастырь, о переходе которого к ВУГЦ стороны предварительно договорились, 27 августа явилась группа грузинского духовенства и мирян в сопровождении нотариуса, огласившая предписание митрополита Леонида «немедленно избрать» игуменьей обители Нину Вагнадзе, настоятельницу Теклятского монастыря. Часть монахинь смутилась подобной постановкой вопроса и отказалась поставить свою подпись¹.

Произошедшее заставило министра исповеданий вплотную заняться вопросом о размежевании церквей. Несмотря на правительственный кризис, 2 сентября он убедил заместителя премьера М.И. Терещенко подписать указ о создании Особой комиссии по разделению церковных имуществ на Кавказе во главе с членом Юридического совещания профессором Б.Э. Нольде. В состав комиссии также должны были войти по три представителя от Грузинской церкви и ИК закавказского русского духовенства и мирян². Кроме того, 8 сентября Карташев внес на утверждение Временного правительства положение о создании русского Кавказского экзархата с кафедрой преосвященного в Тифлисе³. Этот документ Синод принял еще в июле 1917 года, но его проведение через правительство должно было на государственном уровне легализовать существование русских духовных властей и учреждений на Кавказе. 6 сентября в телеграмме митрополиту Леониду (Окропиридзе) А.В. Карташев написал, что правительственная комиссия учреждена и только она решит спорные вопросы: «захваты и самовольное распоряжение недопустимы»⁴.

4 октября 1917 года митрополит Платон отправил из Москвы на имя А.Ф. Керенского телеграмму, в которой жаловался на притеснения со стороны грузин и «окончательное стеснение» русской братии в захваченном экзаршеском доме в Тифлисе. «Семь месяцев мы страдаем, не видя конца страданиям и не зная причин их, – писал Платон. – Представитель русской иерархии на Кавказе не имеет храма и крова»⁵. После этого 6 октября Временное правительство, наконец, утвердило «Положение об устройстве Русской православной церкви на Кавказе»⁶. А.В. Карташев тут же телеграммой сообщил об утверждении «Правил» экзарху Платону, а также добавил, что новое название Синодальной конторы – «Кавказская Святейшего Синода контора»⁷.

Комиссия Б.Э. Нольде так и не успела собраться до Октября 1917 года. Тем не менее, русские «насельники» продолжали жить на первом этаже экзаршего дома в Тифлисе как минимум до начала 1918 года. Грузины создавали им всяческие неудобства, которыми, вероятно, пытались склонить к осво-

¹ Там же. Л. 5 об.

² Там же. Д. 173. Л. 22.

³ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 3 – 3 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 160. Л. 3.

⁶ См. копию данного постановления Временного правительства: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. ЛЛ. 30 – 30 об.

⁷ Там же. Д. 172. Л. 55 об.

бождению помещения. Так, в октябре 1917 года казначей Грузино-Имеретинской синодальной конторы Давид Нахуцаров (грузин по национальности) отказался выплачивать содержание эконому дома экзарха Серафиму, мотивируя это тем, что дом отошел к Грузинской церкви. Нахуцаров самовольно передал деньги избранному католикоосу Кириону (Садзаглишвили), а когда Серафим обратился к последнему за зарплатой, тот ответил, что иеромонах в его штате не числится. Тогда члены Синодальной конторы срочно назначили другого исполняющего обязанности казначея (некоего Карамана Мехузлу), которому приказали выплатить Серафиму причитающуюся ему сумму¹. До конца 1917 года эконом получал деньги от арендаторов, пользовавшихся принадлежавшими дому Ахалсопельским сенокосом и участками земли по Воронцовской улице в Тифлисе. Однако в январе 1918 года католикоос Кирион потребовал от всех арендаторов впредь передавать плату ему, как предстоятелю Грузинской церкви. Кроме того, Кирион запретил выдавать Серафиму дрова на отопление помещений. Ввиду этого 14 января 1918 года Кавказская синодальная контора запросила Синод выделить эконому Серафиму дополнительное жалование 4000 рублей².

«Захват» дома правящего архиерея в Тифлисе 23 августа 1917 года явился во взаимоотношениях двух православных церквей тем знаковым событием, которое продемонстрировало глубину разрыва в среде еще недавно единого духовенства. После этой даты русский экзарх более не посещал столицу Грузии, хотя номинально этот город и продолжал считаться резиденцией главы Кавказского экзархата. Кроме того, стало очевидным, что на фоне слабеющей центральной государственной власти именно грузинские, а не русские духовные власти являются хозяевами положения на Кавказе.

Лысенко Е.А.

Оценка перспектив русской революции в публицистических сочинениях Н.В. Устрялова 1917 года

Из поколения философов и публицистов – очевидцев русской революции, национал-большевик Н.В. Устрялов в ряду тех, кто под влиянием поворотов революционного процесса много раз кардинально менял свои взгляды. Свои сочинения он всегда писал с претензией на их пророческий характер, стремился заглянуть вперед, в будущее. Суть его «предсказаний» относительно перспектив русской смуты отражена в многочисленных статьях; сомнения по поводу выдвигаемых им самим тезисов – в его дневниковых записях. Их анализ показывает трансформацию взглядов определенной группы либеральной интеллигенции, прошедшей путь от кадетизма к идеологии

¹ Там же. Л. 63 об.

² Там же. Д. 165. ЛЛ. 1 – 2.

«здоровой реакции», которая была так ярко представлена в «белом движении».

«День, который, уже, во всяком случае, уже наверное войдет в историю. День жуткий, страшный. Свершается... борьба. Поистине братоубийственная»¹, – писал Устрялов в дневнике ночью с 27 на 28 февраля 1917 г. Более всего в происходивших революционных событиях, которые он наблюдал, находясь в Москве, Устрялова страшили две вещи: состав толпы, близкий к тому, который участвовал в погромах, а также опасность диктатуры, закамуфлированной лозунгом демократической республики. Он еще в марте старался оценить перспективы революции, будучи убежден, что если она уже закончилась, то войдет в историю как «самая блистательная из всех мировых революций»². Реальные события говорили об обратном, и Устрялов не мог не видеть этого: дневниковые записи пестрят гневными высказываниями в адрес тех «влиятельных кругов», которые поддерживают «законных детей Николая II», стремящихся, как и отрекшийся император, идти напролом, и заявляющих «Долой войну!».

Если как человек Устрялов отреагировал на февральские события негативно и опасливо, то как публицист (печатавшийся в 1917 г. по своей фамилии и под псевдонимом «П. Сурмин») он не был столь откровенен и категоричен. Политика требует компромиссов и гибкости – в этом будущий национал-большевик был уверен всю жизнь. И в своей брошюре «Революция и война»³, ставшей ответом на события февраля 1917 г., Устрялов строго придерживался этого принципа. В ней поднимался вопрос: как свержение самодержавия отразится на результатах войны. Царизм был назван «последним оплотом “пораженчества”»⁴. Устрялов представил революцию не столько в контексте завоевания Россией свободы, сколько показал важность будущей победы над Германией в деле укрепления нового пути русской государственности: «...неудачный исход войны может повлечь за собой реакцию и реставрацию...»⁵. В тот момент такой поворот событий казался ему неприемлемым и губительным для страны.

В 1925 г. в эмиграции, вспоминая февраль 1917 г., он писал, что начавшаяся революция была неверно понята русской интеллигенцией. С учетом пройденных лет, Устрялов оценил ее, во-первых, как «военное поражение России», во-вторых, как показатель того, что «государство русское распорядилось в народной стихии, умерло...»⁶. Спустя восемь лет национал-большевик увидел в Февральской революции начало краха, через который должно было пройти русское государство во имя нового небывалого взлета, обеспеченного большевиками. Но в том же 1925 г. Устрялов признавался, что

¹ Устрялов Н.В. Былое – революция. М., 2000. С. 134

² Там же. С. 135.

³ Устрялов Н.В. Революция и война. М., 1917.

⁴ Там же. С. 8

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Устрялов Н.В. Под знаком революции // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 334, 338.

«в месяцы «Февраля» основным чувством ощущался именно *стыд* <...> никогда после октябрьских дней не было на душе так отвратительно...»¹.

Весной же 1917 г. работе «Революция и война» он впервые характеризует большевиков как отдельную политическую силу, впервые их **называет**, отказавшись от пространных намеков, которые можно встретить в его статьях 1916 г.² Теперь его характеристика большевиков – «политически мало воспитанные, а иногда и просто невежественные, но, несмотря на это, заносчиво претендующие на определенную активную политическую роль»³. Наиболее вредным в характере этой политической силы он видит ее отказ от патриотизма, важнейшей для Устрялова категории. Именно поэтому публицист призывает отказаться от поддержки «уродливого явления русской жизни» – большевизма.

Брошюры Устрялова начала 1917 г. носили агитационный и политико-просветительский характер, издавались в Москве тиражом 60–95 тыс. экземпляров и пользовались популярностью, продаваясь очень быстро⁴. Среди таких изданий следует отметить «Отвод министров», «Что такое Учредительное собрание», «Николай», «Чего хотят социалисты».

В 1917 г. Устрялов вел активную публицистическую, политическую и преподавательскую деятельность. Он много печатался в «Утре России». Началось его сотрудничество с журналом «Народоправство», Народным университетом Шанявского, где Устрялов, как и в Московском университете, читал курс истории политической мысли. В это же время он вступил в кадетскую партию и проявил себя как активный ее член: с марта по май 1917 г. Устрялов читал «кадетские лекции» в ряде городов России, которые, по его словам, имели «теплый прием». Уже в названии первой из таких лекций, прочитанной 22 марта в Нижнем Новгороде, слышится главная идея, сквозь призму которой Устрялов понимал русскую революцию и остался в этом последовательным до конца своих дней: «Национальный смысл русской революции».

В это же время, весной 1917 г. вышла его брошюра «Чего хотят социалисты»⁵. Она по-своему уникальна для творчества Устрялова, т.к. является своего рода агитационной листовкой, призывающей рабочих и крестьян поддерживать партию – политического противника кадетов. Основная идея брошюры – пропаганда идей парламентаризма. Он старался донести до читателя, что республиканская форма правления есть во многих странах Европы, и она приносит пользу простому народу. Социалисты же в брошюре показаны партией, защищающей его права. Противопоставления царизма и парламентаризма, которые есть в этой работе, говорят о том, что она создавалась после

¹ Устрялов Н.В. Под знаком революции // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 336.

² См., напр.: Устрялов Н. Концентрация зла // Утро России. 1916. 11 декабря.

³ Устрялов Н.В. Революция и война. С. 23.

⁴ Быстрянцева Л.А. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н.В. Устрялова (1890 – 1937) // Новая и новейшая история. 2000. №5. С. 171.

⁵ Сурмин П. Чего хотят социалисты. М., 1917.

февраля 1917 г. В ней явно нашли отражение решения мартовского VII съезда кадетов; и анализ статей Устрялова в «Утре России» за июль 1917 г. позволяет сделать вывод о том, что «Чего хотят социалисты» написана весной. Остается загадкой, что подтолкнуло Устрялова, недавно вступившего в кадетскую партию, агитировать за своих политических оппонентов. Нельзя сказать, что социалистическая идеология не интересовала его, но он был убежден, что «социализм имеет не столько политическое, сколько «педагогическое» значение: его еще должны усвоить широкие рабочие массы»¹, чтобы освободиться от политического бескультурья и психологии несвободного человека. Таким образом, только политическим просвещением самого общего характера можно объяснить появление работы Устрялова «Чего хотят социалисты».

Июльские события 1917 г. застали Устрялова в Калуге. Он был потрясен случившимся в Петрограде. «Стыдно чувствовать себя русским, да, да, стыдно!.. Вот и русская революция! <...> Будь тысячу раз прокляты все эти солдатские депутаты, вся эта тупая и невежественная муть, эти господа сегоднешнего дня, – хамы пришедшие...»², – писал он в дневнике 13 июля.

23 – 28 июля 1917 года Устрялов присутствовал на IX съезде кадетской партии, проходившем в Москве и Петрограде. Он восхищался докладом П.Н. Милюкова. У самого Устрялова также были большие успехи на политической стезе: на калужских городских выборах в Думу его кадетский комитет получил треть всех мест.

В то же время партия «Народной свободы» во всероссийском масштабе проиграла на городских выборах социалистам. На этот факт Устрялов откликнулся статьями в «Утре России», где сравнил две политические силы, их тактику и перспективы. 26 июля в работе «Социалисты и действительность»³ он назвал триумф социалистических партий «иллюзорным», предсказывая им скорую необходимость подчиниться закону истории: «Лозунги “Свобода, равенство, братство” – особо звонко раздавались во Франции тогда, когда зрел уже деспотизм <...> Это же противоречие между политическими лозунгами и политическими фактами должны мы отметить и в наши дни <...> История обрекает творить их (социалистов – Л.Е.) не “свое”, а “чужое” дело» <...> Можно смело утверждать: ни одно из требований социализма в наши дни в жизнь не может воплотиться <...> Maximum того, что может дать стране история, не совпадает даже с программой минимум социалистов»⁴. Социалисты, в понимании Устрялова, партия будущего. Сначала в России следует укрепить демократические нормы, а уж затем говорить о возможности воплощения в жизнь социалистических идей. Укрепить их могут только кадеты с помощью борьбы с пораженчеством и надклассовых программных установок.

¹ Сурмин П. Социалисты и действительность // Утро России. 1917. 26 июля.

² Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 138.

³ Сурмин П. Социалисты и действительность // Утро России. 1917. 26 июля.

⁴ Там же.

Классовый подход Устрялов всегда считал ошибочным. Позднее, в конце 1920-х, его отсутствие в фашизме привлекло Устрялова к идеологии Дуче. Противопоставление классовым интересам интересов нации он считал путем, приводящим в тупик. Осознание этого кадетами воодушевляло его, как и то, что правительство к августу 1917 г. осознано необходимость отказа от «революционного романтизма» во имя спасения страны. «Надо *понизить* революционные требования: все равно у истории нет кредитов для того, чтобы выполнить великие обетования русской революции»¹, – писал Устрялов в августе 1917 г., перед созывом Государственного совещания, на которое возлагалось столько надежд. В эти дни впервые в работах Устрялова мы находим отражение его исторического фатализма, столь характерного для созданной им в эмиграции идеологии национал-большевизма. Согласно этой мировоззренческой установке судьбу нации, государства и всего человечества нельзя изменить, с ней следует считаться, сколь бы трагической она не была. В 1917 г. он честно служил делу кадетизма, считая его верным, но осознает, что надежд на спасение России от революционного хаоса демократическими силами остается крайне мало. Здесь прослеживается близость Устрялова «правому» крылу кадетской партии. Уже к лету 1917 г. он пришел к выводу, что на этом витке исторического развития России «демократия – толпа, которой руководили случайные герои» вредна², и единственной альтернативой является диктатура. И мучит его только один вопрос: не поздно ли ее создавать? Ответ на него он мог получить на московском Совещании общественных деятелей 8–10 августа 1917 г. Для участия в нем Устрялов специально приехал в Москву. Заседание произвело на молодого кадета крайне благоприятное впечатление. Он высоко оценил речь И.А. Ильина, направленную против А.Ф. Керенского, который был крайне несимпатичен самому Устрялову. Выступление генерала М.В. Алексеева он назвал «великолепным», в А.М. Каледине увидел «реальную почву», связывающую его с казачеством³. Само же заседание Устрялов не без удовлетворения назвал «контрреволюционным». Его результаты подтолкнули будущего национал-большевика к мысли о необходимости для России «реакции» не реставраторской, а «здоровой», основанной на союзе трех лучших общественных сил страны: армии в лице казачества, торгово-промышленного класса и «квалифицированной интеллигенции», которая бы идейно подпитывала эти силы. Целью реакции, которую Устрялов назвал «общественной», должно стать недопущение в России гражданской войны, а лидером реакции – Л.Г. Корнилов.

Получив 28 августа в Калуге телеграмму о корниловском ультиматуме, Устрялов писал: «Он хочет стать диктатором, и он тысячу раз прав. Но есть ли у него реальная сила? Дай ему Бог успеха, давно пора взять Россию в руки. Дай Бог, чтобы Россия нашла в нем своего Наполеона Бонапарта»⁴.

¹ Сурмин П. Революция на распутье // Утро России. 1917. 10 августа.

² Сурмин П. Перед совещанием // Утро России. 1917. 12 августа

³ Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 139.

⁴ Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 142.

Мысль о диктатуре как о наиболее приемлемой для России форме политического правления с этого момента никогда уже не покинет Устрялова. В 1933 г. в письме профессору В.В. Ламанскому он писал: «По-прежнему я не вижу силы, способной заменить в современной России <...> диктатуру. По-прежнему я думаю, что эта диктатура исторически является варварской формой самосохранения и развития нашего варварского народа»¹. Сделанный им в августе 1917 г. политический выбор определил, таким образом, всю дальнейшую политическую судьбу будущего национал-большевика. Крах Корнилова, о котором он узнал 31 августа 1917 г., привел его в бешенство. Со злой иронией он писал в дневнике: «На Руси не место Бонапартам: у нее есть советы депутатов – чего же еще нужно? Гнилая страна. Прочь все эти обольщения славянофильства..!»².

В середине сентября 1917 г. Устрялов в качестве лектора поехал на фронт. Свои впечатления он опубликовал в журнале «Народоправство»³. Рисуя удручающую картину большевизированной армии, он надеялся на эволюцию солдатских настроений, на то, что они «перерастут» большевизм.

На фоне этих надежд менялось его собственное отношение к большевикам. В августе 1917 г. Устрялов писал, анализируя манифест, принятый VI съездом РСДРП (б): «Неуместен гнев против большевиков, какие все они “милые” идеалисты – почти герои Чехова. В самом деле, они также как и его Соня, верят, что мы увидим “ангелов и все небо в алмазах”, но не через триста лет, а ... в будущем месяце. В них сохранилась и древняя душа русского человека, еще эпохи татарского нашествия. Помните этого оригинала: татары жгли его дом <...> а он – ничего – находил утешение в вере в земной рай <...> Они ужасно хотят *поторопить историю*, уж очень огорчает их последняя. Скептикам, упорно твердившим: социализм наступит, но через 100 лет, – они отвечают: нет, это будет сегодня!»⁴.

Такой ироничный взгляд на большевиков улетучился после разгрома корниловского восстания. В статье «Сила и слабость революции», опубликованной 3 сентября 1917 г. в «Утро России», Устрялов с ужасом констатировал, что у большевиков и народа, по крайней мере, у его пролетарской составляющей, единая психология: «Посмотрите, с какой охотой пролетариат Москвы, “авангард революции” принимает теперь резолюции большевиков о закрытии всей буржуазной прессы – о лишении миллионов читателей того слова, которое они хотят выслушать!»⁵. Он видел в большевиках прямых политических наследников самодержавия уже не только в отношении к войне, но и в методах политической борьбы: «У тех и у других оказались одинаковые грамматические вкусы – любовь к одним и тем же глаголам: *Разогнать* –

¹ Коллекция Н.В. Устрялова в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (США) [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: www.nuvs.sumy.ua; www.rusphil.albertina.ru

² Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 142.

³ Устрялов Н.В. Революционный фронт // Народоправство. №15, С. 13 – 16.

⁴ Сурмин П. Манифест большевиков // Утро России. 1917. 20 августа.

⁵ Сурмин П. Сила и слабость революции // Утро России. 1917. 3 сентября.

Государственную думу; *Выслать* – за границу «союзных империалистов»; *Арестовать* – Родзянко, Милюкова...»¹. Молодой кадет вынужден признать – сила за большевиками, за «авантюристами социализма». Она скрыта в «величии их обещаний». Слабость же революции, если к власти придут большевики, будет заключаться в ничтожестве ее достижений.

Большевики, считал Устрялов, выражают требования «темной народной массы», которая не хочет ждать результатов революции, она хочет получить их прямо сейчас. Власть же, подчиняясь русской политической традиции, не может их предоставить, т.к. не успевает за историей. Эта ситуация и родила партию большевиков, которая «лишь покорно выражает ее требования в программах и тактических формулах»². Большевики же, главой которых Устрялов называет Г. Зиновьева, хотят отстранить интеллигенцию от участия в политической жизни, чтобы им было легче управлять «чистым» пролетариатом. Россия идет к новому террору и деспотии. И это, безусловно, не та «здоровая реакция», о которой мечтал Устрялов. «Мы идем к новому самодержавию»³, – написал он 12 сентября 1917 г.

Традиционное для дальнейшей идеологии Устрялова проведение прямых аналогий между русской и французской революцией (вспомним его понимание советского «термидора» и споры вокруг этого тезиса в большевистском руководстве в 1920-е гг.) проявляется уже осенью 1917 г.: «Мы явно идем к якобинству. К насильственному навязыванию народу чужого ему уклада жизни»⁴. При этом Устрялов не обвинял большевиков в «обмане» народа и не считал, что их возможный приход к власти будет нарушением законов истории. Народ и Россия, по его мнению, «во власти тьмы», а большевики – выразители ее воли. Сожалел он только об одном – об отсутствии в большевиках «жажды исторического творчества». «Лишь повторения любят они», – разочаровано писал он в статье «Сумерки России», которая заканчивалась пророческими словами: «Если и победят якобинцы, если мы все же пройдем через трагедию войны социальной, все равно не погибнет страна, не станет великая свободная Россия малой Великороссией»⁵.

Но и демократия, по мнению Устрялова, «не будет основной творческой силой исторического завтра»⁶. Он предрекал полувековую паузу для демократических институтов в России. Спустя пятьдесят лет, считал он, в стране возродится демократия, но уже культурная и просвещенная. Неприемлемость демократии для современной ему России Устрялов признал 24 сентября 1917 г., а практически через неделю – 2 октября – его выдвинули кандидатом в депутаты исключительно демократического органа, который призван спасти Россию от революционной смуты – Учредительное собрание. Его избрал первым местным кандидатом калужский губернский съезд.

¹ Там же.

² Сурмин П. Пауза // Утро России. 1917. 10 сентября.

³ Устрялов Н. Народ и власть // Утро России. 1917. 12 сентября.

⁴ Там же.

⁵ Сурмин П. Сумерки России // Утро России. 1917. 14 сентября.

⁶ Сурмин П. В тумане будущего // Утро России. 1917. 24 сентября.

Отношение Устрялова к идее Учредительного собрания прошло несколько трансформаций. В начале 1917 г., как ответ на Февральскую революцию, вышла в свет его агитационная брошюра «Что такое Учредительное собрание?»¹, призванная объяснить широким массам необходимость создания этого органа: «Произошел революционный переворот. Разом рухнул весь “остов” действовавшего русского права, сразу потеряли силу основные законы. Их отменил державный акт всенародной революции. Старого права больше не существует <...> Задача учредительного собрания заключается в создании системы новых основных законов данного государства»². Идея права была в тот момент крайне важной категорией для Устрялова, как для правоведа и кадета. Но к концу 1917 г. Учредительному собранию он уже не отдавал столь большую роль в деле ее воплощения. Будучи выдвинутым в качестве кандидата в этот орган, Устрялов 9 октября писал в дневнике: «“Учредилка” потеряла всякое обаяние, ясно, что из нее ничего не выйдет»³. О своем разочаровании он заявил и со страниц прессы: «Миллионная масса дезорганизаторов государства должна выбрать организаторов – устроителей России!»⁴, – высказывая, таким образом, свое отношение и к тем, кто был избираем в Учредительное собрание, в том числе и к себе.

О большевистской революции Устрялов узнал, находясь в Калуге. Получая отрывочные сведения из Москвы и Петрограда, он предсказывал большевикам сначала две недели у власти, затем – месяц или два. Оставаясь до 22 ноября в провинции, он вошел в калужский «орган спасения родины и революции», который не смог помешать установлению в городе советской власти уже 13 ноября 1917 г. 15 ноября, к моменту окончания в Калуге выборов в Учредительное собрание, Устрялов принял решение ехать в Москву.

Став членом редакции «Утра России», Устрялов активно печатался. Его статьи, а отчасти и дневниковые записи, начали наполняться своеобразным восхищением большевиками. Свой интерес к ним он назвал «любопытством», старался найти в большевиках то, что позволяет им так долго удерживать власть, и находил это в национальном характере большевизма. «Да, вот она настоящая русская революция, именно такая, какой она должна была быть, какой она не могла не быть... “Разошлась русская душа”... И это не случай, не исторический каприз, что Ленины и Троцкие владеют Русью. О, они, конечно, народны, эти народные комиссары!»⁵, – писал он в ноябре 1917 г. И тут же пытался анализировать их корни, приходя к выводу, что вовсе не народ, тягу которого к пугачевщине используют большевики, породил их. Они – дети русской интеллигенции. Они – «смесь веховских интеллигентов с разгулявшимся мужиком русским, Бакунина с Пугачевым»⁶. И поэтому борьба с большевиками, считал Устрялов, есть не борьба с людьми, захвативши-

¹ Устрялов Н.В. Что такое Учредительное собрание. М., 1917.

² Там же. С. 9 – 10.

³ Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 150.

⁴ Сурмин П. Строитель государства // Утро России. 1917. 18 октября.

⁵ Устрялов Н. Русский бунт // Утро России. 1917. 26 ноября

⁶ Там же.

ми власть силой, это борьба – борьба против исконных, глубинных пороков русского общества, всего народа, нации. С этого момента Устрялов постоянно обвинял интеллигенцию в том, что она породила большевизм. Ленина и Троцкого он называл «подлинно русскими интеллигентами»¹. С горькой иронией он смеялся над тем, как осуществляются большевиками мессианские идеи славянофилов: «Россия дает миру социализм, у врат которого стоит внутренне готовый к нему Запад. Россия зажжет огонь отваги в старческом теле Европы. Встрепенется европейский мир и восток сольется с западом в царстве мира и братства народов <...> Милая, любимая сказка русской интеллигенции перемешалась с глупым и скверным анекдотом»².

В конце 1917 г. Устрялов признал «изумительную энергию» большевиков, их «прямоту, твердость»³. Но то, что почти восхищало Устрялова в них, стирается, перечеркивается одним единственным фактом – в большевиках нет патриотизма, и это, на данном этапе, делает их врагами Устрялова. Вот как он объяснял возможность победы в России интернационалистской партии: «Господствующая народность, в особенности, если господство дается ей легко, всегда склонна к утрате чувства патриотизма. Там, где самостоятельность и независимость – привычный факт, его ценность перестает ощущаться. И всякого рода антипатриотическая деятельность может при такой обстановке рассчитывать на успех»⁴. Он проклинал большевиков за отсоединение от России Украины, за уступки Западу, но продолжал верить, что именно эти предательства позволят возникнуть в России новой волне национального самосознания. И возникнет новая Великая Россия, пройдя через чистилище революции. Именно поэтому Устрялов уже в конце 1917 г. был убежден, что как бы не сложились обстоятельства, страну нельзя покидать⁵. Россия больна, она «бредит» большевизмом. Как можно в такую минуту отречься от нее, как можно презирать, бросать больную, «мечущуюся в беспамятстве» Родину?

Таким образом, не увидев в революции процесса сколько-нибудь позитивного или хотя бы подающего надежды на осуществление главного для него – восстановления величия России, в 1917 г. Устрялов уже видит ее национальный характер, уже понял революцию как необходимый кризис болезненного состояния страны, за которым последует выздоровление. Революционные события привели его к полному разочарованию демократической формой правления применительно к своей родине и своему народу. Ожидание им с 1917 г. русского Бонапарта, диктатура которого спасет Россию, в 1920-е сделала Устрялова сначала певцом советского «термидора», а в 1930-е приблизила к апологетике сталинизма.

¹ Устрялов Н. В Рождественскую ночь // Утро России. 1917. 24 декабря.

² Там же.

³ Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 154, 157.

⁴ Устрялов Н. Север и Юг // Утро России. 1917. 23 декабря.

⁵ Устрялов Н. В Рождественскую ночь // Утро России. 1917. 24 декабря.

Сведения об авторах**(на ноябрь 2012 г.)**

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Гавроева Екатерина Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры по кафедре русской истории;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГПУ;

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Клепикова Виктория Валерьевна – преподаватель истории ГБОУ ТКМ № 25;

Лысенко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая экскурсионным отделом ГМПИР;

Михайлова Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой философии, истории и педагогики Чебоксарского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации.

Надсадный Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры русской истории РГПУ, ведущий архивист ЦГИА СПб;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб;

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий менеджер ГЭ, докторант кафедры русской истории РГПУ;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ), докторант кафедры русской истории РГПУ.

Список сокращений и аббревиатур

- АГИК** – Астраханский губернский исполнительный комитет;
АНМП – Астраханская народно-монархическая партия;
АРО ГЦТМБ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;
Б/а – без автора;
Б/н – без названия;
ВДСРН – Всероссийский Дубровинский Союз русского народа;
ВКГД – Временный комитет Государственной думы;
ВСЕРАБИС – Всероссийский союз работников искусств;
ВУГЦ – Временное управление Грузинской церкви;
ГААО – Государственный архив Астраханской области;
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГАТЕДР – Государственный академический театр драмы;
ГАТОБ – Государственный академический театр оперы и балета;
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области;
ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики;
ГИК – Главная инвентарная книга;
ГБОУ ТКМ – Государственное бюджетное образовательное учреждение Техникум космического машиностроения (Москва);
ГМПИР – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург);
ГЭ – Государственный Эрмитаж;
КО РС – Казанский отдел Русского собрания;
КОТ – Казанское Общество трезвости;
КРО – контрразведывательное отделение;
л.-гв. – лейб-гвардии;
л.к. – линейный корабль;
МАЛЕГАТ – Малый ленинградский государственный академический театр;
МАЛЕГОТ – Малый академический ленинградский государственный оперный театр;
МВД – Министерство внутренних дел;
МИДв – Министерство императорского двора;
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан;
ОЗАКОМ – Особый Закавказский комитет Временного правительства;
ОРД СПбГМТиМИ – Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства;
о.с. – общее собрание;
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;
РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом);

СНК РСФСР – Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики;

СОРАБИС – Союз работников искусств;

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СРН – Союз русского народа;

СУ – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЧСК – Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств Временного правительства;

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;

ЦКГТ – Центральный комитет государственных театров;

ЦНРО – Царско-народное русское общество.

Содержание

<i>От составителя</i>	3
<i>Стогов Д.И.</i> Образ черносотенцев в российской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 г.).....	6
<i>Иванов А.А.</i> «Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова.....	15
<i>Клепикова В.В.</i> В.М. Пуришкевич в 1917 году: консерватор между либералами и большевиками	25
<i>Румянцев А.Г.</i> Взгляд из провинции: события 1917 года в Петрограде глазами тихвинского краеведа и историка И.П. Мордвинова	33
<i>Гавроева Е.С.</i> Революционная Россия в английских парламентских дебатах (апрель – июнь 1917 г.)	43
<i>Николаев А.Б.</i> Советские депутаты перед Временным судом Петрограда (весна – лето 1917 г.).....	46
<i>Надсадный Д.В.</i> Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.).....	58
<i>Гордеев П.Н.</i> Местные комитеты и другие организации рабочих и служащих в петроградских государственных театрах в 1917 году	67
<i>Бажанов Д.А.</i> «Свободу нам проповедуя...»: свобода как категория мировоззрения балтийских моряков весной – летом 1917 г. (на материалах периодической печати Гельсингфорса)	152
<i>Михайлова Е.М.</i> Региональные правоконсервативные партии и организации и их лидеры в «новой» России (на примере Поволжья)	166
<i>Соколов А.В.</i> «Захват» дома экзарха Грузинского в Тифлисе 23 августа 1917 года	175
<i>Лысенко Е.А.</i> Оценка перспектив русской революции в публицистических сочинениях Н.В. Устрялова 1917 года.....	185
<i>Сведения об авторах</i>	194
<i>Список сокращений и аббревиатур</i>	195
<i>Содержание</i>	197

**Революция 1917 года в России:
новые подходы и взгляды.**

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Якушева

Издание распространяется по подписке.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 14.10.2013
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cyr.
Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 12,3
Тираж – 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в издательстве «ЭлекСис», СПб., ул. Моисеенко, д. 10.